

СОДЕРЖАНИЕ

Том 90, номер 11, 2020

Специальный выпуск журнала “Вестник Российской академии наук” по международным отношениям

Вступительное слово	1003
<i>А. Г. Арбатов</i>	
Вооружения и дипломатия	1005
<i>Ал. А. Громыко</i>	
Метаморфозы политического неолиберализма	1019
<i>В. Б. Сулян</i>	
Внешнеэкономические реформы Д. Трампа: предварительные итоги	1028
<i>С. М. Труш</i>	
Россия—США—Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения	1037
<i>В. Я. Портяков</i>	
Внешнеэкономические связи Китайской Народной Республики	1048
<i>О. В. Буторина</i>	
Сужение Европейского союза и потенциал интеграции	1058
<i>И. О. Абрамова, Л. Л. Фитуни</i>	
Новая стратегия России на африканском направлении	1067
<i>В. М. Давыдов</i>	
Латиноамериканистика нашего времени: её истоки, результаты и ориентиры на перспективу	1077
<i>С. В. Жуков, О. Б. Резникова</i>	
Иран на мировом рынке нефти	1089
Поправка к статье О.В. Давыдова и М.Н. Новичковой “Мирный процесс на Корейском полуострове: проблемы и пути развития”	1100

CONTENTS

Vol. 90, No. 11, 2020

**Special issue of the journal “Herald of the Russian Academy of Sciences”
on international relations**

Introduction	1003
<i>A. G. Arbatov</i>	
Armaments and diplomacy	1005
<i>Al. A. Gromyko</i>	
Political metamorphoses of neo-liberalism	1019
<i>V. B. Supyan</i>	
D. Trump's foreign economic reforms: preliminary results	1028
<i>S. M. Trush</i>	
Russia — USA — China: reasons and risks of Russian-Chinese military rapprochement	1037
<i>V. Ya. Portyakov</i>	
Foreign economic relations of the People's Republic of China	1048
<i>O. V. Butorina</i>	
Narrowing of the European Union and integration potential	1058
<i>I. O. Abramova, L. L. Fituni</i>	
New strategy of Russia in the African route	1067
<i>V. M. Davydov</i>	
Latin American studies of our time: its origins, results and guidelines for the future	1077
<i>S.V. Zhukov, O. B. Reznikova</i>	
Iran on the world oil market	1089
Amendment to the article by O.V. Davydov and M.N. Novichkova “The Peace Process on the Korean Peninsula: Problems and Ways of Development”	1100

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА
“ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК”
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

DOI: 10.31857/S0869587320110109

В рамках деятельности по популяризации российской социогуманитарной науки у нас в стране и за рубежом руководством Академии наук было принято решение перепечатывать в “Вестнике Российской академии наук” лучшие статьи, опубликованные в русскоязычных академических журналах этого профиля. Один из предыдущих номеров (№ 9–2020) был посвящён российским историческим исследованиям. На этот раз в выпуске нашего журнала анализируются актуальные аспекты международных отношений. Читатели “Вестника РАН” смогут ознакомиться с разнообразными результатами исследований отечественных международников, получат представление о тематике и направлениях их работ.

Номер открывает статья академика РАН **А.Г. Арбатова** “Вооружения и дипломатия”, в которой утверждается, что выход США из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД) в 2019 г. угрожает распадом всей системы контроля над ядерным оружием, созданной за последние 50 лет. Главные причины нынешнего системного кризиса контроля над вооружениями, полагает автор, не в новых военных технологиях и не в изменившейся ядерной геополитике, хотя эти факторы создают немалые сложности. Корень проблемы кроется в политических настроениях и приоритетах высших эшелонов власти ведущих государств.

Тему трансформации западной цивилизации с теоретических позиций анализирует член-корреспондент РАН **А.А. Громыко**. Он обсуждает феномен политического неолиберализма, его генезис и эволюцию, апеллируя к взаимосвязанным методологическим принципам на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений. Автор обращается к дискурсу “заката Европы” и шире — западнцентричного мира сквозь призму изменения форм классического либерализма, ставших частью политической идеологии. Особое внимание уделяется политическому неолиберализму, который из некогда динамичной системы принципов и ценностей превратился в догму и ассоциируется с наименее популярными сторонами гиперфазы глобализации.

Основным направлениям и предварительным результатам политики президента США Д. Трампа во внешнеэкономической сфере посвящена статья члена-корреспондента РАН **В.Б. Супяна**. Как известно, особое место во внешнеэкономической политике США занимает Китай. Анализируя суть претензий США по отношению к Китаю и экономические отношения двух стран, автор приходит к выводу, что современной внешнеэкономической стратегии США присущи серьёзные противоречия, которые уже обернулись существенными потерями для американских компаний и потребителей.

Обсуждая резоны и риски российско-китайского военного сближения, кандидат исторических наук **С.М. Труш** приходит к выводу, что в настоящее время военный союз между нашими странами не представляется оправданным с точки зрения интересов безопасности Российской Федерации. Такой союз существенным образом переформатировал бы структуру мировой многополярности, вызвав в ней рост напряжённости, обострил бы проблему безопасности РФ, а не способствовал её решению. Масштаб и формы нынешнего военного сотрудничества между РФ и КНР представляются автору адекватными существующим внешнеполитическим условиям.

Внешнеэкономические связи Китая на протяжении 70 лет рассматриваются в статье доктора экономических наук **В.Я. Портякова**. Показана динамика роста внешнеторгового товарооборота Китайской Народной Республики, выявлены основные особенности современной товарной и географической структуры экспорта и импорта. Автор акцентирует внимание на торговле Китая услугами, привлечении Пекином иностранных инвестиций, вывозе китайского капитала за границу, на важнейших территориальных формах внешне-

экономической открытости страны — специальных экономических зонах и экспериментальных зонах свободной торговли.

В статье члена-корреспондента РАН **О.В. Буториной** обсуждается проявившаяся в последние годы тенденция сужения Европейского союза и потенциала его интеграции. Автор приходит к выводу, что, хотя вследствие брекзита Евросоюз несёт существенные экономические, политические и смысловые потери, выход Великобритании парадоксальным образом сообщает динамизм интеграционному процессу. Возникают предпосылки для формирования в Европе двух конкурирующих демократических режимов.

Перспективам российско-африканских отношений посвящена статья членов-корреспондентов РАН **И.О. Абрамовой** и **Л.Л. Фетуни**. Анализируется накопленный опыт советско-африканского сотрудничества, обсуждаются возможности его использования для укрепления экономических и политических позиций России на Африканском континенте. По мнению авторов, активизация российской политики на африканском направлении способствовала бы вхождению Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, созданию в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортоориентированного сектора.

Известный знаток латиноамериканских стран член-корреспондент РАН **В.М. Давыдов** начинает с утверждения, что латиноамериканистика вступила в пору научной зрелости. Благодаря этому сегодня в multidisciplinary “научном зеркале” регион предстаёт во всём своём многообразии и преимущественно в адекватном свете. В быстроменяющемся геополитическом контексте региона жизненно важно определить своего рода общий знаменатель в приоритетах развития, в ключевых ценностных ориентирах. И эта стержневая задача в условиях возросшего разброса политических предпочтений, спонтанного изменения массового сознания, наконец, в силу частых искажений в восприятии действительности в духе правоконсервативного популизма будет определять нынешнюю повестку и последующий ход исторического движения в Латинской Америке.

Завершает специальный выпуск “Вестника РАН” статья доктора экономических наук **С.В. Жукова** и кандидата исторических наук **О.Б. Резниковой** “Иран на мировом рынке нефти”. Иран является четвёртым крупнейшим держателем запасов нефти в мире, причём динамика его нефтедобычи имеет ярко выраженный циклический характер. Авторы показывают, что в череде мощных экзогенных шоков сильное негативное влияние на добычу иранской нефти оказывают односторонние и многосторонние санкции, причём долгосрочные отрицательные эффекты санкций существенно превосходят краткосрочные. В решающей мере из-за санкций технологический уровень иранского нефтяного сектора остаётся крайне низким.

Очевидно, что тематический выпуск не может охватить не только всю, но даже малую толику международной проблематики, которой уделяется внимание в академических исследованиях. Ведь в наших институтах накоплен громадный опыт изучения политики отдельных стран и их союзов, истории и современного состояния двусторонних и многосторонних отношений, прогнозирования их развития. Надеемся, что публикуемая здесь подборка статей окажется интересной и полезной для наших читателей.

Составитель специального выпуска член-корреспондент РАН **Ал.А. Громыко**, директор Института Европы РАН.

ВООРУЖЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ¹

© 2020 г. А. Г. Арбатов

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

E-mail: alarbatov@gmail.com

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

После доработки 19.08.2020 г.

Принята к публикации 01.09.2020 г.

Выход США из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД) в 2019 г. угрожает распадом всей системе контроля над ядерным оружием, созданной за последние 50 лет. Это может повлечь за собой неконтролируемую многостороннюю гонку вооружений. Такой опасный поворот событий по-разному оценивается политиками и экспертами. Одно из набирающих силу направлений мысли постулирует, что биполярный мир времён холодной войны уступил место многополярности, и потому двустороннее ограничение ядерного оружия далее невозможно. Эта предпосылка дополняется гипотезой о том, что новейшие вооружения и военные технологии нельзя ограничить прежними методами переговоров и соглашений, которые поэтому тоже следует упразднить. Предлагается сделать акцент на организацию различных многосторонних форумов по созданию благоприятной среды для укрепления ядерного сдерживания, транспарентности и предсказуемости. Однако научный анализ показывает, что обе названные предпосылки необоснованны. Во-первых, несмотря на глубокое сокращение ядерного оружия за последние 30 лет, доля двух ведущих держав в глобальном арсенале таких вооружений почти не уменьшилась, и ядерный ландшафт остаётся во многом двусторонним. Во-вторых, революционизирующее воздействие прогресса военных технологий не оказывается чем-то новым, но представляет собой обычное явление, которое регулярно повторялось в истории. Опыт пяти десятилетий убедительно продемонстрировал, что контроль над вооружениями может успешно осуществляться, если на высшем государственном уровне есть политическая воля к достижению соглашений по ограничению и сокращению ядерного оружия.

Ключевые слова: ядерное оружие, ограничение и сокращение вооружений, верификация договоров, высокоточные неядерные вооружения, критерий стоимость—эффективность, гиперзвуковые системы, оружие орбитального базирования, средства кибервойны, беспилотные системы, лазерное оружие.

DOI: 10.31857/S0869587320110031

Кризис контроля над ядерным оружием в последнее время стал объектом тревоги высшего руководства России [1]. Хотя сейчас всеобщим вни-

манием завладела пандемия, рано или поздно она пройдёт. Но ядерное оружие никуда не денется, и вместе с ним останется угроза несопоставимо более страшного бедствия — ядерной войны. Нынешний 2020 год — решающий момент в новейшей истории контроля над вооружениями.

Это последний год, когда ещё остаётся возможность сохранить эффект Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), например, на основе российской инициативы о моратории на развёртывание таких ракет в Европе. Это также и последний год, когда Россия и США ещё могут договориться о продлении действия Договора по стратегическим наступательным вооружениям (ДСНВ-3), срок которого истекает в 2021 г. Наконец, это год очередной, причём юбилейной, Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Ко-

АРБАТОВ Алексей Георгиевич — академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Мировая экономика и международные отношения” (2020. № 6. С. 9–23).

гда она состоится, её итоги во многом определяют судьбу этого ключевого договора, а вслед за ним и будущее Договора о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ОДИН ПРЕДМЕТ

В мышлении профессионального стратегического сообщества в России и за рубежом кризис контроля над вооружениями наконец-то занял центральное место. Только вот отношение к этому явлению весьма разное.

Есть немало специалистов в военных ведомствах и оборонной промышленности, ассоциированных с ними исследовательских центрах и органах СМИ, которые вздохнули с облегчением. Они полагают, что закончилось “смутное время”, когда не было явного внешнего врага, отрицалась угроза нападения извне, а роль военной мощи, и более всего ядерного оружия, казалась маргинальной и расплывчатой. Для них всё снова стало ясно: есть понятный (и традиционный) противник, военная угроза по его вине растёт, ядерную войну — как и любую другую — можно выиграть, а договоры по контролю над вооружениями мешают создавать оружие для победы и смущают наивных людей [2; 3; 4, с. 6; 5, с. 6, 7; 6].

Но есть и другой взгляд на кризис, который исходит из предпосылки, что он стал неизбежен ввиду коренных перемен в миропорядке и появления революционных военных технологий, которые упразднили прежние методы контроля над ядерным оружием. Однако авторы данного подхода не теряют оптимизма и охотно транслируют его государственным деятелям, утверждая, что стратегическую стабильность и безопасность можно строить без формальных договоров по ограничению конкретных систем оружия [7]. Новая политика, по их мнению, “должна основываться как на углублённых многоуровневых диалогах между ведущими ядерными державами, выработке правил игры в областях, где прямое военное столкновение наиболее вероятно, так и на фундаментальном пересмотре самой философии укрепления стратегической стабильности. Вместо того чтобы пытаться преодолеть ядерное сдерживание посредством сокращения вооружений и разоружения, необходимо согласованно и многосторонне его укреплять” [8]. Похожие идеи высказываются на весьма высоком уровне и за рубежом [9, 10]. В их числе “новая парадигма, которая продвинется дальше прежнего контроля над вооружениями... должна быть сформирована созданием постоянной комиссии России—США по ядерному оружию и её расширением на стратегическое и тактическое ядерное оружие и все ядерные государства” [11, р. 1—3].

Благовзвучная фразеология сторонников этого подхода затушёвывает его суть. Однако есть в России и прямолинейные откровения по данному поводу: “Контроль над стратегическими вооружениями — это труп, который невозможно оживить... Мы объективно заинтересованы в максимизации роли ядерного оружия. Подобная оценка допускается пролиферацией ядерных технологий, которые в любом случае будут распространяться. Это лишь вопрос времени, когда такая заинтересованность будет осознана руководством нашей страны и трансформирована в соответствующие доктринальные установки” [12].

На столь плодородной почве создано много мифов о диалектике ядерных вооружений и переговоров об их ограничении. Рассмотрим наиболее яркие примеры единства и борьбы противоположностей в области развития военных технологий и эволюции контроля над вооружениями в историческом разрезе и на обозримое будущее.

НОВОЕ ИЛИ ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ?

Главный довод сторонников “фундаментального пересмотра философии стратегической стабильности” состоит в том, что новейшие военные технологии и изменившийся миропорядок упраздняют традиционный контроль над вооружениями: “Трансформация военно-стратегического ландшафта включает в себя два основных измерения — военно-технологическое и геополитическое. Первое заключается в том, что технологический прогресс наделяет неядерные вооружения стратегическими свойствами, и грань между ними и ядерными вооружениями стирается... Геополитическое изменение военно-стратегического ландшафта заключается в окончании эпохи, когда две ядерные сверхдержавы ориентировались в своей ядерной политике исключительно друг на друга... и дальнейшее ограничение СЯС² только России и США без учёта третьих ядерных держав невозможно” [8].

Хотя для неспециалистов всё выглядит убедительно, профессиональный анализ показывает, что, во-первых, в нынешних технических новациях нет ничего беспрецедентного, а во-вторых, военно-технические прорывы в прошлом бывали намного более значительными, чем нынешние, но переговорам по ограничению вооружений удавалось брать их под контроль.

Не говоря даже о создании ядерного оружия в 1940-х годах, развитие баллистических ракет средней, а затем межконтинентальной дальности в 1950-е годы совершило переворот в военных доктринах, стратегиях и подходах к разоружению.

² СЯС — стратегические ядерные силы.

США обладали непревзойдённой воздушной мощью (их 1850 тяжёлых и средних бомбардировщиков были способны в одном налёте обрушить 4700 ядерных бомб на СССР, КНР и их союзников [13] и за несколько часов убить 275 млн человек [14]). Но эта мощь вдруг оказалось обесцененной: в исследовании корпорации РЭНД по заказу ВВС [15] был сделан вывод, что авиация США может быть разом уничтожена внезапным ударом нескольких десятков ядерных баллистических ракет по 60 аэродромам её базирования.

В 1960-е годы развернулась беспрецедентная гонка США и СССР по стратегическим ракетам наземного и морского базирования, которая поначалу породила американскую концепцию разоружающего (контрсилового) ракетного удара [16]. К 1967 г. американские стратегические ядерные силы увеличились по числу ракет в 40 раз (!) [17]. С середины 1960-х годов в стратегический баланс вторглись программы противоракетной обороны Советского Союза, а следом и Соединённых Штатов. Тогда казалось, что это раз и навсегда поставило крест на возможности ядерного разоружения, о котором в 1950-е годы шли горячие, но бесплодные дебаты в ООН.

Однако скорее, чем можно было предположить, в обеих державах возобладал здравый смысл. В 1967 г., предвидя формирование паритета по стратегическим ракетам двух держав, тогдашний министр обороны США Роберт Макнамара в своей речи в Сан-Франциско заявил, что обе стороны обрели возможность “навлеечь неприемлемый ущерб на агрессора, даже после принятия на себя его первого удара” [18, р. 57]. При этом он подчеркнул: “Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен действие–противодействие делает её глупой и бессмысленной. Обе наши страны выиграли бы от соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы” [18, р. 62].

Всего через пять лет эта логика воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1), подписанных на Московском саммите СССР–США в мае 1972 г. Системы ПРО обеих сторон были ограничены двумя районами базирования (далее по протоколу 1975 г. — одним по 100 антиракет), а наращивание наземных межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) было остановлено по факту на 1972 г. США решили строить ПРО вокруг базы МБР “Минитмен”, а СССР — вокруг Москвы, а по ракетам Советский Союз получил 25%-е преимущество перед США (2350 и 1710 ракет соответственно) [19, р. 11, 87].

Но не успели высохнуть чернила на документах 1972 г., как военно-технический прогресс вновь перевернул стратегические отношения сторон. По инициативе США с начала 1970-х годов развернулось интенсивное введение в боевой состав держав морских и наземных стратегических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Это повлекло 5-кратный рост числа ядерных боеголовок при неизменном количестве носителей. Ещё важнее, что многозарядные ракеты создали вполне предметную и адекватно моделируемую возможность нанести первый разоружающий удар. Отныне паритет по носителям и боеголовкам не исключал такую угрозу. Попытки в последний момент обновить системы РГЧ на переговорах по ОСВ-1 провалились [20, р. 180].

Тогда казалось, что угроза войны неотвратима, поскольку одна многозарядная ракета могла поразить несколько пусковых шахт с ракетами противника, оснащёнными ещё большим числом боеголовок³. Либералы на Западе называли эту ситуацию “ракетным безумием” [21]. Контроль над вооружениями как будто был обречён — ведь национальные технические средства (разведывательные спутники) могли наблюдать стартовые шахты, но не боеголовки на установленных в них ракетах.

Другой глубокий технический прорыв был обусловлен созданием в конце 1970-х годов компактных высокоточных крылатых ракет воздушного, морского и наземного базирования средней дальности (КРВБ, КРМБ и КРНБ соответственно). Вдобавок к системам РГЧ, они ещё больше увеличили количество ядерных боезарядов в стратегических силах (на тяжёлых бомбардировщиках — ТБ) и на морских и наземных средствах средней дальности. Это оружие девальвировало системы ПВО и создало угрозу ядерного удара с минимальным временем предупреждения благодаря своей низковысотной траектории. Тем более неразрешимой казалась проблема контроля над этими системами из-за их малых габаритов и невозможности различить системы в ядерном и обычном снаряжении.

Но проблему удалось решить поэтапно. Первая попытка была сделана на переговорах по Договору ОСВ-2 1979 г. В итоговом документе стороны договорились ограничить общее число стратегических носителей (включая ТБ) потолком в 2250 ед., но гораздо важнее, что Договор регламентировал структуру СЯС⁴. Согласованные

³ То есть схематично одной ракетой с 10 боеголовками можно поразить 10 ракет противника со 100 боеголовками.

⁴ Разрешалось иметь в сумме не более 1320 ракет с РГЧ и тяжёлых бомбардировщиков с КРВБ, в том числе не более 1200 морских и наземных ракет с РГЧ и не более 820 многозарядных наземных МБР [19].

уровни были пределами, но не диктовали сторонам реальную равную численность систем разного типа. Сами по себе единые для сторон потолки ОСВ-2 и последующих договоров были ориентирами предсказуемости и транспарентности ядерного баланса. Качественные ограничения были не менее важны: на максимальное число боезарядов и КРВБ на существующих и будущих типах ракет и бомбардировщиков, на число разрешённых новых типов ракет (не более одной МБР лёгкого типа) [19]. Опираясь на национальные технические системы контроля (в основном спутники разведки, воздушные и морские радиоэлектронные средства), стороны начали регулярный обмен данными по всем договорным параметрам. Хотя Договор ОСВ-2 не был ратифицирован в США из-за ввода советских войск в Афганистан, стороны обязались его не нарушать, и этот мораторий соблюдался до конца 1986 г., сохраняя предпосылки для продолжения диалога.

Качественный скачок произошёл с заключением в 1991 г. Договора СНВ-1, по которому число носителей сокращалось примерно на 30%, а боезарядов — на 40%⁵. Были согласованы беспрецедентные качественные ограничения разных систем оружия, обширный режим транспарентности и интрузивные методы контроля РГЧ на ракетах (включая осмотр боеголовок в головных частях ракет, снижение ракетного забрасываемого веса, запрет на шифрование телеметрической информации при ракетных испытаниях и обмен ею). Это положило начало продвижению вперёд по Договору СНВ-2 (1993 г.), Рамочному соглашению СНВ-3 (1997 г.), Договору по стратегическим наступательным потенциалам — СНП (2002 г.). В итоге по Договору СНВ-3 (2010 г.) удалось сократить общее число боеголовок стратегических сил примерно до уровня, предшествовавшего “ракетному безумию” — развёртыванию систем РГЧ с начала 1970-х годов.

Подрывное воздействие крылатых ракет тоже удалось взять под контроль. Сначала по Договору РСМД (1987 г.) были полностью ликвидированы КРНБ (вместе с баллистическими ракетами средней и меньшей дальности). Затем по Договору СНВ-1 была ограничена численность КРВБ на бомбардировщиках. Были лимитированы и ядерные КРМБ (потолком по 880 ед.) без режима верификации, на основе политически обязывающего соглашения и уведомлений, которые стороны никогда не нарушали. Таким образом, посредством контроля над вооружениями, эффективность которого сегодня огульно отвергают

сторонники нетрадиционных способов защиты безопасности, крупнейшие технические прорывы 1960–1980-х годов были купированы, а их эффект был фактически обращён вспять.

Однако все упомянутые выше технические прорывы и успехи контроля над вооружениями меркнут по сравнению с историей Стратегической оборонной инициативы (СОИ — “Звёздных войн”) президента Рональда Рейгана. Он объявил её в марте 1983 г., поставив цель “создать средства, которые сделают ядерные вооружения бессильными и устаревшими”. В последующие годы эта идея воплотилась в программу исследований, разработок и испытаний, предполагавшую более грандиозную военно-техническую революцию, чем все нынешние технологические инновации вместе взятые.

Она включала новые неядерные (контактно-ударные) перехватчики наземного и космического (“Блестящие камешки”) базирования и системы на новых физических принципах (рентгеновский и химический лазер, пучки направленных нейтральных частиц, гиперзвуковую электромагнитную пушку). Параллельно разрабатывались перспективные инфракрасные и радиолокационные системы обнаружения и сопровождения баллистических ракет для размещения на низких и высоких космических орбитах. Для функционирования этого гигантского комплекса создавались совершенные автоматизированные информационно-управляющие системы наземного и космического базирования [22, 23]. В течение 1985–1989 гг. суммарные ассигнования на СОИ составили 14,7 млрд долл. (на сегодняшний день это было бы около 50 млрд долл. — примерно годовой оборонный бюджет России по её официальной статистике) [24, р. 8–2].

Впоследствии появилось много легковесных суждений о том, что СОИ была всего лишь большим блефом или способом экономического изматывания Советского Союза, но это не имеет ничего общего с действительностью. Программа “Звёздных войн” была совершенно серьёзно направлена на создание многоэшелонной противоракетной обороны с открытой целью девальвировать ракетно-ядерные силы СССР и фактически вернуть ситуацию к положению середины 1950-х годов — времени недостижимости США для ядерного оружия.

Дестабилизирующий эффект СОИ был чрезвычайно велик, создавая перспективу небывалой гонки вооружений вплоть до начала 1990-х годов. Советский Союз не собирался оставлять вызов США без ответа. В 1985 г. в СССР был сформирован обширный комплексный план асимметричного ответа в виде программ СК-1000, Д-20 и СП-2000 [25]. Они предусматривали конструкторские работы по ударным космическим систе-

⁵ Потолки Договора составляли 1600 носителей, 6000 боезарядов, в том числе 4900 боезарядов МБР и БРПЛ, включая 1100 ед. для боезарядов МБР на мобильных пусковых установках и 1540 боезарядов на МБР тяжёлых типов.

мам, в том числе противоспутниковому оружию для поражения космических эшелонов СОВ, и создание собственных боевых орбитальных станций. Также ускорились работы по советской системе ПРО (А-135), повышению живучести наступательных ракет и совершенствованию их средств преодоления американской обороны. Именно тогда для обхода космических рубежей СОВ началась разработка ракетно-планирующих гиперзвуковых систем (“Альбатрос”) и подводных автономных аппаратов большой дальности (“Статус-6”), которые 35 лет спустя были обнаружены в России как системы “Авангард” и “Посейдон” [26; 27, с. 28].

Мир стоял на пороге беспрецедентной гонки вооружений на Земле и в космосе по принципиально новым системам оружия. В то время казалось, что это неизбежно разрушит Договор по ПРО и весь основанный на нём контроль над вооружениями. Но жизнь сложилась иначе: с середины 1980-х годов благодаря политике нового советского лидера Михаила Горбачёва началась глубокая разрядка напряжённости. На переговорах по ядерным и космическим вооружениям (ЯКВ) в Женеве проблемы СОВ и Договора по ПРО постоянно были в центре внимания. Заинтересованность Вашингтона в соглашениях по наступательным ядерным вооружениям стала брать верх над стремлением продвигать СОВ напролом через Договор по ПРО.

Большую роль сыграло также давление демократической оппозиции внутри США и со стороны их союзников по НАТО. Даже продвигая программу СОВ, администрация Рейгана и Пентагон утверждали, что приложенное к Договору по ПРО Согласованное понимание “D” допускало испытания в космосе систем на новых физических принципах (оружие направленной передачи энергии) [24, р. 1–4]. Однако специальная комиссия Сената США под председательством сенатора Сэма Нанна провела тщательное исследование протоколов переговоров и заключила, что испытания в космосе явились бы нарушением Договора по ПРО (ст. V и Согласованного понимания “D”).

В итоге контроль над вооружениями одержал историческую победу: Договор по ПРО выстоял и продержался в общей сложности 30 лет, а программа СОВ была свёрнута, хотя её отдельные элементы были реализованы в последующих американских проектах ограниченной системы ПРО.

Приведённый выше исторический обзор доказывает, что при наличии политической воли на высшем государственном уровне и квалифицированного экспертного сообщества переговоры по ограничению вооружений способны перешагнуть преграды, которые изначально казались непреодолимыми. Для этого дипломати-

ческое творчество поиска компромиссов сочетается с техническими новациями методов контроля, а юридически обязывающие договоры дополняются политически обязывающими соглашениями, мерами доверия и транспарентности.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МИФЫ И РЕАЛЬНОСТИ

Рассмотрим подробнее список военных технологий, которые приводятся скопом как довод в пользу упразднения традиционных методов контроля над вооружениями: “Технологический прогресс наделяет неядерные вооружения стратегическими свойствами, и грань между ними и ядерными вооружениями стирается. Речь идёт о высокоточных вооружениях в неядерном оснащении, способных уничтожить пусковые установки ракет с ядерным оружием и тем самым наносить обезоруживающий удар; о совершенствовании спутников, идентифицирующих мобильные носители ядерного оружия и превращающих их в мишени для контрсилового удара; о противоспутниковых вооружениях, выводящих из строя спутники системы предупреждения о ракетном нападении; о космических вооружениях, устраняющих как космические объекты, так и цели на Земле; о кибервооружениях, которые являются оружием массового поражения, поскольку могут повредить критическую инфраструктуру государства, нарушить систему коммуникаций, командования и контроля над вооружёнными силами, вывести из строя спутники и т.д. В перспективе способность нанести стратегический ущерб будет также определяться арсеналом лазерного оружия, обладанием разработками в области искусственного интеллекта” [8]. Теперь попробуем разобраться в этом пугающем вале военных технологий спокойно и по порядку.

Прежде всего о стирании грани между обычными и ядерными вооружениями. Как раньше, так и теперь обычные вооружения и близко не стоят к ядерному оружию по разрушительному эффекту. Это именно так при ударах по высокозащищённым и мобильным целям и ещё в большей мере — при нападении на административно-промышленные центры и объекты. Самый мощный имеющийся ныне обычный боезаряд эквивалентен 10 т тротила, а ядерный заряд минимальной мощности — 300 т⁶. Как известно, при бомбардировке Дрездена авиацией США и Британии 13–15 февраля 1945 г. за 2400 самолётов-летов было сброшено 7100 т бомб, в результате погибло свыше 100 тыс. человек [29]. Указанная суммарная мощность той бомбардировки близка к уровню маломощного современного ракетного

⁶ Речь идёт о ядерной авиабомбе с вариативной мощностью В-61-12.

ядерного боезаряда⁷. Всего одна атомная бомба, сброшенная на Хиросиму в августе 1945 г., имела вдвое большую мощность и принесла примерно такие же потери и ещё большие разрушения (не говоря о том, что помимо ударной волны её поражающими факторами были тепловое излучение, проникающая радиация и радиоактивное заражение местности). Сейчас в мире остаётся ядерный арсенал суммарной мощностью порядка 1600 Мт — примерно 100 тыс. “хиросим”.

С этим заблуждением связан ещё один миф: высокоточные вооружения в неядерном оснащении способны уничтожать пусковые установки ракет с ядерным оружием и тем самым наносить обезоруживающий удар. Действительно, возможности высокоточного оружия большой дальности с опорой на космические средства разведки и навигации, системы самонаведения на цели постоянно растут⁸. Однако оценка дестабилизирующей роли таких систем в стратегическом ядерном балансе Россия—США непомерно преувеличивается. Широкомасштабные военные действия с применением неядерных средств поражения, в отличие от СЯС, требуют длительной (несколько месяцев) подготовки, включающей массированное перебазирование авиации и флота. Это невозможно скрыть, а значит, противоположная сторона имеет возможность привести в полную боевую готовность, рассредоточить и замаскировать свои вооружённые силы, включая ядерную триаду и её информационно-управляющий комплекс.

Кроме того, одновременно поразить шахтные пусковые установки МБР и подземные командные пункты практически невозможно: чрезвычайно сложно скоординировать по времени удары дозвуковыми крылатыми ракетами по целям, рассеянным на обширной территории, системы ПВО будут оказывать активное противодействие (что показала низкая эффективность налёта американских КРМБ даже на Сирию в апреле 2017 г.⁹). По расчётам одного института российского Министерства обороны [29], для поражения одной шахты МБР с вероятностью 95% при точности (круговом вероятном отклонении) крылатой ракеты, равной 5 м, потребовалось бы 14 ракет, а при точности в 8 м — 35 ракет. Иными словами,

при таком нападении у США не хватит крылатых ракет, а у России будет возможность нанести ответный ядерный удар, что предполагается её Военной доктриной и о чём знают в Вашингтоне.

О стирании грани между ядерным и обычным оружием можно говорить лишь условно, в том смысле, что высокоточные неядерные крылатые ракеты могут теперь поражать незащищённые объекты, которые в прошлом можно было уничтожить лишь ядерными средствами: радары системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), ПРО и ПВО, лёгкие надземные укрытия мобильных пусковых установок МБР, подводные лодки-ракетоносцы в базах и тяжёлые бомбардировщики на аэродромах, пункты связи и управления космическими аппаратами и дальней авиацией и др. Помимо этого, многие средства такого рода и их носители имеют двойное назначение, и их применение до момента подрыва будет невозможно отличить от ядерного удара¹⁰. Эта вероятность усугубляется тем, что с другого фланга “ядерный порог” размывается концепциями и средствами ограниченной (избирательной войны)¹¹.

Указанные системы оружия и связанные с ними стратегические концепции весьма опасны, поскольку могут вызвать неуправляемую эскалацию обычного локального конфликта или даже военного инцидента к ядерной войне. Одновременно новые наступательные средства существенно осложняют контроль над вооружениями. Однако утверждение, что они делают его ненужным или невозможным, является в высшей мере спорным.

Ещё один сомнительный тезис состоит в том, что появляются новые средства доставки ядерного оружия, не укладывающиеся в схему традиционной ядерной триады. Как известно, в марте 2018 г. Россия объявила о создании новейших атомных крылатых ракет большой дальности, гиперзвуковых ракетно-планирующих комплексов и беспилотных подводных носителей ядерного оружия. Утверждается, что “их наличие тоже осложняет расчёт стратегического баланса (невозможно определить, скольким традиционным межконтинентальным баллистическим ракетам равна одна гиперзвуковая ракета) и, главное, лишает военного смысла поддержание количественного паритета стратегических ядерных сил” [8].

⁷ Имеется в виду новая ядерная боеголовка W-76-2 для БРПЛ “Трайдент-2” мощностью в 5 кт.

⁸ Например, это крылатые ракеты (КР) США морского базирования типа “Томахок” (BGM-109), воздушного базирования (AGM-158B, JASSM-ER). Россия тоже наращивает арсенал крылатых ракет в неядерном оснащении: морские ракеты типа “Калибр” 3М-14, авиационные ракеты типа Х-555 и Х-101, наземные крылатые ракеты типа 9М728 “Искандер” и 9М729 “Новатор”.

⁹ По российским данным, из 59 выпущенных КРМБ “Томахок” 36 были сбиты сирийской ПВО или отказали в полёте. См.: INTERFAX.RU, 07.04.2017.

¹⁰ Это относится к КРМБ “Калибр” РФ и “Томахок” США, авиационным крылатым ракетам типа Х-101/102 РФ и AGM-158 США, а также к новым ракетам средней дальности после денонсации Договора РСМД.

¹¹ Например, в США развёртываются БРПЛ “Трайдент-2” с боеголовками пониженной мощности (W-76-2), крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (типа LRSO), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда (В-61-12) и новые КРМБ в ядерном оснащении [30].

Гиперзвуковые ракетно-планирующие и авиационные системы в неядерном оснащении сейчас разрабатываются в США и, возможно, уже есть в Китае (показанные на параде в 2019 г. ракеты средней дальности DF-17). Старт ракетно-планирующих систем, как и баллистических ракет, можно засечь со спутников, но после этого они входят в стратосферу и летят с гиперзвуковой скоростью, маневрируя по непредсказуемым маршрутам. Из-за более низкой траектории, чем у МБР и БРПЛ, радары СПРН не могут их сопровождать и обнаружат только за 3–4 мин до падения [31, р. 33–63].

Однако воздействие таких неядерных систем на стратегический баланс неопределённо. Неясно, будет ли достаточна точность наведения этих средств для поражения защищённых объектов (шахты МБР, командные пункты), смогут ли они уничтожить наземно-мобильные системы, для чего потребуются корректировка со спутников и (или) самонаведение летательных аппаратов на конечном участке траектории. Это даст возможность противнику использовать радиоэлектронное противодействие или прямой перехват системами ПВО/ПРО. Наконец, непонятно, будут ли эти дорогостоящие средства развёрнуты в достаточном количестве (много сотен единиц), чтобы создать угрозу стратегическим силам другой стороны.

На уровне театра военных действий и сил общего назначения, где неизбежное соревнование наступательных и оборонительных систем идёт с переменным успехом, гиперзвуковое оружие может резко усилить нападение (как российские наземные баллистические ракеты “Искандер”, авиационные ракеты типа “Кинжал” или морские противокорабельные ракеты “Циркон”). Но механически переносить этот вывод на стратегический баланс неоправданно. В отсутствие маломагистральски эффективной системы ПРО, сопоставимой с вышеупомянутым замыслом СОИ, существующие и многократно испытанные ядерные баллистические ракеты России и США способны выполнить все воображаемые задачи ядерного сдерживания, а вклад в эту функцию со стороны гиперзвуковых аппаратов сомнителен. По той же причине гиперзвуковые системы никак не влияют на расчёт стратегического баланса: при использовании баллистических разгонных ступеней МБР (как в российской системе “Авангард”) гиперзвуковой носитель с ядерным или неядерным блоком приравнивается к одной баллистической ракете и одной боеголовке.

Ещё один сомнительный тезис — о совершенствовании спутников, идентифицирующих мобильные носители ядерного оружия и превращающих их в мишени для контрсилевого удара. Такие разведывательные спутники действительно

регулярно совершенствуются, но главный враг таких систем — законы космической динамики Кеплера и Ньютона, открытые так давно (три с лишним века назад), что о них, видимо, забыли некоторые нынешние теоретики. На предназначенных им низких орбитах разведывательные спутники не могут “висеть” над районами развёртывания мобильных МБР, а со скоростью 7.8 км/сек (быстрее межконтинентальных ракет) проносятся над Землёй, которая сама довольно быстро вращается вокруг своей оси (465 м/сек на экваторе). Поэтому один и тот же спутник возвращается к нужной для разведки зоне с интервалом более 10 часов.

Траектории таких спутников хорошо известны и предсказуемы, что позволяет мобильным ракетам своевременно менять стартовые позиции. При обычном количестве спутников этого вида на орбите (три–четыре) они не способны одновременно засечь местоположение 170 грунтово-мобильных ракет России [32], рассредоточенных на огромной территории, чтобы дать целеуказание для одновременного ядерного или неядерного удара баллистических, крылатых или планирующих гиперзвуковых ракет США. Многократное увеличение численности космической группировки сразу стало бы для другой стороны явным сигналом предупреждения о готовящемся нападении.

Далее в списке новейших технологий, якобы упраздняющих контроль над вооружениями, идут противоспутниковые вооружения, выводившие из строя спутники системы предупреждения о ракетном нападении. В развитии этого вида космического оружия нет ничего нового, а в прошлом оно шло более интенсивно, чем сейчас [25]. В течение 1967–1982 гг. СССР провёл более 20 испытаний специализированных систем перехвата спутников (ИС и ИС–МУ), разрабатывались и другие средства такого рода (“Контакт”, “Каскад”, “Скиф”), в том числе как ответ на американскую программу СОИ (система “Наряд-В”).

В настоящее время против космических аппаратов на низких орбитах противоспутниковые возможности закладываются в зенитные ракетные комплексы С-400 и С-500. В Государственной программе вооружений до 2027 г. (ГПВ-2027) одним из приоритетов обозначена противоспутниковая система “Нудоль” — на основе наземно-мобильной неядерной антиракеты, способной поражать космические объекты на орбитах высотой до 700 км. Кроме России, противоспутниковые системы на основе ракет наземного базирования испытали КНР (2007 г.) и Индия (2019 г.)

В США в 1977–1988 гг. была испытана и развёрнута система воздушного базирования с запуском с истребителя F-15 ракеты “СРЭМ-Альтаир” для поражения спутника прямым попаданием на вы-

сотах до 1000 км. Позже разрабатывалась система на основе ракеты-носителя наземного базирования (Kinetic energy antisatellite — KEAsat). В наибольшей степени готовности — модифицированная корабельная противоспутниковая система “Иджис”, которая на испытаниях в 2008 г. сбита отработавший американский спутник.

Названные системы великих держав не способны сбивать спутники СПРН на высоких орбитах, а потенциал иных способов и средств (как, например, манёвры сближения с космическими аппаратами другой стороны, мини-спутники на базе нанотехнологии) остаётся неопределённым и неиспытанным в близких к боевым условиям.

Конечно, было бы очень полезно запретить или хотя бы ограничить противоспутниковые вооружения. Тем не менее отсутствие прогресса на данном направлении никак логически не предполагает отказа от контроля над вооружениями. Противоспутниковые системы и в прошлом имели потенциально дестабилизирующий характер, но переговоры по сокращению стратегических вооружений достигли больших успехов.

Ещё один аргумент сторонников упразднения контроля над вооружениями — вероятность создания космических вооружений, устранивающих как космические объекты, так и цели на Земле. Тут, что называется, фантазия авторов идёт вскачь, в буквальном смысле отрываясь от земной почвы. Космическая система ПРО не получилась у США во времена программы СОИ и не предвидится в обозримом будущем, что в очередной раз подтвердил официальный американский доклад по ПРО 2019 г. [33]. Наступательные (ударные) системы класса “космос—земля” — тоже не новость и регулярно будоражат воображение фантастов, политиков и широкой общественности. Секретные проекты такого оружия велись в США ещё с начала 1960-х годов¹² (о советских разработках, как обычно, нет никаких достоверных сведений), однако дело не дошло даже до космических испытаний. Позже проводились секретные эксперименты с беспилотным многоразовым миниатюрным космическим аппаратом (мини-шаттлом) X-37В, который теоретически может служить носителем оружия.

Главным препятствием для таких проектов опять-таки служат законы космической динамики, которые не позволяют спутнику постоянно находиться над нужным районом Земли, кроме как на геостационарной орбите (то есть над экватором на высоте 36 000 км). На низких орбитах большинство боевых станций будут в каждый

данный момент пролетать над ненужными зонами Земли, а на высоких — иметь многочасовое подлётное время до целей или низкую эффективность (при использовании систем направленной передачи энергии). В отличие от этого, существующие наземные МБР и БРПЛ на морском дежурстве находятся в постоянной боеготовности и в пределах досягаемости до целей с подлётным временем 30—15 мин.

Также космические ударные средства имеют жёсткие ограничения по массе боевой нагрузки, отличаются исключительно высокой стоимостью и менее надёжной системой управления (отчего спутники периодически теряют связь или падают на Землю). Поскольку речь идёт о космических системах ПРО и наступательных боевых станциях, их придётся размещать на низких орбитах¹³. А на таких орбитах эти ударные комплексы будут уязвимы для разнообразных вышеупомянутых противоспутниковых систем. Наконец, для преодоления космической ПРО уже сейчас создаются ракетно-планирующие гиперзвуковые вооружения (как, например, “Авангард”), а также автономные подводные аппараты большой дальности (“Посейдон”). Если ныне их целесообразность не вполне ясна, то в случае возрождения идеи СОИ, на материализацию которой по прошлому опыту уйдут десятилетия, такие системы будут способны заблаговременно нейтрализовать космическую оборону.

Всё сказанное относится не только к кинетическим ударным средствам, но и к разным системам направленной передачи энергии (НПЭ), в том числе лазерным, которые тоже называют в качестве революционных технологий. На уровне театра военных действий они уже находят применение. Но на уровне стратегического баланса НПЭ не обещают радикальных перемен, кроме использования в качестве противоспутникового оружия, которое рассмотрено выше и которое отнюдь не отменяет нужды в контроле над вооружениями.

Проблемы кибервойны действительно могут оказать воздействие на стратегические отношения держав, однако сейчас далеко не ясно, насколько значительное и какое именно. Относится ли угроза к информационно-управляющим системам стратегических сил или также непосредственно к ядерным вооружениям, как будет идти соревнование кибернападения и киберзащиты? Что способны больше ослабить эти новые технологии: потенциал ответного удара или первого контрсилового удара (который предполагает намного более высокие требования к системам управления)? Может ли кибератака парализовать

¹²К ним относятся проекты частично орбитального бомбардировщика (Fractionally orbital bombardment system), космического планирующего аппарата (Space-Based Gliding Vehicle), многоразового космического маневрирующего аппарата (Space Maneuvering Vehicle).

¹³Иначе в первом случае невозможно перехватывать ракеты на разгонном участке траектории, а во втором — подлётное время ударных средств до целей будет слишком велико.

ответный удар или спровоцирует спонтанное применение всех ядерных средств? Насколько возможно полагаться на кибератаку против стратегических сил противника, если её эффективность нельзя проверить в близких к боевым условиях и если вероятный ответный киберудар непредсказуем по последствиям?

Так или иначе прямой негативной или позитивной взаимосвязи названной технологии с контролем над вооружениями не просматривается. Ясно лишь одно: сейчас возможность согласованного ограничения средств информационной войны сомнительна, но уход от контроля над вооружениями наверняка исключит взаимодействие ответственных держав в этой сфере в будущем.

Наконец, ещё один довод в пользу невозможности традиционного подхода к контролю над вооружениями состоит в том, что современный военно-технический прогресс настолько интенсивен, что прежний процесс многолетних переговоров просто не способен за ним угнаться. Но и это суждение кажется убедительным лишь на первый взгляд.

Как правило, инновационные военные технологии в прошлом и теперь требуют нескольких десятков лет для своего развития, пока не выйдут на авансцену стратегических отношений государств и переговоров по контролю над вооружениями. Все новейшие вооружения, находящиеся сейчас в центре общественного внимания, возникли не сегодня и не вчера. Противоспутниковое оружие испытывалось обеими державами ещё в 1960–1980-е годы, и с тех пор ничего принципиально нового пока не развёрнуто ни одним из государств. Лазерные системы и проекты космического оружия вышли на авансцену мировой военной проблематики вместе со “Звёздными войнами” Рейгана в 1983 г. Подводные атомные суперторпеды большой дальности (как “Посейдон”) и гиперзвуковые ракетно-планирующие аппараты (“Авангард”) создавались в СССР ещё с начала 1980-х годов, а в России эти проекты возобновились с середины 2000-х. Соединённые Штаты испытывали аналогичные гиперзвуковые системы в неядерном оснащении в 2010–2013 гг. (HTV-2 и ANW), но до сих пор не довели их до развёртывания. Межконтинентальные крылатые ракеты с атомным двигателем разрабатывались ещё в 1960-е годы, но были признаны в США бесперспективными, а ныне в России сталкиваются в своем развитии с большими проблемами (“Буревестник”). Ядерные боезаряды пониженной мощности продвигались администрацией США в середине 2000-х годов. Средства кибервойны широко обсуждаются после атаки на иранскую атомную промышленность в 2010 г.

Таким образом, проблема не в быстром военно-техническом прогрессе, а в замедлении про-

цесса переговоров по ограничению вооружений. После исторических прорывов в 1987–1997 гг. разоружение смещалось к периферии тематики международной безопасности, поскольку угроза ядерной войны между великими державами казалась немыслимой. К отказу от достигнутых огромными усилиями соглашений стали относиться как к тривиальности (выход США из Договора по ПРО в 2002 г. и нежелание ратифицировать ДВЗЯИ, приостановка участия России в ДОВСЕ¹⁴ в 2007 г.). Договоры СНП (2002 г.) и СНВ-3 (2010 г.) вырабатывались как бы по инерции, маргинально понижая потолки на носители и боезаряды и расслабляя правила их засчёта и меры верификации. В течение полутора десятилетий самоуспокоенности ничего не делалось для адаптации контроля над вооружениями к прогрессу военных технологий. За редкими исключениями, политики и эксперты всё меньше задумывались о конечных ориентирах сокращения ядерного оружия (процесс подменил цель), о пределах снижения потенциалов (чтобы ядерная война по разрушительным последствиям не стала мыслимой) и о практических альтернативах отношениям ядерного сдерживания.

На этом фоне резкое обострение международной напряжённости во втором десятилетии XXI в. застало врасплох всю систему контроля над вооружениями, а накопившиеся за многие годы военно-технические инновации быстро перегрузили политическую готовность к переговорам и интеллектуальные ресурсы ведущих государств. Поэтому и в данном ракурсе проблема не в технике, а в политике. Если под разными предложениями 10 лет не вести переговоров и не видеть стоящих перед ними серьёзных задач, то нечего удивляться, что новые системы оружия выходят из-под контроля и разрушают договорно-правовое здание ядерного разоружения.

Вторая часть доводов за отказ от контроля над вооружениями — геополитическое изменение военно-стратегического ландшафта [8]. Этот аргумент тоже вызывает серьёзные возражения. Никто и никогда не предложил каких-либо разумительных вариантов многостороннего ограничения ядерных вооружений, и эта идея была и есть не более чем предлог для отказа от двустороннего формата. В формирующемся полицентричном миропорядке ядерный ландшафт остаётся преимущественно биполярным (в 1990–2020 гг. доля двух сверхдержав в глобальном ядерном арсенале сократилась с 98 до 91%) [34].

Неопределённость есть лишь в отношении Китая, который имеет финансовые и промышленные возможности существенно (в разы) нарастить свой ядерный арсенал, но при этом скры-

¹⁴ДОВСЕ — Договор об обычных вооружённых силах в Европе.

вает любую информацию о его размере. В принципе привлечение КНР к контролю над вооружениями возможно [35], но для достижения практических соглашений США и России пришлось бы пойти на существенно бóльшие уступки, чем Китаю, а к этому обе сверхдержавы не готовы. В любом случае без восстановления российско-американского диалога переход на трёхсторонний или, тем более, многосторонний формат совершенно нереален. Поэтому, вопреки идеям приверженцев отказа от контроля над вооружениями, возврат к двусторонним переговорам Москвы и Вашингтона является необходимым условием расширения этого формата в будущем.

СТАБИЛЬНОСТЬ: КАК ОБНОВИТЬ КОНЦЕПЦИЮ

Основой контроля над ядерными вооружениями в последние 30 лет служила концепция “стратегической стабильности”, которая была сформулирована как правовая норма в июне 1990 г. в Совместном Заявлении Советского Союза и Соединённых Штатов [36]. Это понятие определялось как стратегические отношения сторон, устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара. Для формирования таких отношений будущие договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) должны были включать ряд согласованных элементов: взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями (чтобы оборона не могла ослабить ответный удар другой стороны); уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях (чтобы одним носителем с несколькими боезарядами нельзя было поразить на стартовых позициях несколько носителей противника с гораздо бóльшим числом боезарядов); оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью (чтобы их невозможно было уничтожить до запуска упреждающим ударом).

Важно подчеркнуть, что эта концепция была разработана не как мечта о светлом будущем, а в качестве основы переговоров о Договоре СНВ-1 (1991 г.), в сложнейших положениях которого воплощены все принципы этой концепции. В дальнейшем они нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993 г.), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997 г.), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и обороны театра военных действий (1997 г.) и текстом Договора СНВ-3 (от 2010 г.). В итоге этих соглашений стратегический баланс сейчас выглядит намного более стабильным (по критериям, согласованным в 1990 г.), чем было на пороге 1990-х годов.

Взамен прежней концепции стратегической стабильности сторонники упразднения контроля над вооружениями предлагают идею “многосторонней стратегической стабильности”, которая подразумевает “состояние отношений между великими ядерными державами, при котором исключено их любое военное столкновение друг с другом — как намеренное, так и непреднамеренное, поскольку всякое такое столкновение способно перерасти в глобальную ядерную войну” [8]. А средствами достижения этой прекрасной цели считается не ограничение и сокращение ядерных вооружений, а «комплексные, концептуальные и не ориентированные на достижение быстрых договорённостей диалоги в “тройке” Россия—КНР—США по фундаментальным вопросам многосторонней стратегической стабильности в целом. Они могут касаться оценки военно-стратегической ситуации в мире и перспектив её развития; определения и философии стратегической стабильности в новых условиях; механизмов сдерживания, доверия, предотвращения военных столкновений и ограничения гонки вооружений; ядерных доктрин и приоритетов развития вооружённых сил» [8].

Детально рассматривать этот сумбур благих пожеланий — дело неблагодарное и бессмысленное. Но если практика остаётся критерием истины, авторам названной концепции следовало бы задуматься над вопросом: каков итог таких отвлечённых диалогов по стратегической стабильности в формате Россия—США, КНР—США, “Большой пятёрки”¹⁵ и на других официальных и экспертных форумах, которые продолжались в последние 10 лет? Ведь в течение этого периода предложенный новый подход как бы проходил “полевые” испытания — не велось никаких переговоров по контролю над вооружениями, а система заключённых ранее договоров неуклонно разваливалась. Очевидно, что достижения такого новаторства оказались равны нулю, а “риск непреднамеренного ядерного конфликта или обострения конфликта неядерного имеет тенденцию к росту” [8], как признают сами авторы пересмотра концепции стабильности.

Другое дело, что 30 лет спустя после документа 1990 г. концепция стратегической стабильности требует обновления с учётом изменившихся условий и новых угроз. В прежней концепции стимулы для первого ядерного удара по умолчанию понимались, во-первых, как способность нанести массированный разоружающий удар по другой стороне, во-вторых, как упреждающий ядерный удар из страха перед разоружающей атакой оппонента. В этом был и остаётся фундамент стратеги-

¹⁵ Речь идёт о регулярных сессиях России, США, КНР, Великобритании и Франции по вопросам разоружения, которые ведутся с 2007 г.

ческой стабильности, и его необходимо сохранить при любых условиях.

Но впредь этого недостаточно, поскольку стимулом для первого ядерного удара может стать нападение с применением высокоточных обычных систем оружия против ядерных сил оппонента. Другой возможный стимул — это вероятность применения ядерного оружия с целью избежать поражения в неядерном конфликте. Такой сценарий присутствовал и раньше, но имела в виду широкомасштабная война и массированное применение ядерного оружия (прежде всего тактического) [27, с. 28].

Теперь первое использование ядерного оружия допускается и в локальных (региональных) конфликтах. Вашингтон вменяет Москве планирование ограниченного его применения в рамках концепции “эскалации ради деэскалации” [37] и противопоставляет ей свои аналогичные концепции и системы ядерного оружия пониженной мощности [38]. Российское руководство предупреждает, что на “любое применение ядерного оружия против России или её союзников малой, средней, да какой угодно мощности... ответ будет мгновенным и со всеми вытекающими последствиями” [39]. Однако на официальном уровне Москва пока не сделала безоговорочного заявления об отсутствии у неё планов ограниченных ударов и не публикует никакой информации о мощности своих ядерных боезарядов.

Указанные стратегические новации чреваты быстрой и неуправляемой эскалацией войны к массированному обмену ядерными ударами с катастрофическими последствиями. Поэтому обновлённая версия сути стратегической стабильности должна подразумевать такое состояние стратегических отношений сторон, при котором устраняются стимулы для первого применения ядерного оружия (имея в виду как массированный, так и ограниченный удар), и принимать во внимание расширенный спектр возможных стимулов такого рода.

ПОВЕСТКА ДНЯ НА ПЕРСПЕКТИВУ

Понятно, что контроль над ядерными вооружениями не может прямо определять оперативные военные планы государств. Но он способен, как и раньше, косвенно влиять на них, например, охватывая высокоточные системы обычного оружия и средства ограниченной ядерной войны. Прежде всего это относится к неядерным крылатым ракетам большой дальности. В потолок на стратегические боезаряды следующего договора СНВ следует включить любые (ядерные и обычные) ракеты воздушного базирования свыше определённой дальности (более 600 км). Вопрос можно решить путём возврата к их зачёту по со-

гласованному или реальному оснащению бомбардировщиков и проверок на аэродромах, как предусматривали договоры СНВ-1 и СНВ-2.

Наземные ракеты свыше определённой дальности (500 км), включая атомную межконтинентальную ракету “Буревестник”, ещё проще запретить или количественно ограничить на основе тех же мер верификации, которые были включены в Договор РСМД (от 1987 г.). Положительный эффект того Договора можно сохранить через принятие предложенного Москвой в конце 2019 г. моратория на развёртывание таких ракет в Европе. Для этого нужно снять взаимные претензии по его соблюдению применительно к российской крылатой ракете типа 9М729 (которой приписывают дальность более 500 км) и американским пусковым установкам ПРО в Румынии и Польше (в которых предположительно могут размещаться КРМБ “Томахок”) путём согласования инспекций на местах [40].

С морскими крылатыми ракетами дело намного сложнее из-за мобильности и скрытности их носителей и универсальности пусковых установок, которые на кораблях приспособлены и для запуска ракет ПРО/ПВО, а на подводных лодках используют торпедные аппараты. Поэтому данная тема требует дальнейшей проработки.

Наибольший ажиотаж сейчас связан с гиперзвуковыми планируемыми системами (российская система “Авангард” и системы программы “Быстрого конвенционального глобального удара” США). При согласии сторон их ограничить возможность контроля этих систем не станет преградой. Они разгоняются баллистическими ракетными ступенями и в плане верификации должны быть включены — наряду с баллистическими ракетами — в будущие потолки СНВ, а также (при создании систем средней дальности) под запреты или потолки нового ДРСМД, если такие договоры будут заключены. Именно такой прецедент создала Россия, объявив, что её новая гиперзвуковая система “Авангард” приравнивается к МБР и подлежит аналогичному зачёту по СНВ-3. Отметим, что все упомянутые выше носители согласно практике договоров СНВ/РСМД должны включаться независимо от вида боезарядов (ядерные или обычные), что значительно упростит их верификацию.

Против ограничения неядерных крылатых и иных ракет выдвигается аргумент, что они нужны державам для локальных военных операций. Однако опыт войн в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии показывает, что они применялись в небольших количествах (максимум сотни единиц). Большое число таких средств (тысячи) может потребоваться великим державам только для ударов друг по другу, что противоречит идее стратегической стабильности и как раз должно

быть ограничено соглашениями по контролю над вооружениями.

Применительно к ядерному оружию для избирательного использования достижение соглашений — гораздо более трудная задача. Но и она разрешима косвенным путём, например, через ограничение ядерных авиабомб на стратегических бомбардировщиках. Баллистические и крылатые ракеты с боезарядами пониженной мощности будут подпадать под ограничения соответствующих соглашений СНВ и ДРСМД. При достижении новых договоров по разведению и сокращению вооружённых сил общего назначения (по типу ДОВСЕ) откроется возможность ограничения тактического ядерного оружия (например, его отвода в централизованные хранилища на национальной территории и закрытия передовых войсковых баз, что переведёт это оружие в разряд неразвёрнутых средств).

Понятно, что, как и прежде, включение в договоры тех или иных вооружений не исключает их боевого применения. Тем не менее количественные и качественные ограничения систем оружия, меры транспарентности, доверия и предсказуемости ощутимо сковывают в политическом отношении свободу их подготовки и использования для развязывания войны.

Перспективы запрета или ограничения космических вооружений — ещё более сложная задача, которую не удалось решить даже в лучшие годы контроля над ядерным оружием. Возможность их запрещения пока не просматривается, но угрозу космической гонки вооружений можно снизить, начав в качестве первого шага с запрещения новых испытаний любых ударных противоспутниковых систем по реальным мишеням в космосе [41]. Это заметно повысит живучесть важнейших космических систем предупреждения о ракетном нападении России и США на высоких орбитах и замедлит засорение ближнего космоса техногенным мусором, опасным для космической деятельности всех стран.

Проблемы согласования и верификации запретов или ограничений систем кибервойны сейчас кажутся неразрешимыми, но пока можно надеяться, как минимум, на целенаправленный диалог России и США для заключения взаимного политически обязывающего отказа от кибератак на стратегические информационно-управляющие системы друг друга для предотвращения непреднамеренного обмена ядерными ударами. В этом смысле можно использовать опыт обязательств великих держав о ненацеливании ядерных ракет друг на друга, что нельзя проверить, но осуществляется на практике и имеет стабилизирующий политический эффект.

Не менее непредсказуемо влияние на стратегическую стабильность со стороны искусствен-

ного интеллекта. Однако возможность охвата соглашениями вероятных автономных ударных систем, оснащённых искусственным интеллектом (например, новой российской суперторпеды “Посейдон”), зависит не от их системы управления. Это в политическом отношении будет определяться готовностью держав включить их в повестку переговоров, а в техническом — от типа носителей, их базирования, максимально испытанной дальности и вида боезаряда. В этом смысле ограничения, например, автономных ядерных торпед “Посейдон” не труднее проверять, чем нынешние баллистические ракеты морского базирования.

ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПОЛИТИКА

Безусловно, возможности договорно-правовых методов в обуздании гонки вооружений не безграничны. Например, в прошлом не было найдено способов ограничить точность ядерных вооружений, их мощность и скорость, различать ядерное и обычное оснащение систем двойного назначения, контролировать морские крылатые ракеты и тактическое ядерное оружие. Тем не менее за прошедшие полвека контроль над вооружениями одержал великие исторические победы, и впредь ему нет замены в качестве стержня международной безопасности.

Недопустимо отказываться от движения по опробованным направлениям ограничения вооружений и сохранения подписанных договоров (ДСНВ, ДРСМД, ДНЯО, ДВЗЯИ и др.), если некоторые новейшие военные технологии пока не поддаются контролю, вроде киберсредств и беспилотников. А без прогресса на магистральном пути контроля над вооружениями никогда не удастся ни найти способов ограничения инновационных военных технологий, ни перейти к многостороннему формату соглашений в этой сфере.

Главные причины нынешнего системного кризиса контроля над вооружениями не в новых военных технологиях и не в изменившейся ядерной геополитике, хотя эти факторы создают немалые сложности. Однако корень проблемы кроется в политических настроениях и приоритетах высших эшелонов власти ведущих государств. В начале 2000-х годов нынешняя генерация политических элит и государственных деятелей получила построенную за много десятилетий систему контроля над ядерным оружием так сказать даром, принимает это наследство как должное, не сознаёт его ценности и очень смутно представляет себе мир без контроля над вооружениями. Не имеет она и опыта десятилетий дорогостоящих, опасных и по большей части бесплодных циклов гонки вооружений.

Но тем больший вред проистекает от теорий о том, что “прежнее понимание стратегической стабильности как отсутствия у России и Соединённых Штатов стимула нанести первый ядерный удар друг по другу уже не отражает положения вещей. Равным образом прежняя политика по её укреплению — посредством поддержания количественного паритета стратегических ядерных сил и их последовательного верифицируемого сокращения... — перестаёт быть эффективной...” [8].

Нынешнему поколению политических элит и руководителей внушают, что всеобъемлющий кризис контроля над вооружениями закономерен и не так уж опасен. Что можно обойтись без изнурительных многолетних переговоров, которые требуют больших усилий за дипломатическим столом и ещё более трудного улаживания внутренних конфликтов между государственными ведомствами и лоббирующими группировками. Кажется бы, насколько легче и приятнее вести дипломатию по ядерной тематике, произнося речи на международных форумах и не преследуя цели достижения конкретных договоров со всеми их юридическими тонкостями и техническими нюансами. Проблема лишь в том, что такой путь никогда не принесёт плодов.

Международная безопасность невозможна без стратегической стабильности, а стабильность недостижима без договоров по ограничению и сокращению конкретных вооружений и военных технологий. Прежние лидеры великих держав убедились в этом на собственном тяжёлом опыте, и их нынешней смене, видимо, придётся повторить этот путь, если он не превратится глобальной катастрофой. В прошлом для прекращения гонки вооружений и окончания холодной войны потребовались большие и долгие усилия руководящих кругов и заинтересованной общественности СССР, США и других стран. Впредь для восстановления системы контроля над вооружениями понадобятся не меньшие политические и интеллектуальные инвестиции со стороны ответственных держав мира.

Более полувека назад в заключение своей знаменитой речи в Сан-Франциско, заложившей концептуальную основу контроля над ядерным оружием, Роберт Макнамара заявил: “В конечном итоге истоки безопасности человека не в вооружениях, а в его сознании. В чём нуждается мир на третьем десятке лет Атомного века, так это не в новой гонке к вооружениям, а в новой гонке к благоразумию. Для всех нас было бы лучше принять участие в этой гонке” [18, р. 67]. Наверное, эти слова никогда не были столь актуальны, как сейчас — на восьмом десятилетии ядерной эпохи.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00463).

ЛИТЕРАТУРА

1. Церемония вручения верительных грамот. 5 февраля 2020 г., Москва. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62732> (дата обращения 20.02.2020).
2. Colby E. If You Want Peace Prepare for Nuclear War // Foreign Affairs. 2018. V. 6. P. 25–32. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-15/if-you-want-peace-prepare-nuclear-war> (дата обращения 02.02.2019).
3. Joint Publication 3–72, Nuclear Operations. Joint Chiefs of Staff, 11 June 2019. https://fas.org/irp/doddir/dod/jp3_72.pdf (дата обращения 19.02.2020).
4. Кетонов С. Американский “Авангард” не существует даже на бумаге // Военно-промышленный курьер. 2019. 4 июня. <https://vpk-news.ru/articles/50604> (дата обращения 19.02.2020).
5. Широкопад А. Оружие Судного дня // Независимое военное обозрение. 2019. № 19. С. 6, 7.
6. Сивков К. “Хвасон” — пример для “Сармата” // Военно-промышленный курьер. 2018. 23 октября. <https://vpk-news.ru/articles/45824> (дата обращения 20.02.2020).
7. Караганов С., Суслов Д. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. Доклад, 21 мая 2019 г. http://svop.ru/wp-content/uploads/2019/09/REPORT_Rus_1.pdf (дата обращения 27.02.2020).
8. Караганов С., Суслов Д. Сдерживание в новую эпоху // Россия в глобальной политике. 2019. № 4. С. 22–37. <https://globalaffairs.ru/number/Sderzhivanie-v-novuyu-epokhu-20174> (дата обращения 23.02.2020).
9. Creating the Conditions for Nuclear Disarmament (CCND). Working paper submitted by the United States of America. <https://undocs.org/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30> (дата обращения 25.02.2020).
10. Deuxieme session du Comité preparatoire de la Conference d’examen du Traite sur la non-prolifération des armes nucleaires de 2020 (Geneve, 23 avril–4 mai 2018). Intervention de Madame Alice Guittou, Représentant permanent de la France auprès de la Conference du desarmement, Chef de la delegation française Geneve, le 23 avril 2018. <http://statements.unmeetings.org/media2/18559222/france-newl.pdf> (дата обращения 23.02.2020).
11. Moon W. Beyond Arms Control: Cooperative Nuclear Weapons Reductions — A New Paradigm to Roll Back Nuclear Weapons and Increase Security and Stability // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2020. V. 3. P. 92–114. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/25751654.2020.1732516> (дата обращения 19.03.2020).
12. Хазбиев А. Система контроля над СНВ — это труп, который невозможно оживить // Эксперт. 2020.

- № 4. 14 января. <https://expert.ru/2020/01/14/sistema-kontrolya-nad-snv-eto-trup-kotoryiy-nevoz-mozhno-ozhivit/> (дата обращения 19.03.2020).
13. Kaplan F. The Wizards of Armageddon. New York: Simon and Schuster, 1983.
14. Ellsberg D. The Doomsday Machine. Confessions of a Nuclear War Planner. New York: Bloomsbury, 2017.
15. Wohlstetter A., Hoffman F., Lutz R., Rowen H. Selection and Use of Strategic Air Bases. RAND Corporation, April 1954. <https://www.rand.org/pubs/reports/R0266.html> (дата обращения 19.03.2020).
16. Department of State Bulletin, V. XLVII, No. 1202. Office of Public Communication, Bureau of Public Affairs, 1962. <https://books.google.ru/books?id=pZJH-AQAAMAAJ&pg=PA46&lpg=PA46&dq=department+of+state+bulletin+vol+xlvi+no+1202+office+of+public+communication+bureau+of+public+affairs+1962&source=bl&ots=c1QxF63PEZ&sig=AC-fU3U3R7ZLpUhmXdAmV2AOfpQz9ugc-DiQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjm6Lf14K3oAh-Vc6qYKHW16C1EQ6AEwAHoECAgQAQ#v=onepage&q=department%20of%20state%20bulletin%20vol%20xlvi%20no%201202%20of-office%20of%20public%20communication%20bureau%20of%20public%20affairs%201962&f=false> (дата обращения 22.03.2020).
17. Bal D. Politics and Force Levels of The Strategic Missile Programme of the Kennedy Administration. Los Angeles: University of California Press, 1980.
18. McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. New York: Harper & Row, 1968.
19. Labrie R. SALT Handbook. Key Documents and issues 1972–1979. Washington: AEI Press, 1979.
20. Newhouse J. Cold Dawn: The Story of SALT. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
21. Scoville H., Osgood R. Missile Madness. Boston: Houghton Mifflin, 1970.
22. Ballistic Missile Defense Technologies, U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1985. <https://ota.fas.org/reports/8504.pdf> (дата обращения 27.02.2020).
23. SDI: Technology, Survivability, and Software, U.S. Congress, Office of Technology Assessment. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1988. <https://ota.fas.org/reports/8837.pdf> (дата обращения 25.02.2020).
24. Report to the Congress on the Strategic Defense Initiative, 1989. Washington, DC: U.S. Government Printing Office. March 13, 1989.
25. Dvorkin V. Space Weapons Programs. Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security / Arbatov A., Dvorkin V., eds. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. P. 30–45.
26. Рамм А., Корнев Д. Альбатрос мировой революции — часть 1 // Военно-промышленный курьер. 2015. 23 сентября. <http://www.vpk-news.ru/articles/27160> (дата обращения 25.02.2020).
27. Гриневский О. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М.: Олимпия, 2004.
28. Дворкин В. Мировой Договор // Новая газета. 2019. 10 ноября. <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/10/82673-mirovoy-dogovor> (дата обращения 25.02.2020).
29. Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валева М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 2015. 19 октября. <http://vpk-news.ru/articles/27617> (дата обращения 19.03.2020).
30. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC, February 2018. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL> (дата обращения 01.02.2020).
31. Acton J. Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. <http://carnegieendowment.org/publications/?fa=52778> (дата обращения 25.02.2020).
32. SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2019.
33. Missile Defense Review. Washington, DC, 2019. <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (дата обращения 19.02.2019).
34. Арбатов А. Грёзы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 5–16.
35. Arbatov A. A New Era of Arms Control: Myths, Realities and Options. Carnegie Moscow Center, 24.10.2019. <https://carnegie.ru/commentary/80172> (дата обращения 20.02.2020).
36. Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (дата обращения 15.02.2020).
37. Актуальные задачи развития Вооружённых Сил Российской Федерации // Красная звезда. 2003. 11 октября. http://old.redstar.ru/2003/10/11_10/3_01.html (дата обращения 25.02.2020).
38. Nuclear Posture Review. Office of the Secretary of Defense. Washington, DC, February 2018. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL> (дата обращения 01.02.2020).
39. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 г., Москва. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 10.03.2019).
40. Арбатов А. Чем опасен для России выход США из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Московский центр Карнеги, 22.10.2018. <https://carnegie.ru/commentary/77543> (дата обращения 23.10.2019).
41. Арбатов А. Ускользающая материя // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 1. С. 5–17. https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2019/02_Arbatov.pdf (дата обращения 19.03.2020).

МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА¹

© 2020 г. Ал. А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 08.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 28.07.2020 г.

Статья посвящена феномену политического неолиберализма, его генезису и эволюции. Явление изучается с помощью взаимосвязанных методологических принципов на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений. Автор анализирует дискурс “заката Европы” и шире — западноцентричного мира сквозь призму изменения форм классического либерализма, ставших частью политической идеологии. Особое внимание уделяется политическому неолиберализму, который из некогда динамичной системы принципов и ценностей превратился в догму и ассоциируется с наименее популярными сторонами гиперфазы глобализации. Описаны элементы ослабления западноцентризма, включая стратегическую расстановку США и их европейских союзников. Затронута тема милитаризации мышления и внешней политики ряда стран. Автор считает, что деградация политического неолиберализма расчищает путь для поиска нового баланса между идейными традициями либерализма, консерватизма и коллективизма.

Ключевые слова: политический неолиберализм, либерализм, консерватизм, коллективизм, теория международных отношений, идеология, “закат Европы”, западноцентризм.

DOI: 10.31857/S0869587320110067

Изменения в политических процессах и европейских партийно-политических системах, экспертном дискурсе специалистов-международников, сопутствующих нарративах идут быстрыми темпами. В своё время мы давали оценку феномену либерального политического истеблишмента (ЛПИ), его дифференциации на ортодоксальную и умеренную части, возникновению “новой политической альтернативы” [1]. ЛПИ — явление, истоки которого можно проследить в первые де-

сятилетия после окончания Второй мировой войны, но сформировалось оно в современном виде в последние 40 лет, став политическим оформлением неолиберальной волны, прокатившейся по миру в 1980–1990-е годы. Среди опорных значатся как классические принципы ЛПИ послевоенного устройства западного мира (евроатлантизм, самоидентификация на основе понятия Запада во главе с США, обязательное членство своих стран в НАТО, ЕС или теснейшая с ними ассоциация), так и укоренившиеся в неолиберальную эпоху (глобализация на основе редуцированной политэкономии Вашингтонского консенсуса, отказ от “мягкой силы” в пользу “либерального интервенционализма”, курс на обострение геополитической конкуренции, подмена послевоенного универсального международного права категориями “многосторонности” и “порядка, основанного на правилах”, агрессивное продвижение ультралиберальных ценностей и социальных норм). Для приверженцев этого течения политической мысли происходящие изменения в расстановке сил на мировой арене наиболее болезненные. Начиная с 2016 г. их опасения по поводу перспектив западноцентризма многократно возросли из-за феномена брекзита и в результате ускорения при

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич — член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Современная Европа” (2020. № 2. С. 6–19).

Д. Трампе стратегического дрейфа США из Европы в Азию.

Эрозия ЛПИ происходит в русле стратегической расстыковки США и их европейских союзников. Относительное ослабление мировых позиций западных стран, включая США, изменение баланса сил в мире, перераспределение между ними ролей и ответственности за различные элементы мировой политики стали с начала нового столетия темами регулярных исследований в России и за рубежом. Событийным спусковым крючком для переосмысления евроатлантических перспектив послужили террористические атаки на США в сентябре 2001 г., вторжение в Ирак в 2003 г. с его драматическими последствиями, взлёт неоконсерватизма в американской внешней политике и реакция на него других стран, представитель иных школ внешнеполитической мысли.

По мере развития дискурса о состоянии дел в сфере международных отношений использовались как давно существующие, так и новые категории, предлагались перелицованные или действительно новаторские концепции и интерпретации событий, их предпосылок и последствий. В широкий оборот вошли современные или старые понятия, которые обрели новую жизнь в текущем контексте: концерт держав, новая холодная война, новая нормальность, панъевропеизм, европочвенничество, еврозападничество, новая биполярность, Хельсинки-2, нишевая держава, двухъядерный Запад, многосторонность, порядок, основанный на правилах, стрессоустойчивость и другие, включая новоиспечённую “незападность” (*westlessness*) [2]. Многие термины и концепции без какого-либо критического осмысления, что вполне объяснимо, были включены в отечественный научный оборот в период полного доминирования западной теории международных отношений, последовавший за распадом Советского Союза [3]. Пожалуй, одной из немногих сфер в исследовании международных отношений, где уже тогда были предложены оригинальные концепции и подходы, стала область цивилизационной геополитики [4–6].

В постсоветской России вопрос о создании обособленной теории международных отношений (ТМО) по большому счёту не ставился, в отличие, например, от Китая. Одновременно прикладная внешнеполитическая аналитика в нашей стране — одна из самых сильных в мире. Конечно, создание некой собственной обособленной теории — путь тупиковый в силу интернациональной природы науки о международных отношениях, как, впрочем, и любой другой современной области знания. Однако для страны, которая претендует на ведущую роль в модернизации и тем более в формировании новой международной повестки дня, обновлённой системы глобального управле-

ния, необходимо быть ключевым актором в развитии ТМО. Теория международных отношений не только объясняет прошлое и настоящее, изучает мир, “какой он есть”, но и работает на упреждение, занимается прогнозированием, формулирует новые концепты и понятия, обосновывая и корректируя внешнюю политику конкретного государства, отчасти задавая само течение событий в будущем [7]. На сегодня, как представляется, наиболее весомый вклад в ТМО, помимо геополитических и цивилизационных сюжетов, российские учёные внесли, развивая концепцию многополярности/полицентризма, в том числе через призму региональных исследований [8–10]. Большие наработки в осмыслении эволюции системы международных отношений прослеживаются в официальных документах, прежде всего в концепциях внешней политики России [11].

Занимать сильные позиции в развитии теории международных отношений важно не только для значимости собственной науки как самоцели, но и для выполнения прикладных задач, включая фундаментальность национального образования, формирование экспертного и общественного мнения в стране и за рубежом, нарративов и терминов, рождённых в отечественном котле научной мысли. В противном случае трудно уйти от подражательства и “игры по чужим правилам”. Самый объективный американский, французский и иной другой учёный-международник всегда будет тяготеть к тому, чтобы смотреть на мир сквозь призму культурной и исторической матрицы своей страны. Наука интернациональна по своей природе, но не менее ценны её разнообразие, соревновательность и многоголосие, которые создаются различными школами мысли, опирающимися, в свою очередь, на тот или иной национальный опыт.

Международные исследования как отрасль знания возникли в западной науке, но это не значит, что у отечественных учёных здесь нет конкурентных преимуществ. Во-первых, сама структура мировой политики уже давно не предопределяет монополизм западной мысли. Скажем, такой ключевой элемент мировой политики, как Организация Объединённых Наций, созданная в 1945 г., и в целом Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, были совместными проектами Запада и Востока. Неудивительно, что современный нарратив “либерального мирового порядка” направлен на то, чтобы ретроспективно обнулить роль России в создании ряда универсальных механизмов глобального управления, не находящихся под чьим-либо контролем. Во-вторых, в России до сих пор сохранились академическая наука и крупные исследовательские центры в ряде университетов. Они обеспечивают фундаментальный, комплексный, междисциплинарный, долговременный подход к исследованию

международных отношений и мировой политики, которым обладают лишь считанные зарубежные центры. В-третьих, переходный характер международных отношений, их уход от западноцентричности дают возможность отстраниться и от западноцентричности в международных исследованиях, начать с чистого листа. Вероятно, перспективнее всего это делать на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений, что уже предложено рядом российских учёных и используется в написании крупных трудов [7, 12, 13].

БАЛАНС СИЛ В МИРЕ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Тема изменения конфигураций мировых и региональных игроков, правил, регулирующих их взаимоотношения, имеет давнюю историю, которая намного старше XX в. Она находила своё воплощение в разные исторические эпохи в трудах Фукидида и Н. Макиавелли, Р. Челлена и Х. Маккиндера, К.Н. Леонтьева и Н.С. Трубецкого, П. Галлуа и Г. Киссинджера. Большую часть Нового и Новейшего времени под изменением баланса сил понималось прежде всего их распределение и перераспределение на Европейском континенте (между европейскими империями), а по мере усиления США и окончательно после ухода в прошлое биполярного мира — внутри коллективного Запада. В XIX в. ещё существовали крупные неевропейские центры силы, в первую очередь Китай и Османская империя. Однако Китай в результате Опиумных войн был низведён в мировой табели о рангах даже не на вторые, а на третьи роли, а Турция фактически стала элементом системы международных отношений, во главе которой стояли европейцы. Первую брешь в этом заведённом порядке вещей пробила Первая мировая война, под впечатлением которой была написана хрестоматийная работа О. Шпенглера “Закат Европы”. Вторая мировая война и её последствия, с одной стороны, ещё больше понизили статус европоцентризма в мировой политике, а с другой — его частично реабилитировали, проложив дорогу к созданию европейских сообществ и крупнейшего на сегодняшний день регионального интеграционного проекта.

Предтечей современной стадии дискурса о “закате Европы” или шире — Запада стала не менее хрестоматийная концепция “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона, которая достаточно быстро, благодаря ходу событий, одержала верх над прогнозами Ф. Фукуямы [14, 15]. Вновь появились рассуждения в духе европейского декаданса. Задолго до миграционного кризиса 2015 г. в Старом Свете и прихода годом позже к власти в США Д. Трампа тему “смерти Запада” в привязке к демографическим и миграционным процессам

поставил Патрик Бьюканен [16]. Всё более дифференцированными становились интерпретации самого понятия Запад [17]. Обсуждение его “разложения” ведётся на страницах большинства западных специализированных журналов [18].

И всё же потребовалось немало лет, чтобы не только среди теоретиков международных отношений, но и в евроатлантическом экспертном сообществе, сопровождающем внешнюю политику западных стран и организаций, был признан факт относительного ослабления США и Запада в целом и возвышения других государств и регионов в качестве важных участников глобального и регионального управления. Ещё медленнее происходило осознание этого факта в рядах западного политического истеблишмента, особенно европейского.

В кризисе в первую очередь оказалась либеральная идея, точнее, её неолиберальная разновидность. «Нынче большинство либералов либо разъярены, либо напуганы, — пишет И. Крастев. — Они ощущают себя обманутыми историей, или, точнее говоря, идеей “конца истории”» [19]. Под вопрос ставятся судьбы либеральной демократии как таковой. Сам Ф. Фукуяма, характеризуя её как “режим, который балансирует на опорах государства, законности и подотчётности” [20, р. 541], приходит к удручающему с точки зрения сторонников ЛПИ выводу: “Институциональные формы, воспринятые определёнными странами, такими как Соединённые Штаты, не являются универсальными моделями. ...Никто из живущих в укоренённой либеральной демократии не должен считать её выживание гарантированным. Не существует автоматического механизма в истории, который делает прогресс неизбежным” [там же, р. 542, 548].

О какой же разновидности либерализма идёт речь? Масштабные видоизменения классического либерализма начались после Второй мировой войны. Для этого потребовалось, чтобы доктрина свободного рынка была опрокинута Великой депрессией в 1930-е годы и социальный либерализм восторжествовал после 1945 г. на волне послевоенных массовых ожиданий. Тогда история либеральной мысли продемонстрировала, что либерализм может быть вместилищем гуманистической традиции в союзе с левой идеей. Такой союз привёл к внедрению практики социального государства и социального рынка, создал феномен государства благосостояния, на котором здесь до сих пор во многом зиждется социальный мир в Европе. У. Беверидж, один из идейных отцов-основателей государства благосостояния, был не консерваторм и не социал-демократом, а известным деятелем Либеральной партии Британии.

Следующий период крупных изменений пришёл на 1970–1980-е годы, когда получил рас-

пространение экономического неоллиберализма на основании идей (в части социальной и экономической теории) Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса, К. Поппера, И. Берлина, М. Фридмана и др. Достаточно быстро экономический неоллиберализм перерос в политический, воплотившись в феноменах тэтчеризма и рейганомии.

В 1990–2000-е годы на фоне раскручивания ультрафазы глобализации политический неоллиберализм превращался из динамичной и для своего времени эффективной концепции в догматическую, а по ряду вопросов — в политическую идеологию, нетерпимую к иным взглядам. Продвижение неоллиберальных идей с конца 1990-х годов стало сращиваться с силовыми методами изменения действительности, будь то концепции “гуманитарной интервенции”, “смены режима” или “демократической революции”. В этом либерализм слился с правым консерватизмом (неоконсерватизмом), создав гремучую смесь, которая породила идею “либеральной военной интервенции”. Президент Франции Э. Макрон сказал об этом так: “Иногда мы ошибочно пытались насадить наши ценности, изменить режимы без участия народов. Так было в Ираке и Ливии... в определённые моменты такие мысли были и в отношении Сирии, но там всё провалилось. В целом этот элемент западного подхода, без сомнения, был большой ошибкой начала нового века. Он стал результатом слияния двух течений: права на вмешательство и неоконсерватизма. Они переплелись и дали эти трагические результаты, потому что, как мне кажется, через суверенитет народов нельзя переступить” [21].

Предотвратить новую ремилитаризацию политики западных стран не удалось ни на базе идей “мягкой” и “умной” силы Дж. Ная, ни основываясь на философии нормативной силы ЕС. К настоящему времени силовой способ решения проблем превратился в основную для США, а сформированная осенью 2019 г. Еврокомиссия официально провозгласила ЕС геополитической силой, хотя в недалёком прошлом этот термин использовали в ЕС в основном как бранный [22]. Политический неоллиберализм, концептуально разработанный в 1970-е годы, в том числе с использованием идей классического либерализма, долгое время имел широкую электоральную базу, наиболее многочисленной частью которой был средний класс. С течением времени произошло его перерождение, в результате чего он превратился в идеологию, обслуживающую глобальную финансовую олигархию. Средний класс, возникший в эпоху государства благосостояния, стал размываться и расслаиваться с обеднением своих нижних слоёв. Эти процессы были среди основных причин, приведших в 2008 г. к Великой рецессии и появлению феномена нового популизма.

Кризис политического неоллиберализма, вышедшего из лона либерализма как политической философии и проделавшего путь от политической теории до политической идеологии, неразрывно связан с нарастанием проблем в отношениях между государствами по обе стороны Атлантического океана. Уже 20 лет назад не было недостатка в предупреждениях о стратегическом расхождении США и их европейских союзников [23–25]. К настоящему времени отношение к феномену снижения роли Запада в международных делах изменилось настолько, что вместо иррационального отрицания происходящего перераспределения сил в мире не в пользу Запада можно нередко встретить противоположную крайность — свехлармистские настроения по поводу утраты им каких-либо лидирующих позиций. Дамбиса Мойо, вошедшая в 2009 г. в сотню самых влиятельных людей в мире по версии журнала “Тайм”, пишет: “США стоят на дороге к созданию наилучшей, самой продажной формы государства... которая рождается из отчаяния в результате многолетней неверной экономической политики и в обществе, которое ненасытно пожирает само себя” [26, с. 279].

Раньше в психологии “осаждённой крепости” на Западе постоянно обвиняли Россию, теперь же там сами неустанно занимаются поисками врагов внешних и внутренних. Особую роль в усугублении этих настроений сыграли брекзит и внешняя политика Д. Трампа, хотя пересмотр внешнеполитической и военной стратегии начался не при нём, а при Дж. Буше-мл. и Б. Обаме. О последнем Р. Каган писал в 2015 г.: “Он, вероятно, первый президент [США] после Второй мировой войны, которому совершенно всё равно, что происходит в Европе” [27]. Именно при Б. Обаме достаточно объективный анализ реальных ресурсов и возможностей США стал переключиваться из исследований мозговых центров в официальные документы [28].

Необходимо отметить, что на научном и экспертном уровне уязвимость внешней политики США, методов и принципов, на основе которых она проводится, включая одержимость доминированием и игнорированием мнения других, становились объектом постоянной критики задолго до прихода в Белый дом перечисленных выше президентов. Хрестоматийной в этом отношении стала книга Дж. Фулбрайта “Самонадеянность силы”, опубликованная в далёком 1966 г. [29]. За несколько лет до него Рональд Стил писал, как страдают евроатлантические связи из-за отношения США к их европейским союзникам как к сателлитам [30]. Всегда было сильно мнение, что либеральный мировой порядок (или его синоним — “мировой порядок, основанный на правилах”), без упоминания которого теперь не обходится почти ни один западный внешнеполитический

документ или исследование, посвящённые международным делам, практически никогда на деле не был либеральным по своей сути. “У США есть лишь несколько союзников, если вообще сколько-нибудь. В действительности они располагают набором наций, с которыми они поддерживают отношения соподчинения” [31, р. 3]. Это сказано не в наши дни, а в 1978 г. известным американским политиком Юджином Маккарти, который в ещё в 1967 г. выпустил книгу о пределах силы США [32]. Однако в 1960–1990-е годы такая критика носила, скорее, предупреждающий характер, большей частью она игнорировалась американским политическим истеблишментом и в целом не меняла внешнеполитическое поведение США.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ – ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЕ

Усиливающаяся неуверенность Запада в своём будущем обострила споры о роли государства-нации, которые начались ещё в 1990-е годы, и природе демократии как таковой. Принципы либеральной демократии как разновидности политической (плюральной) демократии, учитывающей интересы меньшинств, всё больше начали ставиться под вопрос сторонниками мажоритарной демократии (демократии большинства) и прямого волеизъявления народа, что опять же ярко высветил брекзит. Особую политическую и идеологическую чувствительность обрели дискуссии о перспективах либеральной мысли и практики и как ответвление – либерального мирового порядка. Последняя категория превратилась в одну из наиболее употребляемых в исследованиях о международных отношениях, став фактически клише в лексиконе ЛПИ. Вот одна из многочисленных цитат с использованием примерно одного и того же набора слов: “Москва применяет разнообразные инструменты для разрушения и подрыва американской гегемонии и либерального порядка” [33, р. 396]. Другой пример: “Две мировые войны в первой половине XX века привели к трансформации концерта держав XIX века в либеральный международный порядок, с которым мы живём сегодня” [34, р. 7]. Основным лейтмотив большинства западных исследований на эту тему – опасения по поводу заката “либерального порядка” и рецепты, как это предотвратить или хотя бы минимизировать потери “либерального Запада” из-за происходящего перераспределения сил в мире [35].

Массово используя термин либерализм, в том числе в идеологических целях, сторонники ЛПИ монополизируют его так же, как термин “Европа” монополизируют в Евросоюзе, применяя его в качестве синонима ЕС. Выражение “либераль-

ная демократия” употребляется вместо “политическая демократия”, “либеральные идеи” – вместо “идеи свободы”, “либеральный международный порядок” – вместо “справедливый международный порядок” и т.д. В действительности речь идёт именно о политическом неолиберализме как об одной из политических теорий, много заимствовавшей у либерализма как политической философии. Возникнув в развитие экономического неолиберализма, позже политический неолиберализм дал жизнь и политической идеологии. Отметим, что каждая из трёх мировых политических философий имеет свои воплощения в виде политических теорий и политических идеологий. Первые исходят из мировоззренческих установок и принципа “картезианского сомнения”; вторые используют определённый набор идей для их применения в политическом процессе; третьи представляют собой наиболее редуцированные формы политических философий и направлены на достижение конкретных целей в партийно-политической борьбе. После развала Советского Союза и социалистического лагеря, отступления по всему миру левой идеи возникло искушение универсализации либеральных принципов, изображения их как основ западной культуры, начиная с эпохи Просвещения. Французский философ Ш. Дельсоль так описывает эту интерпретацию истории идей: “В течение двухсот лет после Великой французской революции западная культура претендовала на статус гаранта универсальных ценностей для обоснования своего распространения по всему миру” [36, р. 21].

На фоне активно продвигаемого дискурса о судьбах либерализма (точнее – неолиберализма) всё большему забвению предаются наследие и классические представления о трёх великих традициях политической мысли: либерализме, консерватизме и коллективизме [37]. По историческим меркам ещё не так давно их значимость и востребованность, необходимость поиска эффективного баланса между ними в интересах общественного развития считались очевидными. В послевоенную эпоху “массовых партий” и классовой политики партийно-политические системы демократических стран балансировали между этими тремя политическими философиями, на базе которых создавались конкретные политические идеологии (левые, правые, центристские). По сути, речь шла о соотношении ценностей свободы, традиции и справедливости – другими словами, о том, как должны строиться отношения между индивидом и обществом и между ними и государством.

Однако переключение глобализации в 1980-е годы на неолиберальный путь развития привело к явному вытеснению свода идей консерватизма и коллективизма из политического дискурса и процесса в сфере партийно-политических систем –

к возникновению “универсальных партий” без чёткой классовой ориентации, доминированию неолиберализма не только в экономике, но и в политике. Именно об этом говорил Дж. Кьеца в отношении отката левой идеи, напоминая о тезисах А. Грамши в “Тюремных тетрадах”: “Я говорю об общеевропейском тренде... левые капитулировали и стали послушно следовать в русле единого тоталитарного навязанного миру западного дискурса” [38, с. 3]. И всё же о засилье неолиберализма часто продолжают рассуждать, как о либерализме. Так, В. Меркель, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, пишет: “[В] Германии, как и в большинстве западных стран (не в Восточной Европе), в общественном дискурсе наблюдается чёткое преобладание либерализма” [39]. По мнению нидерландского политолога К. Мудде из университета Джорджии, кризис либеральной демократии сегодня состоит в том, что “в её сердце — идеологический вакуум” [40, р. 11]. Конечно, в партийно-политических системах многих стран по-прежнему существуют либеральные партии, генетически связанные с классическим либерализмом и его последующими разновидностями. Более того, например, в новом составе Европейского парламента после выборов в мае 2019 г. они укрепили свои позиции.

Однако политический неолиберализм претендует на нечто большее — на парадигмальную роль в духе “конца истории”. Но в отличие от 1980—1990-х годов, когда “конец истории” предполагал окончательный триумф именно либеральной демократии, позже речь пошла не столько об идеологии рыночного раскрепощения и “отбрасывания государственного влияния назад”, сколько об обосновании новой фазы глобализации и огромной власти транснационального капитала, особенно в сфере информационных и коммуникационных технологий, Интернета, социальных сетей, больших данных, программного обеспечения.

После того как США в стратегии национальной безопасности 2017 г. провозгласили тезис о возобновлении геополитической конкуренции и большинство их союзников с этим быстро согласилось, политический дискурс в условиях информационных войн форсировал представление о либерализме как о доминирующей системе ценностей. Вновь стали абсолютизировать права индивидуума и правозащитную тематику, включающую теперь набор постмодернистских ценностей, делать упор на политические и гражданские права в ущерб экономическим и социальным. Этот нарратив стал “переливаться” во внешнеполитическую сферу с делением государств на приверженцев “многосторонности”, “порядка, основанного на правилах” и на всех других, на “либеральные” и “нелиберальные” государства, фетишизировать одни свободы и пренебрегать

другими. Для преодоления кризиса в собственном развитии, пишет Н. Гнесотто, “на Западе вновь прибегли к бескомпромиссной идеологической борьбе, но на сей раз не между Востоком и Западом... а между либеральными демократами и суверенными автократами” [41, р. 139]. В дискурсе о международных отношениях неолиберализм ринулся подминать под себя другие школы мысли, в первую очередь теорию и практику реализма.

Использование различных граней либерализма как политической идеологии было распространено и в прошлом. В годы холодной войны такой подход, основанный на ценностях, выглядел достаточно убедительным в условиях противостояния двух мировоззренческих систем — социализма и капитализма. Но сейчас такого противостояния в больших масштабах нет. Монополия на “либеральную истину” опиралась и на другие аргументы рационального свойства, например, на более высокое благосостояние населения в странах “либеральной демократии” и большую эффективность их модели развития. Однако и они сегодня плохо работают в условиях быстрого и длительного экономического роста многих государств, которых сторонники ЛПИ относят к нелиберальным, в первую очередь Китай, Вьетнам и др.

Происходящая путаница и подмена понятий объясняется достаточно просто: конструируются определённые понятия-символы, якобы не требующие доказательства; они внедряют в массовое сознание априори “правильные” смыслы как положительные, так и отрицательные. В ситуации омассовления (депрофессионализации и примитивизации) дискурса о системах политических идей и ценностей за скобки выводятся размышления о соотношении либерализма и демократии, не говоря уже о мажоритарной и плюральной формах последней. Такое судьбоносное решение, как брекзит, принято незначительным большинством голосов подданных Соединённого Королевства, причём путём референдума, то есть через голову механизмов представительной демократии. Но одновременно в этой же стране, как и у её континентальных соседей, абсолютизируются права, например, сексменьшинств. В свете этого дискредитируется само представление о либерализме как о политической философии, которая имеет мало общего с политическим неолиберализмом.

В результате примитивности и крайнего упрощения в пропаганде политического неолиберализма его адепты оказывают медвежью услугу самой либеральной философии. Ситуация здесь схожа с тем, как в российском массовом сознании в 1990-е годы были во многом дискредитированы ценности демократии, которыми прикрывались “реформы”, создавшие в стране олигархический капитализм. Необходимость напоминания об ис-

тинном смысле либерализма, который так деформируют и его оголтелые критики, и чрезмерно рьяные сторонники, понимают многие не только на Западе, но и в России. С.Ф. Черняховский указывает, что либерализм был рождён веком Просвещения и что либерализм — “это явление такого масштаба, которое не может быть уничтожено благодаря неудачной аванюре той или иной политической партии” [42, с. 38].

Лет 20–30 назад в Западной Европе и США шло активное обсуждение альтернативных моделей рыночного и общественного развития (например, “третий путь” в Британии, “средний путь” в Германии, коммунитаризм в США, экономика стейкхолдерства и др.). Этот период совпал со временем больших ожиданий, вызванных окончанием холодной войны и распадом биполярной системы мира. Однако неоконсервативная волна в США в начале XXI столетия и начало кризисного периода в развитии ЕС подвели под них черту. Великая рецессия нанесла по экономическому и политическому неолиберализму сильный, но не смертельный удар. Стремление с тех пор возродить дискурс о вариативности общественного развития силами разнообразных движений “политической альтернативы”, партии и СМИ старого мейнстрима восприняли в штыки, без разбора изображая своих оппонентов как безответственных популистов, демагогов и нерукопожатных.

Такая тактика принесла неоднозначные результаты. Крахом закончился левый проект в Греции — феномен Сиризы. В декабре 2019 г. всеобщие выборы в Британии развеяли надежды на приход к власти сторонников корбинизма (по имени лидера Лейбористской партии Дж. Корбина) как обновлённой версии прогрессивной социал-демократии [43]. Достаточно парадоксальным образом, но идеи коллективизма, социальной солидарности, перераспределительной политики громко заявили о себе по другую сторону океана — в лице Б. Сандерса — со времени президентской избирательной кампании в США в 2016 г. Именно он в 2020 г. вновь стал одним из двух основных претендентов на пост президента США от Демократической партии.

На фоне доминирования политического неолиберализма в Европе продолжался демонтаж государства благосостояния и механизмов социального рынка как до, так и после Великой рецессии. Конечно, этот процесс далеко не закончен, и подушка социальной безопасности у большинства стран-членов ЕС ещё не исчезла. Более того, под впечатлением мирового экономического кризиса произошёл определённый перезапуск идеи “социальной Европы” благодаря предыдущему составу Еврокомиссии во главе с Ж.-К. Юнкером [44]. Но это не повернуло вспять снижение уров-

ня социального неравенства и бедности, увеличение количества прекариата при том, что показатели безработицы в ЕС улучшились в последние годы. Идеи экономики роста, социального контракта в чём-то были реабилитированы, но произошёл лишь их косметический ремонт. С 2020 г. мировая экономика вновь входит в период замедленного развития — тенденция, которая проявилась задолго до начала эпидемии коронавируса и была им лишь ускорена.

Сущностное обсуждение проблем социальной справедливости и учёта интересов уязвимых слоёв населения в европейских странах всё чаще подменяется обсуждением проблем “иного измерения”, например, “зелёной” и климатической повестки дня, вокруг которых как сверху, так и снизу выстраиваются массовые общественные движения, ориентированные в первую очередь на молодёжь. Они вытесняют привычный набор представлений о главных вызовах и угрозах; например, до мизерных размеров сократилось антивоенное движение, хотя мир как никогда за последние 50 лет в нём нуждается. Лишь немногие голоса в России и на Западе призывают одуматься и прекратить переносить трафарет “новой нормальности” на сферу контроля над вооружениями [45–47].

К началу 2020-х годов банкротство неолиберальных идей в политике и экономике стало очевидным. Очередной удар по концепции либерального мирового порядка нанёс брекзит. Решение выйти из ЕС такой страны, как Британия, поколебало фундамент западноевропейской интеграции и более того — западную картину мира. Развитие ЕС всегда рассматривалось как бесповоротный и нескончаемый процесс, превратившийся в своего рода светскую религию и непререкаемую аксиому. На представлении о том, что Евросоюз является воплощением лучших достижений человечества и членство в нём — счастье для любой страны, зиждилась вся философия “европейской мечты”. Считалось, что, опираясь на неё, ЕС станет в XXI в. новым глобальным лидером, затмив “американскую мечту”.

“Стенобитной машиной” британских евроскептиков для пролома бреши для побега из ЕС стали не столько соображения материальной выгоды от брекзита, сколько идеология британской исключительности, величия, исторического комплекса превосходства над континентальными соседями. А это на порядок усилило болезненность событий для сторонников евроинтеграции, так как наносило удар, в первую очередь не по её “телу” — экономике, а в самое сердце — по системе ценностей, которая в омассовлённом сознании оказалась накрепко привязанной к термину либеральный.

Политкорректности в отношении и экономического, и политического неолиберализма пере-

стали придерживаться даже ведущие фигуры западного истеблишмента. В интервью журналу “Экономист” президент Франции Э. Макрон заявил: «Мы столкнулись с кризисом внутри самой Европы; это экономический, социальный, моральный и политический кризис, который начался десять лет назад... Существует глубокое направление мысли, сложившееся в период между 1990 и 2000 годами вокруг идеи “конца истории” и бесконечного расширения демократии, а также триумфа Запада как универсальной системы ценностей. На тот момент, до 2000-х годов, это была общепризнанная истина, после чего в результате ряда потрясений мы увидели, что на самом деле всё обстоит иначе» [21]. Добавим, что в терминологии ЛПИ упомянутая “универсальная система ценностей” и является “либеральной”.

* * *

То, что мы наблюдаем сегодня, это ослабление не либерализма как политической философии, а отступление западнцентричного мирового порядка и обслуживающего его политического неолиберализма, который в своей части вырождается в пропаганду, в том числе псевдонаучную. Эта разновидность либерализма в результате нескольких десятилетий идейной гегемонии эволюционировала из политической теории в динамичную, а затем догматичную политическую идеологию. Последняя обслуживает интересы финансовой олигархии, гиперглобализацию и правящие элиты, воспитанные на упрощённых принципах Вашингтонского консенсуса, однополярного мира, военных интервенций, вмешательства в дела других государств. Побочным следствием этого процесса стало нагнетание впечатления о кризисе либерализма как такового. Однако политический неолиберализм сдаёт свои позиции так же неизбежно, как неизбежно происходит перераспределение сил в мире, высвобождая путь для поиска нового баланса между политическими традициями либерализма, консерватизма и коллективизма. Этот поиск крайне важен не только для политической теории, но и для теории международных отношений, развитие и практическое применение которой окажут самое непосредственное влияние на поведение субъектов мировой политики в последующие годы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Ю.А. Борко и Ю.И. Рубинскому (ИЕ РАН), Т.А. Алексеевой и М.М. Лебедевой (МГИМО(У) МИД России), П.А. Цыганкову (МГУ им. М.В. Ломоносова) за высказанные рекомендации и замечания в ходе работы над статьёй.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громыко Ал.А. Расколотый Запад: последствия для Евroatлантики // Современная Европа. 2018. № 4. С. 5–16.
2. Munich Security Report 2020: Westlessness. www.securityconference.org/en/publications/munich-security-report/
3. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. № 2. С. 8–18.
4. Цимбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
5. Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н.П. Шмелёва, Т.Т. Тимофеева, В.П. Фёдорова. М.: Институт Европы РАН; Весь мир, 2011.
6. Яковец Ю.В. Собрание сочинений. Электронное научное издание. М.: МИСК, 2017–2018.
7. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29–43.
8. Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.
9. Russia in a Polycentric World / Eds. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. M.: Ves Mir Publishers, 2012.
10. Европа между трёх океанов / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2019.
11. Неймарк М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. Монография. М., Проспект, 2020.
12. Современная политическая наука. Методология: Учебник для магистрантов и аспирантов. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019.
13. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019.
14. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
15. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992.
16. Buchanan P. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. N.Y.: Thomas Dunne Books, 2001.
17. Uses of the West: Security and the Politics of Order / Ed. by B. Herborth, G. Hellman. UK: Cambridge University Press, 2017.
18. Kumm M., Havercroft J., Dunoff J., Wiener A. Editorial: the End of “the West” and the Future of Global Constitutionalism // Global Constitutionalism. 2017. № 1. P. 1–11.
19. Крестев И. Восток разлюбил Запад // IPG – Международная политика и общество; Фонд им. Ф. Эберта. 24.02.2020. <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/vostok-razljubil-zapad-1003/> (дата обращения 13.03.2020).
20. Fukuyama F. Political Order and Political Decay. London: Profile Books, 2014.

21. Emmanuel Macron in his own words. The French president's interview with The Economist // The Economist. 2019. November 7.
22. A Union that strives for more. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions. Commission Work Programme 2020. 29.01.2020. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar%3A7ae642ea-4340-11ea-b81b-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения 20.03.2020).
23. Hutton W. The World We're In. London: Little, Brown Book Group, 2002.
24. Leonard M. Why Europe Will Run the 21st Century. London; N.Y.: Fourth Estate, 2004.
25. Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future is Quietly Eclipsing the American Dream. N.Y.: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004.
26. Моїо Д. Как погиб Запад. М.: Центрполиграф, 2011.
27. Kagan R. The Crisis of World Order // The Wall Street Journal. 2015. November 20. <https://www.wsj.com/articles/the-crisis-of-world-order-1448052095> (дата обращения 20.03.2020).
28. National Intelligence Council Global Trends Assessment: Paradox of Progress. 2017. January. <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf> (дата обращения 20.03.2020).
29. Fulbright J.W. The Arrogance of Power. N.Y.: Random House, 1966.
30. Steel R. The End of Alliance: America and the Future of Europe. N.Y.: Viking Press, 1964.
31. McCarthy E. Look, no Allies // Foreign Policy. 1978. № 30. P. 3–16.
32. McCarthy J. The Limits of Power: America's Role in the World. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1967.
33. Ikenberry G.J., Nexon H.D. Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders // Security Studies. 2019. V. 28. № 3. P. 395–421.
34. Maull H.W. The Once and Future Liberal Order // Survival. 2019. V. 61. № 2. P. 7–32.
35. Guillen M. The Demise of the Global Liberal Order // Survival. 2019. V. 61. № 2. P. 87–90.
36. Delsol Ch. The Waning of Universalism // Politic étrangère. 2019. V. 84. № 1. P. 23–35.
37. Greenleaf W.H. The British Political Tradition. V. 1. The Rise of Collectivism. V. 2. The Ideological Heritage. London; N.Y.: Methuen, 1983.
38. Кьеза Дж. Новый Европейский популизм: Италия начинается // Изборский клуб. 2018. № 6. С. 68–75.
39. Меркель В. Гегемония левых либеральных сил и гипертрофированное самолюбие // IPG – Международная политика и общество; Фонд им. Ф. Эберта. 13.11.2019. <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/gegemonija-levykh-liberalnykh-sil-i-gipertrofirovannoe-samoljubie-930/> (дата обращения 17.03.2020).
40. Mudde C. Liberalism on the front foot // Prospect. January–February 2020. P. 11.
41. Gnesotto N. Europe in ten years // Politic étrangère. Spring 2019. P. 133–144.
42. Черняховский С.Ф. От какого либерализма мы отказываемся // Славяне. 2019. № 3. С. 37–38.
43. Inside Left: the meaning of the Corbyn movement // Prospect. December 2019. № 283. P. 21–26.
44. Борко Ю.А., Биссон Л.С. Европейская интеграция: перезапуск идеи “социальной Европы” // Современная Европа. 2019. № 6. С. 5–17.
45. Арбатов А.Г. Грёзы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 11. С. 5–16.
46. Lewis J. The New Arms Race // Prospect. January–February 2020. № 284. P. 59–64.
47. О новом понимании стратегической стабильности // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 4–21.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ Д. ТРАМПА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ¹

© 2020 г. В. Б. Супян

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

E-mail: vsuryan@yahoo.com

Поступила в редакцию 26.06.2020 г.

После доработки 29.07.2020 г.

Принята к публикации 20.08.2020 г.

В статье анализируются основные направления и предварительные результаты политики президента Д. Трампа во внешнеэкономической сфере. Показаны причины и главные цели проводимых радикальных реформ во внешнеэкономических связях США. Особое место во внешнеэкономической политике США занимает Китай. Анализируется суть претензий США по отношению к Китаю, даётся оценка экономическим отношениям между этими двумя странами. Автор статьи приходит к выводу, что современной внешнеэкономической стратегии США присущи серьёзные противоречия. Многие решения в этой области уже обернулись существенными потерями для американских компаний и потребителей. Отмечается, что в своей стратегии администрация Д. Трампа стремится достичь не только краткосрочных целей (например, сократить дефицит внешнеторгового баланса), но и долгосрочных — усилить экономическую, научно-техническую безопасность США на фоне обостряющейся международной конкуренции.

Ключевые слова: внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа, внешнеэкономические реформы, внешняя торговля, дефицит торгового баланса, торговля США с Китаем, интеллектуальная собственность, валютный курс, платёжный баланс.

DOI: 10.31857/S0869587320110080

Среди экономических реформ администрации Д. Трампа едва ли не ключевым направлением является их внешнеэкономическая составляющая. Она достаточно многогранна — здесь и главное предвыборное обещание Д. Трампа вернуть рабочие места на территорию США, и пересмотр двусторонних торговых соглашений, и новый подход

к многостороннему торгово-экономическому сотрудничеству, и стремление добиться улучшения торгового баланса США, имеющего гигантский дефицит на протяжении многих десятилетий, и пересмотр внешней инвестиционной политики. Безусловно, во внешнеэкономической стратегии немалое значение отводится целям защиты интеллектуальной собственности. Косвенно, но также важную роль во внешнеэкономических реформах играет миграционная проблема, хотя она, несомненно, имеет прежде всего внутривнутриполитическое значение.

Три года пребывания Д. Трампа на посту президента позволяют сделать некоторые предварительные оценки его внешнеэкономической политики.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Официально внешнеэкономическая стратегия администрации Д. Трампа зиждется на пяти основополагающих принципах. Как отмечается в

СУПЯН Виктор Борисович — член-корреспондент РАН, руководитель научного направления ИСК РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала «США и Канада: экономика, политика, культура» (2020. № 4. С. 5–22).

годовом докладе Торгового представителя США за 2018 г., эти принципы состоят в следующем: обеспечение национальной безопасности страны, укрепление американской экономики, достижение более выгодных для США торговых соглашений, продвижение положений американского торгового законодательства и реформирование многосторонней торговой системы [1].

Следует подчеркнуть, что эти декларируемые администрацией принципы, безусловно, требуют конкретизации, поскольку не дают ясного и чёткого понимания, какие именно цели американское правительство преследует в сфере международной торговли и других областях межгосударственного экономического взаимодействия.

Конкретизируем эти цели, исходя из официальной позиции США. В соответствии с заявленной стратегией внешнеэкономическая и прежде всего торговая политика должна преследовать глобальные национальные интересы и поэтому должна соответствовать стратегии национальной безопасности. В достижении этой задачи администрация исходит из того, что торговые соглашения не должны усиливать конкурентов и ослаблять американские позиции.

Следующая ключевая задача — перезаклучить устаревшие, по мнению администрации, и не соответствующие интересам США торговые соглашения. Наиболее важным в этом плане считались торговое соглашение между США, Канадой и Мексикой (прежде — NAFTA, в новой редакции USMCA, а также соглашение о свободной торговле между США и Южной Кореей (KORUS)).

Ещё одна важнейшая цель внешнеторговой реформы — активное продвижение принципов американского торгового права в отношениях с партнёрами США. Отмечается, что США не намерены более терпеть использование другими странами несправедливых, по их мнению, торговых практик и намерены добиваться применения в международной торговле национального американского законодательства. Образцом такого законодательства считается Закон о торговле от 1974 г. Согласно ст. 301 этого закона, президент США имеет право принимать ответные меры против стран, нарушающих справедливые правила торговли или дискриминирующие США в торговых отношениях, в том числе вводить торговые квоты, пошлины и накладывать санкции. Другим инструментом борьбы за “справедливую торговлю” служит ст. 232 Закона о расширении торговли от 1962 г., где говорится о возможном влиянии импорта на национальную безопасность. Оба эти положения законодательства уже были применены администрацией Д. Трампа как основание для повышения тарифов на сталь и алюминий и повышение тарифов на импортные товары из Китая на сумму в 250 млрд долл. Адми-

нистрация Д. Трампа также более активно, чем его предшественники, использует антидемпинговые инструменты для ограничения импорта своих конкурентов.

Важная роль во внешнеторговой стратегии США отводится отстаиванию американских интересов во Всемирной торговой организации (ВТО). Администрация Трампа выступает с острой критикой ВТО, отмечая, что организация больше не в состоянии осуществлять регулируемую роль в мировой торговле и противостоять существующим вызовам. В частности, критикуется практика разрешения торговых споров, когда ВТО выходит за пределы своего мандата. Д. Трамп неоднократно обвинял ВТО в низкой эффективности, требуя кардинальных реформ в механизмах принятия решений.

Согласно принятой стратегии, начиная с 2018 г., США начали применять ограничительные меры во внешней торговле, руководствуясь соображениями национальной безопасности и в целях защиты отечественных производителей. Так, в октябре и ноябре 2017 г. Комиссия по международной торговле США пришла к выводу, что импорт в США солнечных батарей и стиральных машин наносит ущерб производству аналогичных товаров в США и поэтому соответствующие отрасли американской промышленности нуждаются в протекционистских мерах для защиты внутреннего производства и рынка. Ранее, в 2017 г., представители обеих отраслей обратились в правительство с запросом о проведении соответствующего расследования в рамках ст. 201 Закона о торговле от 1974 г. Надо заметить, что это было первое расследование подобного рода с 2001 г. В результате президент Д. Трамп одобрил введение пошлин на импорт солнечных батарей на сумму 8.5 млрд долл. и пошлин на импорт стиральных машин на сумму 1.8 млрд долл.

В качестве ответной меры правительство Китая ввело антидемпинговые и компенсационные пошлины на импорт из США зерна сорго на сумму 1 млрд долл. (это 178.6% его стоимости). Южная Корея в ответ на действия США обратилась в ВТО, полагая, что США, вводя ввозные пошлины, нарушают правила международной организации.

Второй крупной протекционистской мерой по защите национальных производителей стало инициирование президентом Трампом в апреле 2017 г. расследование в отношении импорта в США стали и алюминия из-за рубежа, как угрозы национальной безопасности, согласно ст. 232 Закона США о расширении торговли от 1962 г. Результатом этого расследования стало объявление президентом Д. Трампом предстоящего повышения ввозных пошлин на сталь (на 25%) и алюминий (на 10%) в связи с якобы угрозой националь-

ной безопасности. В дальнейшем, в марте 2018 г. это повышение должно было коснуться импорта этих товаров на сумму 48 млрд долл., преимущественно из Канады, Европейского Союза, Мексики и Южной Кореи. Поставки из КНР составляли лишь 6% от общей стоимости импортируемых объёмов стали и алюминия [2].

В июне 2018 г. США отменили временное освобождение от повышенных таможенных пошлин в отношении Европейского Союза, Канады и Мексики. Ответные меры ЕС не заставили себя ждать — Европа ввела дополнительные пошлины на американские товары на сумму в 3.2 млрд долл. Сюда входят промышленные и сельскохозяйственные товары, в том числе моторные лодки, яхты, мотоциклы, джинсы, виски, ореховое масло и т.д. Канада в свою очередь ввела пошлины на товары стоимостью в 12.8 млрд долл. При этом американское правительство объявило о намерении субсидировать своих фермеров в размере 12 млрд долл. от возможных потерь в результате введения новых импортных тарифов.

В качестве мер по борьбе с несправедливой торговой практикой в сфере технологий и по защите интеллектуальной собственности — третье направление стратегии — в США были предприняты расследования в отношении Китая в соответствии со ст. 301 Закона о торговле от 1974 г. По оценке Торгового представителя США Р. Лайтхайзера, потери США от неправомерных торговых практик составляют ежегодно 225–600 млрд долл. В марте 2018 г. администрацией США был обнародован обвиняющий КНР в такого рода практиках доклад, в котором анонсировались соответствующие меры по преодолению таких явлений. Речь шла о более чем 1.3 тыс. наименований товаров из Китая на сумму в 50 млрд долл., на которые могла быть введена дополнительная пошлина в 25%. Список включал товары различных отраслей машиностроения. Китай в качестве ответной меры опубликовал список из 106 товаров, на которые будет введена 25%-я пошлина. В него входили в основном транспортные средства (самолёты, суда, автомобили) и сельскохозяйственные товары.

В последующие месяцы стороны обменивались уточненными списками товаров, подлежащих повышенным тарифам, пока в июле 2018 г. США не ввели в действие новые пошлины на товары, стоимостью в 34 млрд долл. Китай немедленно ответил аналогичной мерой.

Взаимное повышение пошлин принимало характер настоящей торговой войны. В июле 2018 г. Торговый представитель США Р. Лайтхайзер обнародовал предстоящее 10%-е повышение пошлин на импорт из Китая на сумму в 200 млрд долл., куда входили разнообразные товары, включая компьютеры, мобильные телефоны и одежда.

В августе США стали угрожать уже 25%-м повышением пошлин на все эти товары.

Четвёртым направлением новой внешнеторговой стратегии президента Д. Трампа стало стремление ввести ограничительные импортные пошлины на автомобили и комплектующие к ним в размере 25% на общую сумму импорта в 208 млрд долл. Пока решения по этому вопросу отложены. Их введение, как считают многие эксперты, может вызвать крайне серьёзные ответные меры со стороны прежде всего союзников США — ЕС, Японии и других стран. Как заявил Торговый представитель США, согласно существующему плану действий администрации в этой области, администрация должна провести переговоры с заинтересованными странами и прийти к соглашению в области торговли продукцией автомобильной промышленности до 13 ноября 2019 г. Но и в 2020 г. решение данного вопроса не найдено.

В качестве пятой серьёзной внешнеэкономической инициативы президент Д. Трамп в мае 2019 г. обнародовал намерение ввести 5%-ю пошлину на весь мексиканский импорт в США с тем, чтобы иметь финансовые возможности противостоять нелегальной иммиграции из этой страны. Поскольку в июне 2019 г. была достигнута договорённость с Мексикой о мерах по ограничению нелегальной иммиграции в США, введение этой пошлины, намечавшееся на 10 июня 2019 г., приостановлено.

Следует отметить, что в американском обществе существует весьма противоречивая и во многом негативная реакция на политику администрации в сфере международной торговли. Так, согласно опросу, проведённому в 2019 г. социологической службой Гэллага относительно первого раунда тарифной войны между США и Китаем в 2018 г., американцев, которые полагают, что увеличение торговых пошлин принесёт вред экономике США в 2 раза больше, чем тех, кто считает это полезным для экономики решением. Около 45% респондентов полагают, что долговременный эффект от этих мер будет негативным по сравнению с 31% тех, кто ожидает от возросших тарифов позитивных результатов [3].

Крайне негативно к тарифной политике Д. Трампа относятся деловые круги страны, особенно в аграрном секторе. Именно сельское хозяйство США уже понесло ощутимые потери от ответных мер Китая по повышению торговых пошлин на сельскохозяйственную продукцию США.

Как полагают многие эксперты, в принципе не вполне ясно, какие цели преследует администрация США, реализуя свою внешнеэкономическую стратегию. Профессор Дартмутского колледжа Д. Ирвин ставит вопрос о том, каковы цели Д. Трампа в торговой войне с Китаем — является

ли война торговых пошлин попыткой принудить Китай изменить свою внешнеторговую практику или это инструмент наказания путём разрушения экономического сотрудничества? [4].

Во внешнеэкономической политике США отношения с Китаем занимают особое место [5]. Прежде всего, Китай — это крупнейший торговый партнёр США. После присоединения КНР к ВТО в 2001 г. объём американо-китайской торговли возрос с 125 млрд долл. до более 700 млрд долл. в 2018 г. ВВП Китая за этот период увеличился в 4 раза и стал занимать вторую позицию в мировой таблице о рангах. Но взгляд на Китай за эти годы в США сильно эволюционировал — от восприятия его как выгодного для США партнёра до представления его как главного конкурента и непосредственной угрозы национальным интересам Америки.

Однако было бы неверно и сейчас оценивать Китай только с отрицательной стороны, как это прослеживается в позиции нынешней американской администрации. В двусторонних экономических отношениях для США безусловно прослеживаются как выгоды, так и издержки. Например, между 1995 г. и 2001 г. американский экспорт в Китай способствовал созданию в США 1.8 млн рабочих мест, в основном в сфере услуг, в сельском хозяйстве и производстве оборудования. От взаимной торговли выиграли и американские потребители. Только за период 2000–2007 гг. импорт дешёвых потребительских товаров из Китая составил 202 млрд долл., что привело, в конечном счёте, к выигрышу в сумме 101.2 тыс. долл. за каждое потерянное рабочее место в обрабатывающей промышленности.

Действительно, потери рабочих мест в обрабатывающей промышленности США были ощутимы. С 1999 г. по 2011 г. они составили 560 тыс., а с учётом смежных отраслей они ещё выше — 2 млн рабочих мест. Однако если учесть структуру импортируемых из Китая в США товаров по добавленной стоимости, эти оценки явно преувеличены. Например, в каждом айфоне, импортированном из Китая в США, доля стоимости, созданной собственно в Китае, составляет лишь 3.6%. Остальное создано в США в виде программного продукта. В Китае же осуществляется лишь конечная сборка телефонов.

Если учитывать такого рода расчёты, то весь импорт США из Китая надо уменьшать примерно на 32%. Можно утверждать, что первоначальный негативный эффект взаимодействия с Китаем в плане влияния на рабочие места в стране уже закончился, и временный этап экономических отношений перемещается в область высокотехнологичной конкуренции. Заметим, что с 2010 г. в США не наблюдается массовый перевод рабочих мест за рубеж — напротив, за последние 8 лет в об-

рабатывающей промышленности было создано 1.2 млн новых рабочих мест.

Как уже отмечалось, один из центральных вопросов экономических взаимоотношений США с Китаем для американской администрации — вопрос о дефиците торгового баланса. Действительно, дефицит торгового баланса США с Китаем вырос с 81 млрд долл. в 2001 г. до 336 млрд в 2017 г., что составляет 60% дефицита совокупного американского торгового баланса [6].

Однако, как полагают многие эксперты, торговый дефицит США с Китаем надо рассматривать в контексте причин общего торгового дефицита, который является не столько результатом ограничений для американского экспорта, сколько отражением низкой нормы сбережений в США. Это в свою очередь требует притока иностранного капитала для финансирования внутренних потребностей в инвестициях и финансирования государственного долга. Попытки уменьшить дефицит без рассмотрения проблемы разрыва между сбережениями и инвестициями вряд ли приведут к изменению торгового баланса.

Собственно, факты говорят о том, что взгляд на торговый дефицит как источник однозначных потерь для экономики, не соответствует действительности. Все двухтысячные годы в периоды устойчивого роста и растущей занятости в США наблюдался рост дефицита торгового баланса. При этом дефицит сокращался в периоды спадов и растущей безработицы.

Говоря о торговом балансе США с Китаем, важно отметить ещё одно обстоятельство, которое формальной статистикой практически не берётся в расчёт. Так, если учесть деятельность аффилированных американских и китайских компаний на рынках друг друга, можно увидеть гораздо более сбалансированную картину двусторонних экономических отношений между странами. В этом случае, если принять во внимание американские инвестиции и продажи американских товаров через аффилированные компании, роль США в экономике Китая выглядит гораздо более масштабной, чем об этом свидетельствует официальная статистика. Напротив, китайский бизнес на рынке США представлен преимущественно в виде прямого экспорта из Китая. Если учесть вышесказанное, то получится, вопреки официальной таможенной статистике, что США продают в Китай больше, чем покупают в Китае.

Так, согласно расчётам, сделанным экспертами Брукингского института и Американского института предпринимательства, общий объём продаж американских компаний в Китай, включая прямой экспорт (228 млрд долл.) и продажи аффилированных американских компаний в Китае (574 млрд долл.) составлял в 2016 г. 802 млрд долл. Объём же продаж Китая в США, включая прямой

экспорт (523 млрд долл.) и продажи аффилированных китайских компаний в США (45 млрд долл.) — 568 млрд долл. Из сравнения экспорта двух стран при таком подходе следует, что как раз США имели положительное сальдо торгового баланса с КНР. Разница в том, что 92% китайского экспорта приходилось на прямые поставки из Китая в США, а для США — 71% экспорта приходился на продажи в Китай через аффилированные компании. Таким образом, вопрос о торговом балансе приобретает новое измерение [6].

О возможных целях развязанной торговой войны с Китаем надо сказать особо. Официальный список претензий к Китаю выглядит следующим образом.

1. Китай должен прекратить требовать от американских компаний, работающих в стране, передавать им свои технологии. То есть приток американских инвестиций не должен быть обусловлен передачей Китаю американских технологий. Кроме того, не должно быть ограничения условий лицензирования американскими компаниями своих технологий в Китае.

2. Необходимо прекратить практику, когда американские компании, торгующие с Китаем, должны регистрировать свой бизнес в КНР как совместные предприятия.

3. Китай должен прекратить промышленный шпионаж против американских компаний, прекратить несанкционированные киберпроникновения в американские компании для получения информации о новых технологиях.

4. Китайское правительство должно прекратить субсидировать национальные китайские компании, работающие в высокотехнологичных секторах экономики, поскольку это даёт им неоправданные преимущества перед иностранными партнерами.

5. Китаю необходимо сократить барьеры для американского сельскохозяйственного экспорта.

6. Необходимо стремиться сократить большой торговый дефицит США в двусторонней торговле.

7. Правительство Китая должно прекратить манипулирование курсом национальной валюты — юаня, что даёт Китаю преимущество во внешней торговле.

Разумеется, США безусловно заинтересованы в выполнении Китаем всех своих требований. На практике сделать это достаточно сложно, тем более что многие из них противоречат друг другу. Так, если Китай, например, пойдёт навстречу требованию США прекратить обязательную передачу технологий, создавать совместные предприятия, ограничить заимствования интеллектуальной собственности, это будет стимулировать аутсорсинг из США в ещё больших масштабах, что противоречит призыву Д. Трампа вернуть ра-

бочие места на родину. Цель Д. Трампа уменьшить торговый дефицит с Китаем путём увеличения американского экспорта предполагает усиление взаимодействия с КНР и таким образом противоречит другой стратегической задаче — ограничить научно-технический прогресс Китая.

Вероятно, Д. Трамп сознательно выдвигает к Китаю завышенные требования, следуя своей излюбленной тактике — сначала завышать ставки, затем, судя по обстоятельствам, немного уступить и в конечном счёте остаться в выигрыше. Разумеется, американский лидер мыслит не только экономическими и стратегическими категориями, идя на торгово-политическую конфронтацию с Китаем. Его задачи, конечно же, и тактические — продемонстрировать достижение каких-либо конкретных результатов в преддверии будущих президентских выборов. Прошедшие в июле 2019 г. торговые переговоры между США и Китаем вновь не привели к договоренностям и были отложены до октября. Хорошее состояние экономики США в 2019 г. оставляло американской администрации время для манёвра. Снижение Китаем в августе 2019 г. курса юаня по отношению к доллару вновь обострило ситуацию в торговых отношениях двух стран и привело к обвинениям со стороны США в валютном манипулировании.

Лишь в январе 2020 г. странам удалось заключить предварительное торговое соглашение, по которому США не будут вводить планировавшиеся новые торговые пошлины на сумму 6156 млрд долл. и вдвое снизят ранее введенные 15%-е пошлины на сумму в 120 млрд долл. В свою очередь Китай обещает увеличить импорт товаров из США на 200 млрд долл., усилить контроль в сфере интеллектуальной собственности и не девальвировать юань. Для Д. Трампа это соглашение даже в нынешнем, ограниченном варианте, имеет большое значение в преддверии президентских выборов 2020 г. [7].

Помимо масштабного антикитайского направления не понятны и цели повышения тарифов на сталь и алюминий, равно как и предполагаемый рост пошлин на поставки в США автомобилей и комплектующих из стран ЕС и Японии. Неслучайно американские автомобилестроители выступают против такого странного протекционизма — ведь они получают собранные автомобили и их комплектующие со своих зарубежных предприятий. Кроме того, очевидно, что повышение пошлин на автомобили непосредственно повлияет на розничные цены.

Не ясны намерения Д. Трампа и в отношении ВТО. С одной стороны, администрация США активно использует эту организацию как средство для разрешения торговых споров, в том числе с Китаем, с другой — Вашингтон резко критикует решения ВТО, не поддерживающие во всех слу-

чаях США, и заблокировал решение о назначении новых юристов в апелляционную палату организации.

Ещё один вопрос, где позиция Д. Трампа весьма противоречива — вопрос о торговом дефиците. По мнению Трампа, торговый дефицит отражает степень зависимости США от других стран. Очевидно, что с макроэкономической точки зрения этого далеко не всегда верно. Огромный импорт дешёвых товаров в США из других стран, прежде всего развивающихся, создавал немалые преимущества для США, позволяя использовать международное разделение труда в своих интересах, сдерживать инфляцию. Обычно протекционистские меры вводятся с целью поддержки отечественных отраслей в трудные для экономики времена, в условиях, когда её конкурентоспособность низка. Вводя протекционистские меры в весьма благоприятной для экономики США ситуации, администрация США лишь создаёт сложности для отечественных производителей, затрудняя их взаимодействие с зарубежными партнёрами, повышая издержки производства и вызывая рост розничных цен.

РЕЗУЛЬТАТЫ, ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Чем же объяснить противоречивость реализации внешнеэкономической стратегии американской администрации, да собственно и целей этой стратегии? Ведь они не только приносят неоднозначный результат, но и во многом противоречат всей предыдущей внешнеэкономической политике США на протяжении многих десятилетий. Как свидетельствуют факты, либерализация торговли и мировой экономики в целом приносила США немало выгод.

Для миллионов американских домохозяйств снижение торговых барьеров означало снижение розничных цен, повышение разнообразия и качества товаров и услуг. Свободная конкуренция в сфере международной торговли насытила американский рынок доступными потребительскими товарами, бытовой электроникой, разного рода домашними приборами и мебелью, качественной едой. Для американских граждан потребительское изобилие по низким ценам обернулось более высокими реальными доходами.

Немало выгод получили и производители, в том числе, импортёры. Примерно половина годового объёма американского импорта предназначена не для конечного потребления, а для последующего производства в качестве сырья и оборудования. Таким образом, американские производители весьма зависят от импортных поставок из-за рубежа для поддержания своих конкурентных позиций. Свободная торговля открывает широкие возможности и для американских

экспортёров. Так, если американский экспорт в другие страны в 2017 г. составил 2.4 трлн долл., то поставки американских компаний за рубеж через их аффилированные структуры в других странах составили 6 трлн долл. [8].

Вопреки утверждениям Д. Трампа и сторонников протекционизма, свободная торговля вовсе не означает во всех случаях потерю рабочих мест. При рекордном импорте и дефиците торгового баланса экономика США в 2018 г. имела самый низкий уровень безработицы за минувшие 50 лет (по крайней мере, по официальным данным) и значительный прирост рабочих мест в стране.

Конечно, большое число американских компаний перевело за минувшие 30–40 лет свои производства за рубеж, что повлияло негативно на занятость во многих традиционных отраслях экономики США. С 1998 г. США потеряли 5 млн рабочих мест в обрабатывающей промышленности и смежных отраслях, в основном из-за перевода предприятий за рубеж и растущего импорта и дефицита торгового баланса, прежде всего с Китаем.

Но это — не результат либерализации внешнеэкономических связей как таковой. Это — отражение нового международного разделения труда, при котором развитые страны, и в первую очередь США, концентрируют у себя наукоёмкие сектора экономики (как материального производства, так и сферы услуг), базирываясь на возможностях своего научно-технического потенциала. В результате в страны, не имеющие таких возможностей, перемещаются традиционные, трудоёмкие отрасли экономики. Таким образом, с точки зрения перспектив научно-технического и экономического развития, для США этот процесс скорее преимущество, чем недостаток, о чём неустанно говорит Д. Трамп.

Несмотря на, казалось бы, очевидные преимущества от либерализации торговли и других форм мирохозяйственных связей, администрация Д. Трампа заявляет о значительном ущербе, наносимом современной экономической глобализацией американской экономике. Особой критике подвергаются три области внешнеэкономических связей — постоянный дефицит внешней торговли, импорт стали и отношения с Китаем, о чём подробно говорилось выше.

Что касается торгового дефицита, то он, по мнению Трампа, означает деньги, украденные у американцев. На самом деле торговый дефицит — это не результат торговой политики. По сути он отражает соотношение сбережений и инвестиций в экономике. США сберегают меньше, чем инвестируют, что означает нетто-приток иностранного капитала, выражающийся в конечном счёте в дефиците текущего платёжного баланса. Как уже отмечалось выше, существует мнение, что в ши-

роком смысле торговый баланс США вполне сбалансирован, если в него включить не только торговлю товарами и услугами, но и потоки капитала, направленные на инвестиции США за рубежом и иностранные прямые и портфельные инвестиции в США [8].

Большое влияние на растущий торговый дефицит США имеет переоценённый курс доллара (на 25–30%, как считают эксперты), что удорожает американский экспорт. С другой стороны, Китай, например, только в 2018 г. сократил курс юаня на 10%, что делает экспорт из страны более выгодным. Как результат растущей стоимости доллара (вследствие притока иностранного капитала в США растёт спрос на доллар, что приводит к росту его стоимости — на 20% с 2013 г. и на 5.4% — в 2018 г.) и увеличивающегося импорта, растёт дефицит платёжного и торгового баланса. По оценке экспертов Международного валютного фонда, дефицит в торговле товарами в США может увеличиться в 2020 г. на 400 млрд долл. и достигнет, как минимум, 1.2 трлн долл. Это может привести к потере 2.5–7.5 млн рабочих мест (по разным сценариям), прежде всего в обрабатывающей промышленности.

Дело в том, что в рамках платёжного баланса, учитывающего движение не только товаров, но и капиталов, а также доходы владельцев капитала и работающих за рубежом, эти потоки отчасти компенсируют собственно отрицательный баланс в торговле товарами (превышение импорта над экспортом). Помимо положительного сальдо в динамике капиталов, США имеют положительный баланс в торговле услугами, что также снижает общее отрицательное сальдо как торгового, так и платёжного баланса.

Ещё один фактор серьёзно меняющий структуру торгового баланса США — заметное уменьшение в структуре дефицита товарной торговли удельного веса нефти и нефтепродуктов. В 2008 г., например, эта величина достигала 2.8% ВВП, а к 2018 г. ситуация кардинально изменилась. Достигнув в значительной степени самообеспеченности топливом, США сократили дефицит в торговле нефтью и нефтепродуктами до 0.3% ВВП. В то же время основное бремя дефицита приходится на прочие, кроме нефтепродуктов, товары, то есть продукцию обрабатывающей промышленности. Дефицит этими товарами в 2018 г. был равен более 730 млрд долл., что составляет 3.8% ВВП [9]. Именно поэтому растущий торговый дефицит может оказать столь неблагоприятное влияние на занятость в обрабатывающей промышленности.

Как полагают многие эксперты, проблему растущего торгового дефицита в США можно было бы существенно смягчить, если предпринять усилия по снижению курса доллара. Так,

например, было сделано в 80-е годы XX в., когда правительство США договорилось с ведущими экономическими партнёрами — Великобританией, Германией, Францией и Японией о девальвации доллара на 30%. В результате дефицит торгового баланса США упал с максимальной отметки в 152 млрд долл. в 1987 г. до 31 млрд долл. в 1991 г. [9].

Оценивая стратегию Трампа в сфере внешнеэкономических связей, можно прийти к следующим выводам. В 2018 г. торговый дефицит США возрос на 12.5% и достиг максимума за десятилетний период — 621 млрд долл., из которых 419 млрд долл. пришлось на торговый дефицит с КНР [10]. При этом дефицит в торговле товарами составил 891 млрд долл. Уже одно это вряд ли свидетельствует о позитивных результатах торговой стратегии Д. Трампа.

Ограничения, наложенные на китайскую компанию “Хуавэй”, серьёзно осложнили отношения США с Китаем в сфере высоких технологий. В краткосрочном плане это, несомненно, наносит удар по технологическому развитию Китая, однако в долгосрочном — скорее укрепит позиции научно-технического комплекса КНР и заставляет Китай в большей степени полагаться на собственные силы.

С точки зрения внутривластных и внутриэкономических последствий, внешнеэкономическая стратегия США, по оценкам, уже приносит потери для американских потребителей в размере 1.4 млрд долл. в месяц, что может весьма негативно сказаться на позиции Д. Трампа на предстоящих выборах 2020 г. Одновременно многие в США весьма негативно оценивают уже имеющиеся договорённости США с Китаем по проблемам киберпреступности, кражи интеллектуальной собственности, манипулирования валютным курсом, полагая, что Китай продолжает прежнюю линию в этих вопросах. Таким образом, повышая пошлины на китайские товары, что негативно влияет на внутренний рынок США, инфляцию и корпоративные доходы, стратегия Д. Трампа фактически не достигает поставленных целей.

Однако в стратегии Д. Трампа не следует видеть лишь краткосрочные цели. Своими действиями Д. Трамп пытается усилить экономическую, научно-техническую, да и политическую безопасность США на фоне обостряющейся международной конкуренции. Немалую роль в его стратегии сыграли обострившиеся противоречия экономической глобализации, то есть того самого экономического либерального порядка, в создание которого сами США вложили столь большие усилия после Второй мировой войны.

Пока в новой внешнеэкономической стратегии Д. Трампа можно видеть как достаточно

скромные успехи, так и немало противоречий и неудач. Среди, казалось бы, побед – переформатирование NAFTA в USMCA. Хотя изменения в договоре носят минимальный характер, США добились определённых уступок со стороны Канады и Мексики. Тем не менее соглашение всё ещё не ратифицировано Конгрессом.

США добились, чтобы и Южная Корея, и Европейский союз согласились на переговоры о новом соглашении о торговле. Страны Европы сделали этот шаг даже до снятия пошлин на сталь и алюминий, но отказались от переговоров по сельскому хозяйству.

Япония также уступила требованиям США начать двусторонние торговые переговоры вне связи с Транстихоокеанским партнёрством (ТТП), из которого США вышли. Однако Япония одновременно укрепляет свои отношения с оставшимися странами-членами ТТП.

Ставка Д. Трампа на заключение двусторонних соглашений, безусловно, позволяет США добиваться более выгодных для себя условий во внешнеэкономических связях. Однако ограниченность двусторонних связей тоже очевидна. На примере торговой войны с Китаем, да и с другими странами, видно, что партнёры США активно сопротивляются американскому диктату и обладают немалыми экономическими возможностями для адекватного ответа.

Можно назвать несколько вполне конкретных негативных последствий нынешней внешнеэкономической стратегии Д. Трампа. Помимо возросшего торгового дефицита, который, конечно, имеет долговременные причины, есть отрицательные проявления развязанной Д. Трампом торговой войны и повышения торговых тарифов. По оценке исследования, проведённого в Принстонском и Колумбийском университетах совместно с Федеральным резервным банком Нью-Йорка, только в ноябре 2018 г. новые торговые тарифы уменьшили совокупные доходы населения США на 1.4 млрд долл. За 11 месяцев 2018 г. потери населения в доходах составили 7 млрд долл. [11].

Разумеется, начавшийся в 2020 г. новый экономический кризис в совокупности с коронавирусной пандемией оказывает весьма негативное влияние в том числе и на внешнеэкономические позиции США.

Очень серьёзными негативными последствиями для автомобильной отрасли США грозит заявленное Д. Трампом повышение пошлин на мексиканский экспорт в США (в случае продолжения нелегальной эмиграции в США). Дело в том, что большинство ведущих автопроизводителей мира имеют автомобильные предприятия в Мексике, где осуществляется как конечная сборка автомобилей, так и производство комплектующих.

Это и ведущие американские автопроизводители (“Дженерал Моторс”, “Форд”, “Фиат-Крайслер”), а также крупнейшие производители других стран “Ауди”, “Тойота”, “Ниссан”, “Хонда”, “Мазда”. В целом Мексика экспортирует автомобилей и комплектующих к ним ежегодно на сумму 93 млрд долл.

Если американские автомобильные компании, производящие свою продукцию в Мексике, не переложат увеличение издержек на потребителей – а это имеет свои пределы, то повышение пошлин чревато для них многомиллиардными потерями. Так, по оценке “Дойче Банка”, производственные издержки “Дженерал Моторс” возрастут на 6.3 млрд долл., корпорации “Фиат-Крайслер” – на 4.8 млрд долл., корпорации “Форд” – 3.3 млрд долл. Всего для ведущих мировых автопроизводителей повышение пошлин на мексиканские товары будет стоить около 17 млрд долл., что неизбежно окажет понижающее влияние на мировой автомобильный рынок [12].

При этом следует помнить, что рынок автомобилей в США уже несколько “просел” после рекордного производства в 2016 г., когда объём продаж составил 17.55 млн машин. Рекордна по объёму и задолженность американцев по автокредитам, составившая 1.27 трлн долл. в 2018 г.

Существует мнение, что, намереваясь повысить пошлины на товары из Мексики, Д. Трамп имеет в виду прежде всего автомобили, а также автомобильные концерны, которые не прислушались к его призывам переносить производства в США. Так, корпорация “Дженерал Моторс” вопреки пожеланиям Трампа, не отказалась от намерения, объявленного ещё в 2014 г., построить 14 новых предприятий в Мексике, хотя и согласилась поначалу инвестировать 1 млрд долл. в новые автомобильные заводы в США. Однако затем компания отказалась от этой идеи и объявила о массовом закрытии предприятий в стране и увольнении тысяч рабочих. Всё это вызвало крайнее неудовольствие президента Трампа.

Схожая история произошла и с компанией “Форд”, которая ещё в 2016 г. объявила о строительстве предприятия в Мексике для производства автомобилей “Фиеста” и “Фокус”. Кроме того, “Форд” обнародовал планы строительства завода в Мексике по производству двигателей и трансмиссии. Сразу после объявления этих планов Д. Трамп пообещал обложить экспорт компании пошлинами в 35%.

Таким образом, намереваясь повысить пошлины на мексиканские товары в США, Д. Трамп прежде всего пытается наказать “непослушные” автомобильные компании, заботящиеся о своих доходах и конкурентных позициях.

* * *

Как представляется, нынешний период внешнеэкономической стратегии Д. Трампа — это лишь начальный этап обострившейся в мире конкурентной борьбы за рынки и экономические позиции. Порой она принимает формы протекционизма, основанного чуть ли не на меркантилистской теории внешней торговли XIX в., отрицавшей роль импорта в экономическом развитии. Такой упрощённый подход к конкуренции вряд ли имеет перспективу на успех. Поскольку современная мировая экономика не только глобальная, а этот процесс более чем объективен, она всё больше зиждется на цифровых технологиях, которые по определению имеют международный характер.

Как найти оптимальное соотношение между экономической безопасностью и конкурентными позициями страны, её местом и ролью в мировом сообществе и усиливающейся технологической взаимозависимостью и ставшей уже глобальной мировой экономикой — это вопрос, на который современная внешнеэкономическая стратегия Д. Трампа не даёт ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Economic Report of the President, Washington, 2019.
2. Peterson Institute for International Economics. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date-Guide. Chad Brown and Melina Kolb. 2019. May 30. P. 2–4, 6. <http://piie.com/sites/default/files/documents/trump-trade-war.timeline.pdf>
3. BDI, "America First" — US Trade Policy under President Trump. P. 2. <http://english.bdi.eu/article/news/america-first-u-s-trade-policy-under-president-donald-trump/>
4. Douglas I. Understanding Trump's Trade War // Foreign Policy. 2019. April 12. P. 3. <http://foreignpolicy.com/gt-essay/understanding-trumps-trade-war-china-trans-pacific-nato/>
5. Супян В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 23–32.
6. Joshua P. Meltzer and Neena Shenai. The US — China economic relations. A comprehensive approach. Brookings Institution, American Enterprise Institute. February 2019. P. 8, 9, 11. <http://www.brookings.edu/research/the-us-china-economic-relationship-a-comprehensive-approach/>
7. Swanson A. China Trade Deals Details Projections for American Firms. // The New York Times. 2020. Jan 14. <http://nyti.ms/2u3pGnW>
8. Griswold D. Assessing President Trump's Trade Priorities // CATO Journal. Winter 2019. P. 2, 4. <https://www.cato.org/cato-journal/winter-2019/assessing-president-trumps-trade-priorities>
9. Scott R.E. The failure of Trump's trade and manufacturing policy. Economic Policy Institute Working Economics Blog. 2018. Dec 21. P. 5, 6. <http://www.epi.org/blog/the-failure-of-trumps-trade-and-manufacturing-policy/>
10. Higgott R. From trade diplomacy to economic war fore: the international economic policy of the Trump Administration Working Paper 10/2019, 31 May 2019. www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/bf748739-72ef-4ed1-9567-c79497b6596c/wp10-2019-Higgott-from-trade-diplomacy-to-administration.pdf?
11. Soergel A. The Unintended Consequences of Trump's Tariffs // US News&World Report. 2019. March 7. <http://www.usnews.com/news/economy/articles/2019-03-07/the-unintended-consequences-of-trumps-tariffs>
12. O'Kane S. Donald Trump's war on cars is pushing the US closer to a recession // The Verge. 2019. June 1. P. 2. <http://www.theverge.com/2019/6/1/18647215/donald-trump-mexico-tariffs-cars-recession-jobs>

РОССИЯ–США–КИТАЙ: РЕЗОНЫ И РИСКИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВОЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ¹

© 2020 г. С. М. Труш

Институт США и Канады РАН, Москва, Россия

E-mail: zebra758@gmail.com

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

После доработки 22.06.2020 г.

Принята к публикации 19.08.2020 г.

Военный союз между Китаем и Россией в настоящее время не представляется оправданным с точки зрения расширительно понимаемых интересов безопасности Российской Федерации. Такой союз существенным образом перестроил бы структуру мировой многополярности, вызвав в ней значительную радикализацию и рост напряжённости. Этот союз, вероятно, обострил бы проблему безопасности РФ, а не способствовал её решению. Вместе с тем при других внешнеполитических условиях Россия по своим мотивациям, а Китай по своим могут вернуться к идее создания военного союза, если сочтут его необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности в противостоянии с США.

Выход США из договоров о контроле над вооружениями, в частности из договора СНВ–3, означает закрепление ориентации этого государства на единоличное доминирование в стратегических вооружениях. Такое развитие событий перекрывает по значимости большинство аргументов против союзничества России и Китая.

Масштаб и формы нынешнего военного сотрудничества между РФ и КНР являются адекватными существующим внешнеполитическим условиям России. Однако пока оно не должно переходить “красной черты”. Такой границей следует признать взаимные чёткие гарантии участия обеих сторон в отражении внешней угрозы.

Ключевые слова: треугольник США–Россия–Китай, военный союз, Договор о РСМД, гарантии безопасности, контроль над вооружениями, модель развития, авторитарный режим.

DOI: 10.31857/S0869587320110092

В России под воздействием бурной динамики международных отношений последних лет и российского “поворота на Восток” идёт активное осуждение целесообразности более тесных воен-

ных связей с КНР, вплоть до необходимости заключения военного союза между странами.

Новый старт этим дискуссиям придало заявление В.В. Путина в октябре 2019 г. о том, что Россия оказывает практическую и консультативную помощь Китаю в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [1]. Многие наблюдатели, как российские, так и зарубежные, расценили этот факт как элемент – начальный либо ограниченный – военного союза. Высказываются мнения, что Россия и Китай де-факто уже вступили в союзнические отношения либо что их отношения уже можно назвать “функциональным военным альянсом” [2, 3].

Так ли это на самом деле? Чем мотивировано и что означает заключение такого союза, исходя из интересов Российской Федерации? Каких целей может достичь Россия с помощью такого союза,

ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСК РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “США и Канада: экономика, политика, культура” (2020. № 3. С. 5–24).

какие риски и последствия он предполагает? Адекватен ли этот шаг в настоящий момент с точки зрения российских интересов, какие альтернативы военному союзу РФ и КНР возможны?

СОЮЗ ИЛИ СБЛИЖЕНИЕ?

Понятия “союзник” и “союзнические отношения” могут трактоваться по-разному, но выделить их суть возможно. Как правило, под военным союзом подразумеваются юридически закреплённые взаимные гарантии государств-участников по отражению угрозы безопасности одному из них. Союзы обычно заключаются в условиях чёткого понимания общего врага или стратегического противника и предполагают координацию военного строительства (военных приготовлений, национальных программ вооружений) стран-участниц, а также эксклюзивные, доступные только союзнику поставки критических вооружений и технологий. Отношения союзничества в современных условиях принято закреплять соответствующими договорами, пактами, соглашениями, однако реальные договорённости (или их часть), содержащиеся в них, могут носить и негласный характер.

Очевидно, что если следовать данным критериям, то констатировать, что Россия и Китай уже вступили в военный союз хотя бы де-факто пока преждевременно. Никаких взаимных гарантий безопасности и собственно координации военного строительства Россия и Китай на данный момент не обнаруживают. В своих двусторонних отношениях они руководствуются Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, заключённом в 2001 г. Статья 9 этого договора гласит, что “в случае возникновения ситуации, которая, по мнению одной из сторон, может нарушить мир или затронуть интересы её безопасности, стороны незамедлительно проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы”. Согласно другой статье, стороны обязуются прилагать “совместные усилия по поддержанию глобального стратегического баланса и стабильности, а также всемерно способствуют неукоснительному соблюдению основополагающих договорённостей, обеспечивающих поддержание стратегической стабильности” [4]. Иными словами, не подразумевая никакой “союзности”, данный документ предусматривает лишь консультации даже в случае возникновения угрозы войны.

Вместе с тем очевидно, что за последние несколько лет, начиная с этапного 2014 г., движение России и Китая к более тесным военным отношениям было более чем заметным. Показателем этого следует признать прежде всего активную программу поставок вооружений из России в Китай, возобновившуюся и набравшую обороты во

второй половине 2010-х годов после длительной паузы (с 2003 г.). Сейчас Китай — крупнейший импортёр российских вооружений и лицензированных военных технологий. В 2016 г. экспорт российского оружия в КНР составил 3 млрд долл., превысив пик предыдущего периода в 2.7 млрд долл. (2002), и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Благодаря этой программе Китай технологически перескочил через ряд ступеней в производстве, например, истребителей и зенитных управляемых ракет (ЗУР) дальнего действия, ракет класса “воздух-воздух”, действующих за пределами прямой видимости, беспилотных подводных аппаратов, бомб с лазерным наведением и т.д. Эксперты справедливо замечают, что российско-китайское военно-техническое сотрудничество (ВТС) в какой-то мере способствовало передаче статуса великой военно-технологической державы от России к Китаю [5]. Важной частью программ ВТС стали эксклюзивные поставки из России в Китай ракетных комплексов С-400 и современных истребителей Су-37. Последний вид оружия — Су-37 — Россия продаёт только Китаю.

Другим ещё более важным показателем военного сближения стала интенсификация совместных манёвров вооружённых сил двух стран. Здесь характерны и расширяющаяся география, и растущий масштаб военных учений. В 2015–2018 гг. флоты обеих стран принимали участие в совместных морских манёврах в Восточном Средиземноморье, в Балтийском, Охотском, Японском, Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Значимым шагом военного сотрудничества стали совместные общевойсковые манёвры “Восток-18”, проводившиеся на территории и в морской акватории Российского Дальнего Востока в Тихом океане. По официальным данным, с российской стороны в них приняли участие 300 тыс. военнослужащих, более 1 тыс. самолётов и вертолётов, а также кораблей Тихоокеанского и Северного флотов. Китай отправил в Россию около 3200 военнослужащих, 900 единиц различных типов вооружения и 30 летательных аппаратов, что составило крупнейший контингент вооружённых сил КНР, который когда-либо принимал участие в учениях на территории другого государства. Главная часть учений проходила на полигоне Цугол в Забайкальском крае, где присутствовали президент РФ В.В. Путин, а также главы министерств обороны России и Китая С. Шойгу и Вэй Фэнхэ.

Руководители военных ведомств России и Китая поддерживают регулярные контакты и обмениваются чувствительной информацией оборонного и разведывательного характера. Оборонные ведомства Китая и РФ имеют “дорожную карту” по военному сотрудничеству на 2017–2020 гг., подписанную 7 мая 2017 г. [5].

СТИМУЛЫ И МОТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ

Если говорить о российской мотивации к военному сближению с Китаем, то она является логическим следствием всей сложившейся при президенте В.В. Путине внешнеполитической идеологии Российской Федерации, которую можно определить как идеологию “вставания с колен”. Она исходит из того, что утвердившееся после распада СССР положение России как “обычной” мировой державы неестественно и неадекватно с точки зрения её реальных возможностей и интересов. Россия, считают в Кремле, должна пройти возвратную эволюцию к более высокому статусу и большей роли в мировой политике. Это необходимо, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение международной среды для России, обусловленное “социал-дарвинистской” сущностью этой среды. Социал-дарвинизм, по мнению Москвы, проявился в первую очередь в несправедливом, “нечестном” и “корыстном” поведении Запада, нацеленного на максимизацию своих интересов в мире, заполнения вакуума власти после распада СССР. Конкретным проявлением этого, согласно идеологии В.В. Путина, стало расширение НАТО в Европе, непризнание законных интересов России на постсоветском пространстве, отказ от прежней структуры договорённостей в области контроля над вооружениями, вытеснение России в ключевых региональных горячих точках, на Ближнем и Среднем Востоке, а также в АТР, в Африке и Латинской Америке. В рамках этой идеологии Китай рассматривается как наиболее мощный, растущий и перспективный из незападных полюсов мира, причём полюс, который наиболее активно нацелен на слом традиционного статус-кво. В связи с этим сближение между Россией с её обозначенными внешнеполитическими мотивациями и Китаем представляется весьма логичным.

С приходом администрации Д. Трампа, когда обострились двусторонние отношения США и с Россией, и с Китаем, взаимное тяготение Москвы и Пекина ещё более усилилось. Если говорить о китайской стороне, то это в первую очередь торговая война, нарастание неопределённости и военной конфронтации в китайско-американских отношениях, усиление цивилизационного фактора в двусторонних разногласиях, обострение конкуренции США и КНР в технологической сфере, ужесточение идеологической полемики, отход США от линии “трёх коммюнике” в тайваньском вопросе, наконец, активное содействие США нарастанию социальной напряжённости в Гонконге. Фиксируя усиливающуюся нестабильность в результате американского давления, китайский центр стал отходить от ранее доминировавшего представления о нецелесообразности союзнических отношений с какой-либо из крупных

стран, трактовке их как неоправданного бремени для независимой и самостоятельной китайской внешней политики.

Если говорить о российской стороне, то для неё крайне болезненным оказались санкционное давление США и Запада на и без того нединамичную российскую экономику, перекрытие каналов кредитования российских компаний западными банками, сокращение и так неактивного потока западных инвестиций, блокирование российского сырьевого экспорта, нарастание деструктивной антироссийской пропаганды в США, свёртывание практически всего комплекса российско-американских гуманитарных связей.

Особое воздействие на Россию и Китай оказала эволюция военной политики Д. Трампа, беспрецедентное повышение планки военных расходов США до уровня свыше 725.5 млрд долл. (2019), доктринальная квалификация Китая и России в качестве стратегических соперников в Стратегии национальной безопасности США, обнародованной в 2017 г., выдвижение Индо-Тихоокеанской стратегии Соединённых Штатов в качестве оптимального формата для купирования китайской угрозы и геоэкономических коммуникаций КНР и, наконец, выход США из Договора о РСМД с последующим испытанием нового поколения американских ракет средней дальности [6]. Для Москвы и Пекина такие действия США практически исключают какие-либо альтернативы военного сближения. Так, после развала Договора о РСМД создалась ситуация, когда при гипотетическом размещении американских крылатых ракет, например, в Эстонии, подлётное время до Москвы составит чуть более одной минуты. С другой стороны, американские средства средней дальности, размещённые в акватории или на территориях АТР, ставят под прицел практически любую точку КНР и существенно нивелируют потенциал ответного удара китайских ядерных сил.

Действия США неизбежно подталкивают Россию и Китай к более тесным военно-политическим контактам — это самый сильный ход Москвы и Пекина в противодействии администрации Д. Трампа. Военный бюджет США, сравнимый с совокупным годовым военным бюджетом всех стран мира, объективно диктует необходимость сложить меньшие военные бюджеты Китая (250 млрд долл., 2019 г.) и России (46 млрд долл., 2019 г.) с целью противостоять американской угрозе. Совместная российско-китайская военная стратегия на пространствах Большой Евразии, включая Восточно-Европейский, Центральнo-Азиатский, Восточно-Тихоокеанский и Арктический театры военной активности составила бы адекватный ответ расширению НАТО и Индо-Тихоокеанской стратегии США.

Не менее важные мотивации союзничества России и Китая — базовые двусторонние факторы притяжения двух стран: геополитическое соседство, протяжённая двусторонняя граница, обоюдная важность поддержания прочного добрососедства, крайне высокая цена обоюдной конфронтации. К двусторонним факторам сближения следует отнести и взаимодополняемость двух экономик, хотя это утверждение является дискуссионным и требует уточнения базовых критериев такой оценки.

Помимо факторов чисто внешнеполитического и стратегического характера, военное сближение России и Китая мотивируется и существенной близостью стран с точки зрения внутриэкономического, внутриполитического и цивилизационно-ценностного измерений. Оба государства представляют собой государственно-капиталистические экономики, авторитарные политические режимы (хотя и в разной степени) с эмбриональным развитием среднего класса и атрибутами его политической вовлечённости, с собственным опытом коммунистического эксперимента, с глубокими традициями имперской истории и коллективистского сознания. Оба режима привержены централизационно-государственным формам управления и решению стоящих перед ними социальных и экономических проблем. Их элиты весьма созвучны друг другу по насаждаемой внутри и вовне политической философии: государственная идеология, патриотизм, “вставание с колен”, “китайская мечта”, Большая Евразия, “Один пояс — один путь”, “Русский мир”, “Сообщество единой судьбы”.

Политическому режиму современной России гораздо комфортнее, политически продуктивнее и намного безопаснее иметь в качестве союзника более понятный по духу и методам управления авторитарный режим, чем западную демократию. Западные демократии относятся к России и к её руководству более критично, не разделяя многие традиционные трактовки Россией её внешнеполитических интересов и сфер влияния, обличая “имперские корни” её международной стратегии.

Китай с присущими ему внутриполитическими идеологическими и политико-психологическими характеристиками также воспринимает Москву как более естественного и надёжного партнёра, чем какую-либо западную демократию. Китайская модель развития, с теми или иными минусами, пока обеспечивает высокий и стабильный экономический рост и решение базовых социальных задач, но проблема эволюционной изменчивости этой модели, управляемости полутоталитарного социума, равно как и проблема социальной стабильности, не сброшены Пекином со счетов. Торговые войны, общее ухудшение отношений с Западом, замедление прежних

темпов роста, социальные катаклизмы, проявляющиеся в чувствительных сегментах китайского общества (Гонконг) свидетельствуют о том, что в ближайшей перспективе эта проблема будет сохранять свою остроту и актуальность. Поэтому с точки зрения базовых ценностей и традиций Москва и Пекин, несомненно, близки друг другу и могут стать ключевыми военными союзниками.

РАЗНОЕ ПОНИМАНИЕ США

Говоря о военном сближении таких крупных стран, как Китай и Россия, необходимо отметить, что в современную высокотехнологичную ракетно-ядерную эпоху с многократно возросшими возможностями взаимного уничтожения наличие союзных военных гарантий в отношении какой-либо страны может привести к диаметрально противоположным результатам с точки зрения её безопасности. С одной стороны, взаимные гарантии безопасности для каждого участника военного союза России и Китая перед лицом США объективно усиливают для них риски собственного уничтожения. В случае союзных отношений РФ и КНР российско-американо-китайский треугольник как таковой фактически прекращает своё существование, на смену ему приходит ось противостояния США против РФ—КНР с соответствующими целями для американского ядерного удара. Такой удар со стороны США — превентивный или ответный — будет однозначно планироваться и наноситься по обоим союзникам. С другой стороны, военное взаимодействие России и Китая может рассматриваться и как очевидное благо для России, поскольку союз двух ракетно-ядерных держав делает самоубийственным для США ядерное нападение на любую из них, или, по крайней мере, высоко поднимает планку риска для американцев.

Нужно заметить, что нынешний расклад ракетно-ядерных потенциалов трёх сторон, а также действенность их систем ПРО таковы, что Китай оказывается более уязвимым в случае ракетного нападения США, нежели Россия. Поэтому союзнические отношения с Россией для Китая более выгодны. Ответный удар России по США в случае нападения США на Китай может явиться для последнего фактором, значительно снижающим риск подвергнуться ядерному нападению. Для России главная гарантия от нападения США — собственный потенциал и собственный гарантированный ответный удар.

Военный союз с Россией ценен для Китая и с той точки зрения, что, имея благодаря России определённую страховку от ядерного нападения США, Китай с его динамичной экономикой, помимо всего прочего, получает шанс передышки, расширяются его окна возможностей в области технологического соревнования с США. Нахо-

дятся в известной степени под прикрытием российской экс-сверхдержавы, Китай как потенциальная новая сверхдержава способен использовать шанс достижения паритета либо даже технологического превосходства над США. Такое превосходство может быть достигнуто за счёт прорыва к сверхновым критическим военным технологиям, нивелирующим преимущества США в традиционных ракетно-ядерных, а также и в новых высокоточных, гиперзвуковых, кинетических видах оружия.

Военный союз — это прежде всего реакция стран на чётко обозначившуюся, конкретную и недвусмысленную военную угрозу — угрозу их суверенитету и независимому развитию, стремление объединить усилия для её отражения. От того, насколько гармонично, одинаково остро стороны ощущают эту угрозу для себя, в какой мере не видят других, в том числе и невоенных альтернатив её купирования, зависит степень союзной солидарности.

Пока нельзя сказать со всей определённости, что такая угроза Россией и Китаем воспринимается одинаково. Можно утверждать, что для обеих наших стран главная опасность, исходящая от США, имеет два основных аспекта: 1) угроза военной победы США в полномасштабной ракетно-ядерной войне; 2) угроза размывания национальных моделей развития и утраты государственной самостоятельности в результате системной конкуренции с США. При этом если для России одинаково важными представляются оба аспекта — и военный, и с точки зрения модели развития, то для Китая более актуальным является первый аспект. В том, что касается модели развития и государственной самодостаточности, Китай чувствует себя более уверенно. Соответственно этому Россия более заинтересована договариваться с США о контроле над вооружениями, хотя её шансы мотивировать к этому США неуклонно сокращаются из-за растущих экономических проблем и нехватки ресурсов для продолжения гонки вооружений. Китай, со своей стороны, будучи сильно мотивирован в разоруженческом аспекте давления на США, пока не имеет здесь достаточных козырей. При этом он склонен жёстко торговаться и отстаивать свою политико-экономическую модель развития, смещающую основную сферу противостояния и конкуренции в экономическую и научно-технологическую область. Позиция, занимаемая КНР в ходе развернувшейся торговой войны с США, наглядно демонстрирует эту жёсткость.

При таком раскладе базовых мотиваций Россия и Китай явно взаимно заинтересованы подкреплять друг друга в давлении на США: Россия — в плане контроля над вооружениями, Китай — в экономике и технологиях. Для Китая важна соли-

дарная с ним позиция России по вовлечению КНР в процесс контроля над вооружениями, в частности, в свете предложений Д. Трампа по трёхстороннему договору о РСМД. Для России крайне значимой могла бы стать опора на финансовые ресурсы и кредиты Китая в условиях санкций, перекрывающих каналы финансирования и кредитования со стороны западных банков.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЕННОГО СБЛИЖЕНИЯ

Важным фактором, который России необходимо принимать в расчёт с точки зрения перспективы военного союза, является то, что для России и Китая — крупных мировых игроков и полюсов многополярности — характерны сложные структуры внешнеполитических интересов. Эти структуры имеют свою историю, свой генезис, свои региональные акценты, отличаются разной степенью вовлечённости в конфликты в горячих точках мира или межстрановые. Для России, например, ключевым ступком интересов является Европа и постсоветское пространство, для Китая — ближайшие соседи (Индия, Япония, Корея) и регион АТР. Вступая в военный союз, Россия и Китай будут вынуждены модифицировать или полностью принимать точку зрения своего союзника на вопросы и противоречия, в которые они ранее были слабо вовлечены. Так, Россия будет вынуждена занимать более солидарную позицию по пограничным конфликтам КНР в Восточном и Южно-Китайском морях, в отношениях КНР с Индией, Японией, обеими Кореями. Китай в свою очередь должен будет поддерживать РФ в отношениях с НАТО (очень часто в разрез со своими экономическими интересами в Европе), по украинскому и крымскому вопросам.

Гипотетически возможное вступление России и Китая в военный союз сильнейшим образом радикализирует, приведёт в движение мультиполярную мировую структуру, окажет значительное воздействие на каждый из мировых полюсов. Это и понятно, поскольку, по сути, это будет означать существенный пересмотр уже сложившегося расклада сил, стремление других полюсов найти более равновесное и безопасное для себя состояние, в том числе за счёт укрепления межполюсных взаимосвязей.

Разумеется, центральная тема в данном случае — вопрос о том, какое конкретное воздействие российско-китайский альянс окажет на главного противостоящего им контрагента — США. Понятно, что речь не может идти о попытках предугадать всю палитру конкретных шагов и действий Белого дома во внешнеполитическом, военно-техническом и стратегическом аспекте в ответ на создание российско-китайского военного союза. Скорее здесь можно говорить о прогнозе ключевых внешнеполитических мотиваций,

новых идеологических установок, наиболее вероятных военных и дипломатических мер со стороны США.

Во-первых, не возникает сомнений, что США воспримут заключение российско-китайского военного союза как существенное ухудшение мировой обстановки, ужесточение конкурентной борьбы Вашингтона с Москвой и Пекином. Вашингтон, скорее всего, расценит степень этого ухудшения достаточной для того, чтобы предпринять политические, дипломатические и военные меры экстраординарного характера, в результате чего общий градус отношений в треугольнике США—РФ—Китай резко повысится.

Наиболее вероятно предположить, что российско-китайский военный союз окажет цементирующее воздействие на трансатлантическую солидарность, укрепит военно-политическую связку США—НАТО, что поможет этому союзу, вопреки линии Д. Трампа, не усугублять наметившиеся центробежные тенденции. В дальнейшем данный тренд способен привести к формированию некоторой новой военно-политической конфигурации — своего рода “четырёхзвенной биполярности”: с одной стороны, трансатлантический полюс в лице США и Европы, с другой — евразийский альянс Россия—Китай. Такая дихотомия приобрела бы ярко выраженную геополитическую конфигурацию в виде новой оси Запад—Восток. В этом случае, например, весьма вероятно, что решение о размещении в Европе американских ракет средней дальности — на что пока действует мораторий и с американской, и с европейской стороны — будет всё-таки принято. Рост общей мировой напряжённости в целом и критических угроз для российской безопасности в частности окажется весьма существенным.

Наряду с усилением трансатлантической солидарности США, по-видимому, пойдут по пути ответного укрепления своих военно-политических союзов и связей как в АТР (Япония, Корея, Австралия, Филиппины, Таиланд, Сингапур), так и за рамками региона. Усиление уже существующих союзнических отношений США наиболее вероятно будет сопровождаться, с одной стороны, компромиссами, уступками и стимулирующими мерами в отношении партнёров, с другой — давлением США на своих союзников в сторону ужесточения их обязательств и материальных затрат по совместной обороне, мотивированного фактором российско-китайского “сговора”.

Такая аргументация с наибольшей вероятностью найдёт применение в отношениях с Японией с целью увеличить её вклад на нужды обороны. Для США появятся сильные дополнительные аргументы лоббировать отмену статьи 9 конституции Японии, не разрешающей последней иметь собственные вооружённые силы. Вполне реали-

стична постановка вопроса о более активном участии Японии в региональной ПРО. Желательное для США размещение в Японии американских ракет средней дальности и крылатых ракет вряд ли осуществимо в силу возможного существенно-го противодействия этому внутри Японии.

На корейском направлении можно прежде всего предполагать сильную деградацию инициативы Д. Трампа по денуклеаризации Северной Кореи и улучшению связей с Ким Чен Ыном. Возможностей для компромисса с США станет значительно меньше. Ким Чен Ын, по всей вероятности, будет рассматривать заключение российско-китайского союза как сильный аргумент в свою пользу в торге с США и заметно повысит планку переговорных требований. Эти требования были неприемлемы для Д. Трампа и в прежних, более скромных редакциях. Можно предположить, что Ким Чен Ын будет более сговорчив в переговорах с КНР, особенно в том, что касается интенсивности и темпов развития ядерной и ракетных программ КНДР, частоты ракетных и ядерных испытаний. В ответ Северная Корея, скорее всего, будет настаивать на увеличении китайской экономической помощи, в первую очередь в энергетической сфере. В новых условиях союзничества эти требования могут быть адресованы и России.

В случае заключения российско-китайского союза и дальнейшего отхода КНДР от прежних обещаний по денуклеаризации и разрядке США получат больше аргументов в пользу усиления военного вклада Южной Кореи в региональную безопасность. Конкретно это может выразиться в увеличении расходов РК по содержанию на её территории американского контингента, расширении функций и задач корейского флота, в том числе и в Западной акватории Тихого океана, размещении дополнительных средств ПРО на корейской территории.

Помимо этого, заключение российско-китайского военного союза может мотивировать США к установлению и упрочению военно-политических связей с важными для КНР и России странами, такими как Афганистан и Вьетнам. Особые же усилия США будут предпринимать в отношении Индии, которая с возникновением российско-китайского альянса будет испытывать серьёзное напряжение в своих отношениях в рамках БРИКС и получит дополнительные стимулы движения в сторону американцев.

РАЗНЫЕ ТРАКТОВКИ БЕЗОПАСНОСТИ: РИСКИ МОСКВЫ

При обсуждении доводов за и против союза России с Китаем “существует точка зрения, что, сотрудничая с Китаем во многих областях,

Россия почти ничего не теряет с точки зрения безопасности, зато осложняет жизнь США, укрепляет отношения с ключевым партнёром и получает экономический выигрыш” [2]. Аргументируя такую позицию, её сторонники отмечают, что первостепенными источниками беспокойства для России были бы китайские сухопутные силы, ракеты среднего радиуса, в то время как китайские ПРО, возможности СПРН и усиление морского флота КНР, что особенно беспокоит США, для России не являются серьёзным вызовом [2]. Эта точка зрения верна в определённой системе координат, но вряд ли правомерна, если рассматривать безопасность России расширительно.

Действительно, композиция, расклад и характеристики военных потенциалов России и Китая, наиболее вероятный гипотетический сценарий военного столкновения между РФ и КНР таковы, что Россия имеет определённые возможности относительно безрискового военного сотрудничества с КНР в форме союзнических отношений, причём направленных в первую очередь и фактически против США. Система предупреждения о ракетном нападении, о сотрудничестве по которой с КНР президент РФ объявил в октябре 2019 г., — вероятнее всего, одна из таких возможностей. В условиях подавляющего преимущества РФ в средствах доставки ядерных боеприпасов на территорию КНР, пока ограниченных китайских возможностей ПРО данная “услуга” никоим образом не представляет серьёзных рисков для России [2]. Наоборот, в определённом смысле она является положительной для РФ мерой, поскольку в конечном счёте работает на упрочение глобальной стратегической стабильности и сковывает американские возможности первого удара по КНР.

Однако коридор таких достаточно безрисковых шагов военного сотрудничества для РФ достаточно ограничен. Даже дальнейшие гипотетические меры по усилению китайской ПРО, технологический, консультационный обмен в этой области может быть весьма чувствителен для российских наступательных возможностей, в том числе и *vis-a-vis* КНР. Предоставление таких услуг со стороны России было бы абсолютно неоправданным иррациональным шагом для любого российского руководства, вне зависимости от внутриполитической цены подобного шага. Напомню, что даже при большей идеологической гомогенности двух стран и в условиях полномасштабной “холодной войны” с США в конце 1950-х годов СССР не пошёл не только на раскрытие Китаю секретов ядерного оружия, но и на менее значимые услуги военно-стратегического характера, в частности в предоставлении Китаю

систем радиолокационной разведки по слежению за флотом США в Тихом океане.

Если рассматривать проблему безопасности РФ более широко, следует признать, что существенным и вполне осязаемым риском военного союза с КНР является вероятность инерционного его развития, его превращения в некую более масштабную и системную взаимозависимость между РФ и КНР. Такая взаимозависимость, опирающаяся на существующие макроэкономические и макрополитические реальности современных России и Китая, преимущества последнего в экономике и темпах роста, способна создать угрозу независимости, самодостаточности и в итоге успешности модели развития современной России. Плата за “вставание с колен” на китайских плечах может быть слишком велика и обернуться утратой Россией самодостаточной и автономной роли глобального мирового полюса. Конечно, пока речь идёт не о риске сегодняшнего дня, а о потенциальном сценарии будущего. Однако ставки в этом вопросе чрезвычайно высоки, и факторы, его предопределяющие, вполне реально просматриваются уже сейчас.

Три главных фактора внутрироссийского и международного плана делают такой тревожный сценарий вполне вероятным.

Первый — отсутствие на данный момент внятной и успешной стратегии экономического развития Российской Федерации, ориентированной на достижение устойчивых темпов роста, технологическую модернизацию, прорыв в фундаментальной науке, избавление от сырьевой зависимости в экономике. Сюда следует отнести и полное отсутствие мотивации правящей элиты России к построению социально ориентированного государства.

Второй фактор — крайне обострившиеся в последние годы социальные, региональные и материальные диспропорции российского общества, его резкая поляризация как результат посткоммунистической фазы его эволюции, отсутствия в политической системе РФ сколь-нибудь дееспособной системы мониторинга, согласования и разрешения множественных внутрисоциальных и политических противоречий. Такое положение усиливает акцент государства исключительно на авторитарные, силовые методы управления и идеологическую индоктринацию.

Третий фактор — объективно продолжающийся процесс глобализации и информационной революции, возрастающая роль внешних, трансграничных факторов внутреннего политического и экономического развития и как ответ российской элиты на это — чрезмерная идеологизация внешней политики и поиск внешних врагов.

Все данные обстоятельства серьёзно обостряют риск неблагоприятного внешнего влияния на приоритеты внутреннего развития и социально-экономическую политику проблемного государства, которым постепенно становится Российская Федерация.

Можно предположить, что Китай, несмотря на замедление в последние годы темпов роста (в силу объективных и субъективных причин), в обозримом будущем будет многократно опережать Россию по экономическим параметрам и темпам развития. А значит, вкупе с нарастающим технологическим ростом эта тенденция будет работать на сокращение разрыва в ракетно-ядерном потенциале между КНР и бывшими сверхдержавами, нивелируя таким образом привлекательность России для союзнических отношений с КНР. Между тем растущее преимущество в экономике, накопленные финансовые и другие материальные и технологические ресурсы объективно выдвигают Китай на роль главенствующего участника союзнического альянса. Это может проявиться в разных формах, в том числе и в военной стратегии — в определении и квалификации главного врага, распределении конкретных ролей и обязанностей в противодействии США, в планах военного строительства, в приоритете одних региональных театров действий и активности в других. Доминирующий партнёр получит возможность влиять на внешнеполитические ориентиры, идеологию, бюджетные расходы, следовательно, и на экономическую и в целом на всю стратегию своего “младшего” союзника. В условиях экономического превосходства КНР, с одной стороны, бойкота и изоляции России на западных финансовых, товарных и сырьевых рынках — с другой, возможности Китая управлять своим “младшим” партнёром многократно возрастают. В этом смысле статус России в двустороннем военном союзе с Китаем может в будущем сильно походить на подчинённую роль Японии в американо-японском альянсе. Возможно и идеологическое, ценностное влияние “старшего” союзника на своего более слабого контрагента.

Успешная вплоть до настоящего времени модель (“пекинский консенсус”), основанная на национально специфических исходных условиях развития КНР — демографический фактор, большой резервуар дешёвого труда, традиции авторитаризма и сильного государства, конфуцианская этика труда, потребления и социальных отношений, примат коллективизма над индивидуализмом в противопоставлении с малоэффективной экономической стратегией и практикой России, остротой внутрироссийских противоречий способны привести к некритическому навязыванию РФ китайских экономических практик и опыта, положительно сработавших на китайской почве.

Китай вполне может педалировать в России опыт авторитарных методов управления экономикой и социумом, финансовой нерыночной поддержки госкорпораций, расширения доли и роли госсектора в качестве политической опоры режима, практики многоуровневого, административно управляемого ценообразования, усечённых социальных обязательств государства, агрессивных форм контроля над населением. Причём такое влияние может многократно усиливаться за счёт нарастания политических проблем российского руководства, обострения социальной напряжённости в России в силу названных выше факторов, пропагандистски объясняемых мнимым ростом внешней угрозы.

Риском союзнической инерции становится растворение внешнеполитических интересов России как проблемного “младшего” партнёра в превалирующих интересах сильного союзника — Китая. В качестве пока ещё значимого и самостоятельного мирового полюса Россия имеет собственные, не совпадающие с китайскими внешнеполитические и геоэкономические интересы. В частности, Россия заинтересована в интернационализации процесса переговоров и контроля над стратегическими вооружениями, несмотря на их усложнение, а КНР пока отказывается брать на себя какие-либо обязательства в данной сфере. Китай как ключевой мировой потребитель сырья заинтересован в снижении цены на сырьё и растущем разнообразии его рыночных источников. Для России, наоборот, предпочтительнее поддержание высоких цен на углеводороды и своей привилегированной роли на мировом рынке сырья. России необходимо сохранить ключевую роль транспортно-логистического моста между КНР и Европой, Китай, напротив, следует стратегии многоканального и вариативного доступа на мировые рынки сбыта и сырья в рамках мегапроекта “Один пояс — один путь”. Китай отстаивает свои геополитические интересы в свободном доступе и эксплуатации Северного морского пути — Россия стремится сохранить свои привилегии в качестве одной из арктических держав. Между Россией и Китаем наметились зримые противоречия в регионе Центральной Азии, в первую очередь в Казахстане, становящемся буферным государством между ареалом Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайским экономическим пространством.

Опираясь на роль старшего, экономически более мощного партнёра и финансового донора РФ, Китай способен эффективно продавливать свои приоритеты и интересы за счёт российских позиций. Эта тенденция уже проявилась применительно к китайской инициативе “Один пояс — один путь”, идея сопряжения которой с российской инициативой ЕАЭС пока явно пробуксовы-

вает и не наполняется реальными проектами. Сам процесс дальнейшей консолидации и роста интегративности ЕАЭС сталкивается с серьёзными трудностями и ограничениями. Идея Большой Евразии в существенной степени остаётся чисто пропагандистским слоганом. С точки зрения интересов России, серьёзные вопросы — реальная выгода, рентабельность, сроки окупаемости масштабных российско-китайских энергетических проектов в области углеводородов (нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан, газопровод “Сила Сибири”), проистекающие из монополии одного потребителя. В условиях госкапитализма с высоким уровнем коррупции вызывает опасения тот факт, что экономическое внедрение Китая на российское экономическое пространство будет идти вразрез с интересами широких слоёв населения и будущих поколений².

Суммарным результатом этого может стать утрата Россией роли самостоятельного и самодостаточного мирового полюса, вплоть до превращения в китайского сателлита.

ЖУПЕЛ АНТИАМЕРИКАНИЗМА

Один из основных рисков инерции российско-китайского военного альянса — риск закрепления антиамериканизма в качестве главного внешнеполитического приоритета российско-китайского союзничества.

Россия, в интересах своего внутреннего развития, в интересах открытости и адекватной включённости в глобальную экономику, в международную систему, в интересах развития и поддержания нормального гуманитарного и культурного взаимодействия с внешним миром нуждается в стабильных и прочных отношениях как с Китаем, так и с США. Нынешний кризис, который переживают российско-американские отношения, — результат стратегии поведения двух сторон. Преодолеваться он тоже должен в результате обоюдного компромисса.

Картина российско-американских отношений за последнее десятилетие не является чёрно-белой. Запад прошёл свой, а Россия свой отрезок пути к нынешнему конфликтному состоянию дел. В частности, не отвергая и не отрицая деструктивности решения о расширении НАТО после распада СССР, необходимо учитывать, что оно принималось в условиях неопределённости и незаконченности системных преобразований в России в течение 1990-х годов, распространения на Западе представлений о возможности комму-

нистической реставрации в РФ. Это было наглядно продемонстрировано путчем 1993 г., выборами 1996 г., отсутствием решительной десталинизации и подлинной демократизации постсоветского общества. Запад страховался от не исключённой в будущем российской угрозы. Он избрал для этого наиболее простой способ вместо того, чтобы следовать более сложному, более длительному, более затратному, но, возможно, более успешному пути — строительству углублённой, менее хрупкой и более взаимозависимой системы безопасности с посткоммунистической Россией. Запад оказался не готов идти на больший политический риск, который мог бы привести к более благоприятной трансформации РФ и более устойчивым стратегическим отношениям с Москвой.

США и Россия как самые мощные в мире ядерные державы заинтересованы в восстановлении мирового режима контроля над вооружениями. В настоящее время нет резонов предполагать, что альтернативой двусторонним режимам контроля над вооружениями станут многосторонние или региональные соглашения.

Несмотря на нынешнюю остроту российско-американских разногласий, узконаправленный национализм В.В. Путина и Д. Трампа, российский “веймарский” синдром и внутриамериканский поиск новой идентичности, Россия не должна закреплять ненависть к Америке в качестве вечной особенности своего взгляда на мир. Америка и устойчивость отношений с ней для России ценны сами по себе и не должны являться функцией российско-китайского сотрудничества.

ВЫВОДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ

Подводя итог, можно сказать, что на данном временном срезе военный союз между Китаем и Россией не представляется оправданным и адекватным шагом с точки зрения расширительно понимаемых интересов безопасности Российской Федерации. Этот союз двух полюсов глобальной многополярности значительно переформатировал бы её структуру, вызвав в ней радикализацию и рост напряжённости. Вполне вероятно, что он обострил бы экзистенциальную проблему безопасности РФ, а не способствовал её решению. Такое переформатирование полюсов с участием восходящего Китая и социально проблемной России, скорее, может привести нашу страну к утрате самостоятельного “полюсного” статуса, а отнюдь не к “вставанию с колен”.

Основываясь на концепции “политического реализма”, можно предположить две макростратегии РФ в нынешнем треугольнике США—Китай—Россия с учётом имеющихся потенциалов в экономической и военной области. Первая мак-

² В России широкую огласку получили вопиющие факты сращивания интересов коррумпированного российского чиновничества и китайского бизнеса в сфере лесозаготовок и организации китайского туризма в Российской Федерации.

ростратегия предполагала бы присоединение — союз — экономически слабой РФ к одному из экономически сильных акторов, борющихся за превосходство. Посредством такого союза Россия дипломатически компенсировала бы свою слабость, капитализировалась бы на данном союзе, чтобы преодолеть своё экономическое отставание. Минусом такого взаимодействия, что очевидно, стала бы зависимость от “старшего” контрагента, риск проиграть в конфликте за его интересы.

Другая макростратегия предполагает состояние равноудалённости РФ от двух экономически сильных стран, сохранение свободы действий. Тот факт, что в случае ракетно-ядерного обмена у России есть потенциал ответно уничтожить даже экономически сильного противника (США), обеспечивает ей некоторую усечённую гарантию от нападения и выигрыш во времени для компенсации своего экономического отставания. С учётом всех изложенных выше факторов и обстоятельств такая макростратегия представляется более предпочтительной.

Избегание прямого и однозначного военного союзничества России с Китаем в настоящий момент не означает закрытие этой возможности навечно. Вечных интересов, равно как и вечных табу, в международных отношениях не бывает. Россия по своим мотивациям, а Китай по своим могут вернуться к идее военного союза, если сочтут его необходимым и неотложным средством обеспечения своей безопасности от США. Наиболее сильными стимулами для этого могут стать действия США в адрес любого из двух государств, резко нарушающие сложившийся военно-стратегический баланс или направленные на его нарушение. В частности, Россия и Китай, вероятно, не смогут избежать союзничества и взаимных гарантий защиты в случае размещения США ракетных средств доставки ядерного оружия в странах Восточной Европы со сверхкоротким подлётным временем до Москвы и других территорий РФ. Мотивом и явным стимулом к заключению союзного договора могут явиться аналогичные меры США в АТР — разработка и размещение американских ракет средней дальности на континенте или на мобильных носителях в регионе. Китай имеет определённую подушку безопасности и временной гандикап в случае подобного шага США. Несмотря на это, он вправе расценивать любые меры США по слову сложившегося баланса сил в свою сторону как повод для союзных гарантий с Россией, особенно в условиях преимущества США в стратегических средствах доставки.

Таким поводом для обоих союзников — и России, и Китая — может быть и полный отказ США от юридически обязывающих договорённостей с

Россией по вопросам контроля над стратегическими вооружениями, в первую очередь по Договору СНВ-3, истекающему в 2021 г. Выход США из этого договора и однозначная их ориентация на единоличное доминирование в стратегических вооружениях перекрывают по значимости многие из приведённых здесь аргументов против союзничества России и Китая. Угроза военного союза Китая и России — серьёзное средство сдерживания США от этого шага, независимо от того, кто будет стоять у руля в США — Трамп или его приемник.

Что должны и могут делать Россия и Китай в плане военного сотрудничества в настоящий период, в отсутствие союзных отношений? Наверное, ответ на этот вопрос будет звучать так: следует поддерживать и развивать все другие виды сотрудничества, не переходя красную линию. Такой красной линией надо признать взаимные гарантии участия сторон в отражении внешней угрозы. Всё то, что Россия и Китай осуществляют сейчас, — доверительные консультации и предоставление разведывательной информации в области внешней политики, по военным планам и действиям США, эксклюзивные поставки критически значимых вооружений, совместные военные манёвры различных видов и родов войск, совместные командно-штабные учения, совместное патрулирование воздушного и морского пространства — необходимо и целесообразно продолжать. Кроме того, Россия и Китай вполне могут договориться о сложении сил, — капиталов, производственных мощностей и технологий для разработки и выпуска на основе кооперации конкурентоспособных видов наукоёмких вооружений для собственного потребления и экспорта в третьи страны.

Эффективная дипломатия порой предполагает прямой и ясный недипломатический язык. Это особенно важно, когда речь идёт о долгосрочном внешнеполитическом партнёрстве, пониманием, доверием и расположением которого России нужно дорожить. У России и Китая есть возможность и необходимость сохранять продуктивные партнёрские отношения, не переводя их в военнополитический и военно-технологический союз.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта “Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы для национальной безопасности России” (грант 19-014-00009 А).

ЛИТЕРАТУРА

1. Заседание дискуссионного клуба “Валдай”. Владимир Путин выступил на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба “Валдай”. <http://kremlin.ru/events/president/news/61719> (дата обращения 14.11.2019).
2. *Кашин В.* Необъявленный союз. Как Россия и Китай выходят на новый уровень военного партнёрства. <https://carnegie.ru/commentary/80096> (дата обращения 14.11.2019).
3. *Allison G.* China and Russia: a strategic alliance in the making // The National Interest. December 14, 2018. <https://www.nationalinterest.org/feature/china-and-russia-strategic-alliance-making-38727> (дата обращения 14.11.2019).
4. *Труш С.* Пределы солидарности // Независимая газета. 06.03.2002. http://www.ng.ru/ideas/2002-03-06/11_solidarity.html (дата обращения 14.11.2019).
5. *Лукин А.В., Кашин В.Б.* Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. № 10(2). С. 135–151. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10021>
6. Минобороны: военный бюджет США 2019 года в 15 раз превышает российский // Коммерсант. 18.12.2018. <https://www.kommersant.ru/doc/3834695> (дата обращения 14.11.2019).

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

© 2020 г. В. Я. Портяков

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

E-mail: portyakov47@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

После доработки 22.06.2020 г.

Принята к публикации 28.07.2020 г.

В статье показана динамика роста внешнеторгового товарооборота Китайской Народной Республики на протяжении семи десятилетий, выявлены основные особенности современной товарной и географической структуры экспорта и импорта. Автор акцентирует внимание на торговле Китая услугами, привлечении Пекином иностранных инвестиций и вывозе китайского капитала за границу. Рассмотрены особенности ведущих территориальных форм внешнеэкономической открытости страны — специальных экономических зон и экспериментальных зон свободной торговли. Показано место России во внешней торговле КНР на современном этапе.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя торговля, инвестиции, специальные экономические зоны, экспериментальные зоны свободной торговли, Россия.

DOI: 10.31857/S0869587320110079

Ослабленный длительной войной с Японией и гражданской войной с режимом Чан Кайши, народный Китай с первых дней своего существования остро нуждался в импорте широкого круга промышленных и потребительских товаров. Вступление крупного контингента китайских добровольцев в войну в Корее также потребовало от Пекина наладить получение из-за рубежа вооружений и военной техники. Вполне естественно, что в этой ситуации внешнеэкономические связи рассматривались в КНР как важный инструмент обеспечения боеспособности армии и

решения различных народно-хозяйственных задач. В связи с введением рядом стран во главе с США, воевавших на стороне Южной Кореи под флагом ООН, жёстких ограничений, а порой и запретов на торговлю с КНР, главными торговыми партнёрами молодой народной республики стали социалистические страны, прежде всего Советский Союз. На его долю в 1950-е годы приходилось до половины внешнеторгового товарооборота Китая, который в условиях начавшейся индустриализации страны быстро рос и превысил в 1959 г. 4.3 млрд долл. (табл. 1). Особо важное значение имели поставки в КНР комплектного оборудования, нефти и нефтепродуктов, металлов. В китайском экспорте доминировали продукция сельского хозяйства и товары народного потребления.

Переход к политике “урегулирования экономики” после краха “большого скачка” сопровождался резким падением спроса в Китае на машины и оборудование. Одновременно возникла потребность в крупномасштабном импорте продовольствия, прежде всего зерна и сахара. Внешняя торговля КНР с начала 1960-х годов переориентируется с социалистических стран на мировой рынок, в чём свою роль сыграло и ухудшение китайско-советских отношений. При этом общий объём внешней торговли Китая

ПОРТЯКОВ Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Проблемы Дальнего Востока” (2019. № 5. С. 87–100).

на протяжении десятилетия практически не рос, что объясняется не только проблемами в экономике страны, но и влиянием официального курса “опоры на собственные силы”.

С начала 1970-х годов Китай по настоянию Чжоу Эньлая отказывается от крайних форм автаркии и возобновляет выборочные закупки комплектного оборудования, например, нефтехимического в Италии. В результате за пять лет (с 1971 по 1975 г.) произошло утроение объёма внешне-торгового товарооборота — с 4.85 до 14.75 млрд долл. Возглавивший Китай после смерти Мао Цзэдуна Хуа Гофэн выдвинул амбициозную программу развития страны до 1985 г. в опоре на крупномасштабный импорт комплектного оборудования из таких капиталистических стран, как Япония и Германия. Однако масштабы заказов превысили реальные финансовые возможности страны, что повлекло за собой отказ от ряда закупок и снижение объёмов китайского импорта в отдельные годы начального этапа реформы (в частности, в 1982 г., в рамках проведения экономического курса “здорового и трезвого урегулирования”).

* * *

В пореформенный период КНР ещё несколько раз претерпевала сокращение объёма внешнеторгового товарооборота: в 1998 г. (на 0.4%) оно было связано с азиатским финансовым кризисом, в 2009 г. — с мировым финансовым кризисом и в 2015–2016 гг. — со значительным снижением мировых цен на нефть. В целом же в период 1978–2018 гг. внешняя торговля КНР росла весьма динамично и достаточно стабильно (табл. 2). В 2018 г. её объём составил рекордные 4623.04 млрд долл., в том числе экспорт КНР — 2487.4 млрд долл. и импорт — 2153.64 млрд долл. Объём внешней торговли страны (в долларовом выражении) вырос примерно в 230 раз по сравнению с предреформенным 1978 г., в том числе экспорт КНР увеличился в 250 раз, а её импорт — в 210 раз. С 2013 г. Китай стал мировым лидером по объёму торговли товарами (за исключением 2016 г.) и экспорту, занимая 2-е место в мире по импорту. Доля Китая в мировом экспорте выросла с 0.9% в 1980 г. до 12.8% в 2018 г., а в мировом импорте — с 0.98% до 10.8% [данные и расчёт по: 1, с. 913; 2].

Вместе с тем поскольку в экспорте КНР велика доля импортных компонентов (особенно в электронике и телекоммуникационном оборудовании), то подчас утверждается, что Китай экспортирует не столько сами товары, сколько добавленную стоимость. Собственно, реальное положение дел прекрасно осознают в Пекине, где ставят задачу превратить страну из “большой” торговой державы в “мощную”, прежде всего за счёт массового освоения производства и экспорта продукции, основанной на самостоятельно раз-

Таблица 1. Внешняя торговля КНР в 1950–1977 гг., млрд долл.

Год	Внешняя торговля	Год	Внешняя торговля
1950	1.13	1964	3.47
1951	1.96	1965	4.25
1952	1.94	1966	4.62
1953	2.37	1967	4.16
1954	2.44	1968	4.05
1955	3.14	1969	4.03
1956	3.21	1970	4.59
1957	3.10	1971	4.85
1958	3.87	1972	6.30
1959	4.38	1973	10.98
1960	3.81	1974	14.57
1961	2.94	1975	14.75
1962	2.66	1976	13.44
1963	2.92	1977	14.80

Источник: Чжунго тунци няньцзянь 1993 [Китайский статистический ежегодник]. Пекин, 1993. С. 633. Табл. 15–1.

работанных технологиях и инновациях. Успехи Китая в сфере “больших данных”, разработке систем связи поколения 5G, искусственного интеллекта, исследовании космоса и морских глубоководных впадин, строительстве высокоскоростных железнодорожных магистралей свидетельствуют, что стране по силам выполнить поставленные задачи, даже несмотря на препоны техническому развитию КНР, чинимые Вашингтоном.

Дешевизна рабочей силы — главное многолетнее сравнительное преимущество страны в международном разделении труда, предоставление широких льгот иностранному капиталу, постепенное снижение тарифных пошлин и смягчение нетарифных барьеров для товаров из КНР на мировом рынке после её вступления во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 г. [3] — таковы основные факторы, способствовавшие постепенному выходу Китая на позиции “мировой фабрики”.

Особую роль сыграло быстрое увеличение количества субъектов внешнеэкономических связей в Китае вслед за переходом страны к политике реформ и внешнеэкономической открытости. Эпоха монополии государственных экспортно-импортных компаний завершилась. На смену дуальной (в виде государственной и коллективной)

по формам собственности дореформенной экономике пришло многоукладное хозяйство с динамично растущими количественно и качественно группами предприятий индивидуальной, частной, паевой и акционерной форм собственности. Высокая динамика отличала и рост числа предприятий с участием иностранных инвестиций.

В целом во внешнеторговом товарообороте КНР доля государственных предприятий упала с 42.5% в 2001 г. до 16.3% в 2017 г., а доля предприятий с иностранным капиталом и предприятий негосударственных секторов экономики увеличилась за тот же период с 57.5% до 73.7% [3]. В 2017 г. на обычную торговлю пришлось 56.35% внешнеторгового товарооборота КНР, в том числе 54.3% экспорта и 58.8% импорта. Остальное дали торговля на основе переработки, операции с пересечением товарами границ беспошлинных зон, лизинг, мелкая приграничная торговля и т.п. Доля предприятий с иноинвестициями составила 44.8% в товарообороте, 43.2% в экспорте и 46.8% в импорте [рассчитано по: 4, с. 12, 129, 154].

В экспорте КНР в годы реформ поступательно сокращалась доля продукции первичных отраслей (прежде всего продукции сельского хозяйства и добывающего сектора) и, напротив, росла доля готовой промышленной продукции. В 1980 г. они были примерно равны. В 1996 г. соотношение снизилось до 1:3, в 2000 г. — до 1:10. На минимуме в 2015 г. доля продукции первичных отраслей составила лишь 4.8% объёма китайского экспорта.

В 2017 г. Китай экспортировал 1294.8 млн телефонов, в основном мобильных и беспроводных, 201.8 млн электронных вычислительных устройств (в основном различных компьютеров), 52 млн кондиционеров, 49.5 млн холодильников, 23 млн стиральных машин, 81.5 млн цветных телевизоров, свыше 1 млн автомобилей и более 8 тыс. судов. В то же время баланс в торговле интегральными схемами остаётся не в пользу Китая: их экспорт составил 45.2 млрд долл., а импорт — 175.9 млрд долл. [4, с. 54, 55, 64].

В импорте КНР доля продукции первичных отраслей заметно выше, причём на ряде временных отрезков она не падала, а росла. Так, эта доля с 34.7% в 1980 г. сократилась до минимума в 13.7% в 1993 г., но вновь вернулась на уровень одной трети в первые годы текущего десятилетия. Главный товар, стоящий за данными пертурбациями, — нефть. Её ввоз, начиная с 2000 г., рос беспрецедентными темпами и достиг в 2017 г. 419.5 млн т (на 162 млрд долл.). Другие крупнейшие статьи импорта Китаем продукции первичных отраслей — это железная руда (1074 млн т — на 76.2 млрд долл., и соевые бобы — 95.5 млн т — на 39.6 млрд долл.) [4, с. 167, 168].

Особенности товарной структуры внешней торговли Китая в значительной мере предопределяют и её географию.

Таблица 2. Внешнеторговый товарооборот КНР в 1978–2018 гг., млрд долл.

Год	Оборот	Экспорт	Импорт
1978	20.64	9.75	10.89
1980	38.14	18.12	20.02
1981	44.03	22.01	22.02
1982	41.61	22.32	19.29
1985	69.60	27.35	42.25
1990	115.44	62.09	53.35
1995	280.86	148.78	132.08
1997	325.16	182.79	142.37
1998	323.95	183.71	140.24
2000	474.29	249.20	225.09
2001	509.65	266.10	243.55
2002	620.77	325.60	295.17
2005	1421.91	761.95	659.95
2008	2563.26	1430.69	1132.57
2009	2207.54	1201.61	1005.92
2012	3867.12	2048.71	1818.41
2013	4158.99	2209.00	1949.99
2014	4301.53	2342.29	1959.23
2015	3953.63	2273.47	1679.56
2016	3685.57	2098.15	1587.42
2017	4104.50	2263.52	1840.98
2018	4623.04	2487.40	2135.64

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 94; Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика]. Пекин, 2018. № 12. Табл. 2.

Ведущими торговыми партнёрами КНР в период реформ стабильно оставались Европейский Союз, где лидирует Германия, США, азиатские соседи — Япония, Республика Корея и учитываемые в статистике в качестве внешнеторговых партнёров Тайвань и Гонконг. Более полное представление о географическом распределении внешней торговли КНР в последние годы даёт таблица 3.

* * *

После присоединения КНР к ВТО Пекин взял на себя серьёзные обязательства по открытию внешнему миру *торговли услугами*. Центральное правительство страны упразднило 2300 нормативных актов и ведомственных правил, не отвечавших нормам ВТО. Одновременно была принята серия нормативных актов о доступе ино-

Таблица 3. Географическая структура внешней торговли КНР в 2016–2017 гг., млрд долл.

Регион, страна	2016			2017		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Всего	3685.57	2098.15	1587.42	4104.50	2263.52	1840.98
Азия,	1948.11	1042.27	905.84	2125.72	1096.35	1029.37
в т.ч. Индия	70.15	58.59	11.76	84.40	68.06	16.34
Япония	274.78	129.26	145.52	302.97	137.32	165.65
страны АСЕАН	452.20	255.98	196.22	514.81	279.12	235.69
Республика Корея	252.57	93.70	158.87	280.26	102.75	177.51
Тайвань	179.59	40.37	139.22	199.37	43.99	155.38
Гонконг	304.57	287.72	16.85	286.66	279.34	7.32
Европа,	677.36	389.66	287.70	755.88	429.06	326.82
в т.ч. Россия	68.56	37.33	32.23	84.09	42.90	41.19
Европейский Союз	547.02	339.05	207.97	616.91	377.04	244.87
Африка,	149.11	92.21	56.90	170.00	94.74	75.26
в т.ч. ЮАР	35.34	12.85	22.49	39.17	1482	24.35
Латинская Америка,	216.56	113.86	102.70	257.85	130.83	127.02
в т.ч. Бразилия	67.71	21.97	45.74	87.54	28.96	58.58
Северная Америка,	565.43	412.62	152.81	635.71	461.27	174.44
в т.ч. США	519.48	385.08	134.40	583.69	429.75	153.94
Океания,	127.89	47.51	80.38	158.93	51.28	107.67
в т.ч. Австралия	107.95	37.29	70.66	136.26	41.44	94.82

Источник: Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2016. № 12. С. 114–121; 2017, № 12. С. 114–121.

странных поставщиков услуг в банковскую, страховую, строительную и транспортную отрасли. Китай активизировал международное сотрудничество и повысил свою конкурентоспособность в таких сферах, как телекоммуникации и Интернет.

Результатом стала резкая активизация торговли услугами, по объёму которой Китай с 12-го места в мире переместился на 2-е. За период 2001–2017 гг. импорт услуг КНР вырос с 39.3 млрд до 467.6 млрд долл. при среднегодовом приросте 16.7%. Доля страны в мировом импорте услуг приблизилась к 10%. Объём экспорта услуг Китая вырос за тот же период с 31 млрд до 228.2 млрд долл. при среднегодовом приросте 13.3%. Несомненно, сыграло свою роль общее развитие сферы услуг в Китае. В частности, большие масштабы приобрёл выездной туризм. Так, в 2017 г. за рубеж выезжали с туристическими целями 130 млн граждан КНР, израсходовавших на поездки свыше 115 млрд долл. [3].

Что касается традиционных услуг, то у Китая сохраняется крупное отрицательное сальдо в торговле транспортными и туристическими услуга-

ми и положительное сальдо по строительным услугам.

В торговле новыми видами услуг у Китая наиболее сильные позиции в сфере телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Напротив, КНР имеет существенный отрицательный баланс в обмене страховыми услугами и особенно в плате за использование прав интеллектуальной собственности (табл. 4). Впрочем данное обстоятельство в КНР расценивают как свидетельство быстрого повышения технического уровня предприятий страны.

По итогам 2017 г. на торговлю услугами пришлось 14.5% общего объёма внешней торговли страны товарами и услугами. Китайские эксперты полагают этот уровень недостаточным, коль скоро в международной торговле в целом данный показатель составляет порядка 20%. В частности, в 2014 г. в США он был равен 28.3%, в Германии 21.8%, в Японии 23%, а в Индии, специализирующейся на аутсорсинге, 35.4% [5].

В КНР уделяют серьёзное внимание совершенствованию торговли услугами и наращиванию её масштабов, видя в этом важное условие

Таблица 4. Торговля Китая услугами в 2017 г., млрд долл.

Виды услуг	Объём торговли	Экспорт	Импорт	Сальдо
Услуги, всего	695.98	228.19	467.79	–239.60
Транспорт	130.10	37.12	92.98	–55.86
Туризм	293.71	38.82	254.89	–216.07
Строительство	32.50	23.93	8.57	15.36
Страхование	14.46	4.05	10.41	–6.36
Финансовые услуги	5.31	3.70	1.61	2.09
Телекоммуникационные, компьютерные, информационные услуги	46.96	27.78	19.18	8.60
Оплата использования прав интеллектуальной собственности	33.35	4.76	28.59	–23.83
Индивидуальные, досуговые и культурные услуги	3.51	0.76	2.75	–1.99
Ремонтные услуги	8.20	5.93	2.27	3.66
Услуги по переработке	18.25	18.07	0.18	17.89
Прочие коммерческие услуги	104.43	61.56	42.87	18.69
Правительственные услуги	5.16	1.70	3.46	–1.76

Составлено и рассчитано по: Чжунго фуу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018]. images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf.

трансформации страны из “большой” торговой державы в “сильную”.

* * *

Одним из основных направлений внешнеэкономической деятельности КНР в период реформ стало *привлечение зарубежного капитала*. На первых порах преобладали займы и кредиты международных финансовых организаций (Китай вступил в Международный валютный фонд и Всемирный банк в 1980 г.) и зарубежных правительств. Объём таких заимствований составил за период 1979–2000 гг. 147.14 млрд долл., в том числе 15.56 млрд – в 1979–1985 гг., 30.13 млрд – в 1986–1990 гг., 45.58 млрд – в 1991–1995 гг. и 55.9 млрд в 1996–2000 гг. [6, с. 104]. Получение Китаем государственных займов и кредитов после 2000 г. в статистике не зафиксировано.

Вместе с тем уже в первые пореформенные годы Пекин начал активно привлекать прямые иностранные инвестиции, прежде всего в создание совместных предприятий (закон о них был принят парламентом страны летом 1979 г.). В середине 1980-х годов наряду с совместными было также разрешено создавать кооперативные предприятия и предприятия, полностью основанные на иностранном капитале. Последняя форма и стала наиболее успешной: так, в 2016 г. из общего объёма практически использованных иностранных

инвестиций в 126 млрд долл. на совместные предприятия пришлось 30.2 млрд долл. (около 24%), на кооперативные 0.83 млрд долл. (0.65%), а на иностранные – 86.13 млрд долл. (68.35%). Ещё 8.84 млрд долл. (7%) было использовано паевыми предприятиями с участием иностранного капитала [7, табл. 11–15].

По нашей оценке, КНР за период реформ, то есть за 1979–2018 гг., использовала в совокупности около 2.0 трлн долл. прямых зарубежных инвестиций, став одним из мировых лидеров по этому показателю.

Впрочем, элемент недоверия мирового экспертного сообщества к китайским данным по привлечению прямых иностранных инвестиций присутствует, что объясняется очень высокой долей Гонконга в их общем объёме (как правило, 60–70%) и весомым вкладом оффшоров, особенно Виргинских и Каймановых островов. Предполагается, что через островные оффшоры китайские предприниматели прокручивают собственный капитал с целью получения льгот, предназначенных для иностранных инвестиций. Среди других стран и регионов по объёму инвестиций в КНР лидируют Япония, Сингапур, Республика Корея, США.

Отраслевая структура привлечённых зарубежных инвестиций менялась вслед за сменой приоритетов развития страны и сдвигами в структуре народного хозяйства. Из зарегистрированных в

Таблица 5. Китайские инвестиции за рубежом в 2017 г., млн долл.

Регион, страна	Инвестиции		Накопленный итог на конец 2017 г.
	2016	2017	
Всего	196149	158288	1809036
Азия	130267	110040	1139323
Гонконг	114232	91152	081265
Сингапур	3171	6320	44568
Африка	2398	410	43296
Европа	10693	18463	110854
Великобритания	1480	2066	20318
Германия	2380	2715	12163
Франция	1499	952	5702
Россия	1293	1548	13871
Латинская Америка	27227	14076	386892
Каймановы о-ва	13522	–6606	249682
Виргинские о-ва	12288	19301	122060
Северная Америка	20351	6498	86906
США	16980	6425	67381
Австралия	4186	4242	36175

Источник: Чжунго тунцзи няньцзянь 2018 [Китайский статистический ежегодник 2018]. Пекин, 2018. Табл. 11–19.

КНР на конец 2016 г. 505 тыс. предприятий с иностранным капиталом 154 тыс. действовали в перерабатывающих отраслях, 121.5 тыс. – в оптовой и розничной торговле, 56.4 тыс. – в сфере деловых услуг, 43.2 тыс. – в информатике [7, табл. 11–16].

Китай обретает широкую известность не только как получатель капиталовложений из-за рубежа, но и как крупный международный инвестор. Первые *китайские инвестиции за рубежом* датируются серединой 1980-х годов, однако более-менее значительные масштабы они приобрели с начала 2000-х годов, вслед за провозглашением стратегии выхода отечественного капитала вовне (цзоу чуцуй).

Во втором десятилетии XXI в. масштабы инвестиций резко выросли, стали заметно меняться их география и формы. Если ранее преобладали капиталовложения в добывающие отрасли в развивающихся странах и традиционно – в Гонконг, то с 2010 г. активизируются вложения Китая в активы в США и Европе через слияния и поглощения. Это облегчало китайскому бизнесу проникнове-

ние на рынки развитых стран и закрепление на них.

Дополнительным стимулом стала инициатива Си Цзиньпина о развитии инфраструктуры и экономического сотрудничества на маршрутах современных сухопутного и морского “шёлковых путей”, в которую вовлечены десятки государств. Одно из важных направлений реализации этой инициативы – вынос избыточных производственных мощностей из КНР в страны вдоль “пояса и пути”, влекущий за собой инвестиции из Китая в виде оборудования, строительных услуг и т.п. Так, китайские предприятия по выплавке стали (один из главных “избыточных продуктов” в КНР) работают в Малайзии (3.5 млн т), Индонезии (3 млн т), Сербии (2.2 млн т), строятся в Индонезии (на 6 млн т), Индии (2 млн т) и планируются в Бразилии (2 млн т) [8]. Соглашения по переносу производственных мощностей заключены с Казахстаном и Киргизией.

Китайские инвестиции за рубежом достигли пика в 2016 г., что отчасти объясняется активным выводом капиталов из страны в условиях жёсткой антикоррупционной кампании, инициированной Си Цзиньпином. В 2017 г. они несколько сократились (табл. 5).

Обращает на себя внимание безоговорочное лидерство Гонконга: на него приходится свыше 57% инвестиций из КНР в 2017 г. и 54% – в их накопленном итоге. Значителен и объём вывода средств в оффшоры – на Каймановы и Виргинские острова. Тем не менее Китаю в плане инвестиций удалось многого добиться в странах АСЕАН, в Австралии. Очевидна и значительная экономическая обоюдозависимость КНР и США, о чём свидетельствует солидный объём накопленных взаимных инвестиций: на конец 2018 г. вложения китайских предприятий в США достигли 73.17 млрд долл., а американских компаний в КНР – 85.19 млрд долл. [9]. Китайские инвестиции в Европу призваны обеспечить закрепление компаний из КНР на европейском рынке и нарастить обратный поток грузов в Китай на маршруте сухопутного шёлкового пути.

Однако в последнее время наметилось более осторожное отношение к китайским инвестициям в развитых странах, особенно в США и Европе. Пекин сталкивается и со случаями отказа ряда развивающихся стран после смены правительств от строительства объектов с китайским капиталом. Подчас дело заканчивается пересмотром условий инвестиционных соглашений на лучших для партнёров Китая условиях (Шри-Ланка, Малайзия).

15 марта 2019 г. на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей был принят закон “Об иностранных инвестициях”, который вступил в силу с 1 января 2020 г. Закон обобщает

Таблица 6. Внешняя торговля специальных экономических зон КНР в 2018 г.

Специальные экономические зоны	Оборот		Экспорт		Импорт	
	млрд долл.	прирост, %	млрд долл.	прирост, %	млрд долл.	прирост, %
СЭЗ в целом	615.14	9.2	335.90	1.4	279.24	20.3
Сямэнь	91.04	6.1	50.58	5.4	40.46	7.0
Шэньчжэнь	453.58	9.5	245.97	0.7	207.61	22.3
Чжухай	49.33	11.4	28.65	2.7	20.68	26.1
Шаньтоу	8.43	–4.3	6.20	–7.7	2.23	6.5
Хайнань	12.74	22.9	4.49	2.8	8.25	37.4

Источник: www.customs.gov.cn/customs/302249/302274/302276/2279018.index.html (дата обращения 11.06.2019).

основные моменты трёх ранее действовавших в КНР законов — о паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала, предприятиях, полностью основанных на иностранном капитале, и о контрактных совместных предприятиях. По новому закону усиливается правовая защищённость иностранного капитала и иностранных предприятий, которые получают национальный статус инвестиционной деятельности в Китае. Особое место в законе отведено защите прав интеллектуальной собственности иностранных инвесторов [10].

* * *

Одной из важных отличительных особенностей внешнеэкономической политики КНР в пореформенный период стало апробирование *различных форматов территориальной открытости*. В их числе — специальные экономические зоны, открытые приморские города и районы, районы технико-экономического развития, зоны развития высоких технологий, зоны беспопылинной торговли и т.д. Как правило, изначально главным преимуществом этих образований была льготная ставка налогообложения: 24%, 15% и даже 10% по сравнению с уровнем подоходного налога в 33% для обычных национальных предприятий.

Согласно Докладу ЮНКТАД о мировых инвестициях — 2019, в Китае в общей сложности насчитывается 2543 особых экономических зон, то есть около половины таких образований во всём мире [11]. Наибольшую известность и в самом Китае, и в мире обрели специальные экономические зоны (СЭЗ) первой волны — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, созданные в 1980 г. В 1988 г. статус СЭЗ получил также о. Хайнань. Специальные экономические зоны сыграли поистине уникальную роль в модернизации страны и развитии внешнеэкономических связей Китая, став не только окном в мир, стыковочным узлом

с мировым рынком, но и экспериментальной площадкой для отработки широкого спектра реформенных нововведений — от реформы заработной платы и отпуска цен на продовольствие до создания центров валютной торговли и бирж ценных бумаг.

Очевидны и достижения в развитии самих СЭЗ. Если в 1979 г. совокупный объём валового регионального продукта (ВРП) Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу, Сямэни и о. Хайнань не достигал и 4 млрд юаней, а его доля в ВВП страны составляла менее 1%, то в 2017 г. эти показатели достигли, соответственно, 3617 млрд юаней и 4.4%, а среднедушевой ВРП пяти территорий был равен 16 372 долл. США — вдвое выше среднекитайского. Объём внешней торговли пяти СЭЗ вырос с 0.2 млрд долл. до 550 млрд, а их доля во внешне-торговом товарообороте Китая увеличилась с 0.4% до 13.5% [12] (табл. 6).

Безусловным лидером здесь является Шэньчжэнь, ставший наиболее успешной китайской СЭЗ. По годовому объёму внешней торговли он с начала 2000-х годов соперничает за первое место с Шанхаем, в большинстве случаев опережая его. Внушительны и итоги привлечения Шэньчжэнем зарубежных капиталовложений. За 1979–2017 гг. здесь в общей сложности были использованы прямые иностранные инвестиции на сумму около 90 млрд долл., что составляет 4.7% общекитайского показателя (доля ВРП Шэньчжэня в ВВП КНР — около 2.5%).

Следует подчеркнуть, что достаточно высокие параметры использования Шэньчжэнем иностранных инвестиций сохранились и после того, как в период 2008–2012 гг. ставка подоходного налога здесь была поэтапно повышена до общенационального уровня в 25% (введена в 2007 г.). Привлекательность как Шэньчжэня, так и Китая в целом для иностранных инвесторов всё в большей мере определяется ёмкостью китайского рынка, а не налоговыми льготами.

* * *

В последние годы на роль ведущей территориальной формы внешнеэкономической открытости Китая выдвигаются экспериментальные *зоны свободной торговли* (ЗСТ). Первая из них была учреждена в Шанхае в сентябре 2013 г., следующая группа в составе Тяньцзиньской, Фуцзяньской и Гуандунской зон — в самом конце 2014 г. Они были призваны обеспечить освоение Китаем в сжатые сроки наиболее передовых мировых норм и правил ведения торговой и инвестиционной деятельности. Ориентир был взят на регламенты Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), полноформатное создание которого в тот период казалось неизбежным и на вступление в которое в перспективе рассчитывал и Пекин. После того как Д. Трамп отказался подписать соглашение о вступлении США в ТТП, экспериментальные ЗСТ Китая стали в большей мере ориентироваться на усиление позиций приморских регионов страны на мировых рынках товаров и услуг, на увеличение роли внутренних регионов во внешней торговле КНР и на активное содействие всех зон реализации инициативы “пояса и пути”. Эти цели прямо заявлены в комплексных планах развития следующих семи зон, учреждённых в августе 2016 г. — Ляонинской, Чжэцзянской, Шэньсийской, Хэнаньской, Хубэйской, Чунцинской и Сычуаньской. В апреле 2018 г. экспериментальной ЗСТ по инициативе Си Цзиньпина был объявлен остров Хайнань. Наконец, летом 2019 г. были учреждены шесть новых экспериментальных зон свободной торговли — в провинциях Хэйлунцзян, Шаньдун, Цзянсу, Хэбэй, Юньнань и в Гуанси-Чжуанском автономном районе.

Несмотря на непродолжительный срок существования экспериментальных ЗСТ в Китае, можно констатировать их уверенный выход из “эмбрионального” состояния. Развёртывается практическая работа по привлечению китайского и иностранного бизнеса в зоны, в том числе в такие ранее закрытые для иностранцев сферы, как образование, здравоохранение, культура. Упрощается процедура оформления торговых сделок.

Шанхайская ЗСТ в течение ряда лет вела работу применения принципа “негативного списка” — прозрачного и сокращающегося от года к году перечня сфер, закрытых для зарубежного капитала. Этот опыт был признан успешным и в 2018 г. распространён на весь Китай. При посещении ЗСТ Шанхай в апреле 2019 г. выяснилось, что в её состав, наряду с первоначальным участком Вайгаоцяо (транспорт и торговля) и присоединёнными позже участками Цзиньцяо (перерабатывающая промышленность), Чжаныцзян (НИОКР и высокие технологии), Луцзяцзуй (“финансовый город”) входит и участок бывшей Шанхайской всемирной ЭКСПО, протянувшийся на 9.5 км по

берегу реки Хуанпу. Участок специализируется на услугах, в том числе денежно-кредитных и транспортных.

В Тяньцзиньской ЗСТ на конец 2018 г. были зарегистрированы 53 тыс. новых субъектов рынка. Занимая 1% площади города, ЗСТ производит 10% его ВРП, обеспечивает четверть использованных прямых иностранных инвестиций, треть объёма внешней торговли и 60% инвестиций города за рубежом [13].

Гуандунская ЗСТ за период 2015–2017 гг. зарегистрировала около 210 тыс. новых предприятий, в том числе свыше 9600 — с участием иностранного капитала. Фактически использовано 12.85 млрд долл. иностранных инвестиций [14, с. 60].

ЗСТ Фуцзянь специализируется на углублении экономического взаимодействия с Тайванем. К концу 2017 г. на участке Пинтань было зарегистрировано 522 предприятия с тайваньскими инвестициями, на участке Сямэнь — 1113 предприятий [14, с. 123, 128].

ЗСТ Чжэцзян ориентирована на создание на архипелаге Чжоушань крупнейшей в восточно-азиатском секторе Азиатско-Тихоокеанского региона базы топливной заправки морских судов. Здесь должны быть созданы хранилища нефтепродуктов ёмкостью 40 млн тонн, а мощности по беспопылинной заправке доведены до 5 млн тонн [14, с. 136, 137].

Ляонинская ЗСТ призвана содействовать ускорению развития депрессивного ныне Северо-Востока Китая и укреплению позиций страны в мирохозяйственных обменах в Северо-Восточной Азии. Рассчитывают в Ляонине и на привлечение российских инвестиций, активизацию торгово-экономических связей с Россией в целом. Показательна в этом плане публикация буклета по участку Инкоу ЗСТ Ляонин на русском и китайском языках.

По состоянию на начало 2018 г. в ЗСТ Чунцин появилось 13 055 новых предприятий (9.5% от зарегистрированных в Чунцине в целом), из них 240 — с иностранным участием (23.3% от городского показателя) [14, с. 171].

В ЗСТ Сычуань на конец 2017 г. создано 204 предприятия с иностранным капиталом, что составляет 26.1% показателя по провинции в целом. Участок Цинбайцзян — единственный участок в ЗСТ Китая, выстроенный вокруг железнодорожного узла. В 2017 г. обеспечен проход 1012 поездов по маршруту Китай–Европа со стоимостью перевезённых грузов около 4.7 млрд долл. [15].

Хубэйская ЗСТ даёт примерно треть внешне-торгового оборота провинции. По состоянию на октябрь 2018 г. в ЗСТ Хубэй зарегистрировано 19 657 новых предприятий, в том числе 151 предприятие с иностранным капиталом [16].

В ЗСТ Шэньси учреждено свыше 27 тыс. новых предприятий, внешнеторговый оборот за 2018 г. составил около 265 млрд юаней — 75% объёма внешней торговли провинции в целом [17].

В ЗСТ Хэнань наиболее динамично развивается участок Чжэнчжоу. По состоянию на март 2018 г. здесь учреждено 22 197 новых предприятий, из них 126 — с иностранным участием. В участке Кайфэн учреждено 2500 предприятий, в участке Лоян — 2189 [14, с. 229–240].

В целом на экспериментальные зоны свободной торговли в 2019 г. пришлось 13.1% объёма внешней торговли Китая и 15% привлечённых иностранных инвестиций [18].

23 ноября 2018 г. было обнародовано Постановление Госсовета КНР “О некоторых новых мерах поддержки углубления реформ и новаторства в экспериментальных зонах свободной торговли”. По мере его выполнения можно ожидать дальнейшей активизации деятельности самих зон и роста их вклада в реализацию задач современного этапа политики внешнеэкономической открытости КНР.

* * *

В 2018 г. российско-китайская торговля преодолела долгожданный рубеж в 100 млрд долл. По данным китайской таможенной статистики, двусторонний товарооборот вырос на 27.1% (самые высокие темпы прироста среди ведущих торговых партнёров КНР) и составил 107057 млн долл., в том числе экспорт Китая в РФ увеличился на 12% и достиг 47975 млн долл., а импорт КНР из России — на 42.7% — до 59 082 млрд долл. Доля России во внешней торговле КНР составила 2.31%, в том числе в экспорте 1.93% и в импорте 2.76%. Среди торговых партнёров Китая Россия заняла 11-е место — вслед за США, Японией, Республикой Корея, Гонконгом, Тайванем, Германией, Австралией, Вьетнамом, Бразилией, Малайзией.

Согласно данным российской таможенной статистики, объём двусторонней торговли в 2018 г. достиг 108283.5 млн долл. (прирост на 24.5%), в том числе экспорт России в Китай — 56 065.5 млн долл. (прирост на 44.1%) и импорт РФ из КНР — 52 218 млн долл. (прирост на 8.7%). При некотором расхождении конкретных данных таможенных органов двух стран объём торговли и векторы изменения его параметров совпадают. По данным официальной российской статистики, доля КНР, являющейся крупнейшим внешнеторговым партнёром нашей страны, составила 12.5% в экспорте и 21.9% в импорте РФ. Во внешней торговле России в целом этот показатель равен 16.36%. Можно констатировать растущую и уже очень высокую внешнеторговую “китаезависимость” России. Главным товаром российского

экспорта в Китай остаётся нефть, объём поставок которой в 2018 г. составил 70.5 млн т. Это означает, что Россия поставляет в Китай уже более четверти всей продаваемой за рубеж нефти (260 млн т в 2018 г.).

Наращиваются масштабы поставок в КНР российской сельхозпродукции, расширяется её номенклатура. В то же время продажи российской продукции машиностроения (кроме номенклатуры военно-технического назначения) остаются скромными, тогда как китайский машино-технический экспорт в Россию неуклонно увеличивается по объёму и номенклатуре. Согласно данным о структуре двусторонней торговли, приведённым в докладе группы экспертов РФ и КНР “Российско-китайский диалог: модель 2019”, в 2018 г. доля машин и оборудования в импорте России из Китая превысила 46%, а в экспорте составила лишь 1%.

Инвестиционное взаимодействие России и Китая несколько оживилось в связи с проведением в 2018–2019 гг. Годов межрегиональных обменов и сотрудничества. По данным китайского статистического ежегодника, по состоянию на конец 2017 г. накопленные прямые инвестиции Китая в России достигли 13.87 млрд долл. (0.76% общих инвестиций КНР за рубежом), а непосредственно в 2017 г. их объём составил 1.55 млрд долл., или 1% общего объёма зарубежных инвестиций Китая.

Неблагоприятная ситуация в мировом хозяйстве, связанная с угрозой торговых войн, прежде всего между США и Китаем, санкционным давлением Вашингтона на Россию и Иран, высокой волатильностью цен на нефть, оказывала в 2019 г. определённое тормозящее воздействие на динамику внешней торговли РФ и КНР в целом и на их двусторонний товарооборот. По итогам года его объём увеличился лишь на 3.4% и достиг, по китайским данным, 110.75 млрд долл. Из-за влияния эпидемии коронавируса COVID-19 объём российско-китайской торговли в первой половине 2020 г. сократился на 5.6% и составил 49.15 млрд долл.

Тем не менее ряд факторов позволяет с определённым оптимизмом оценивать перспективы российско-китайской торговли в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Во-первых, важными элементами пополнилась транспортная инфраструктура, связывающая две страны. Завершено строительство двух мостов через Амур.

Во-вторых, активизировалась ключевая сфера российско-китайского экономического взаимодействия — топливно-энергетическая. С вводом в строй второй ветки нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан открывается возможность дальнейшего наращивания поставок нефти из РФ

в КНР. В конце 2019 г. завершено строительство восточной ветки газопровода из Сибири в Китай. Китайские нефтяные компании приобрели у НОВАТЭК 20-процентную долю в проекте сжижения газа “Арктик СПГ-2” мощностью 19,8 млн т [19]. Достигнута договорённость о строительстве Россией новых энергоблоков на АЭС в Китае.

В-третьих, угроза запрета на использование американских технологий в продукции китайской фирмы “Хуавэй” — одного из крупнейших производителей смартфонов в мире — стимулирует Китай и Россию к более тесному сотрудничеству в сфере высоких технологий.

Значительный потенциал двустороннего торгово-экономического сотрудничества был продемонстрирован подписанием в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию 5–6 июня 2019 г. двух десятков документов о взаимодействии РФ и КНР в конкретных областях.

Вместе с тем необходимо видеть и слабости, а то и новые препятствия в наращивании масштабов и углублении двустороннего российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Так, в 2018–2019 гг. появились ранее отсутствовавшие сложности в оплате через китайские банки российскими компаниями закупаемых в КНР товаров. При этом китайская сторона подчас просто игнорирует жалобы и претензии российских бизнесменов, уклоняясь от решения проблемы по существу.

Чтобы преодолеть эти и любые другие препятствия на пути расширения российско-китайских деловых связей, необходимо последовательно и настойчиво работать. Не следует ожидать в сфере российско-китайской торговли и экономического взаимодействия каких-либо чудес, кратного роста и т.п. Кардинальный прорыв здесь возможен только в случае радикального сдвига структуры российской экономики в пользу перерабатывающих отраслей и выпуска высокотехнологичной продукции. А на это требуются не годы — скорее, десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжунго тунци няньцзянь 1993 [Китайский статистический ежегодник 1993]. Пекин, 1993.
2. WTO. 2019 Press — Release. Global Trade growth loses momentum as trade tensions persist. https://www.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (дата обращения 22.04.2019).
3. Чжунго юй шицзе маои цзучжи [Китай и Всемирная торговая организация], Жэньминь жибао, 29.06.2018.
4. Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2017, № 12.
5. China Trade Report 2016: Post—Crisis Development. Beijing, China Social Sciences Press, 2016. P. 67.
6. Чжунго тунци чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017.
7. Чжунго тунци няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин, 2017.
8. Дэлтон Мэтью, Вэй Линлин. Миграция китайского металла. — Ведомости, Москва, 06.06.2018.
9. Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао цошан дэ чжунфан личан (2019 нянь 6 юэ). Чжунхуа жэньминь гунхэгоуяоань синьвэнь бань гунши [Позиция китайской стороны о китайско-американских торговых переговорах. Канцелярия информации Госсовета Китайской Народной Республики. Июнь 2019 г.]. Пекин, 2019.
10. Китай принял новый закон об иностранных инвестициях. <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0318/c31518-9557204.html> (дата обращения 18 марта 2019 г).
11. World Investment Report 2019 — Special Economic Zones. http://unctad.org/en/publicationslibrary/wir2019_enpdf.
12. Синь шидай цзинци тэцуй дэ синь шиминь синь динвэй [Новый статус и новая миссия специальных экономических зон в новую эпоху]. — Жэньминь жибао, 02.09.2018.
13. Чжу Хун. Тяньцзинь цымаоцуй: икуай шианьтянь кайфан синь пинтай [ЗСТ Тяньцзинь: экспериментальное поле, новая платформа открытости]. <http://tj.people.com.cn/n2/2019/0327/c375366-32783564.html> (дата обращения 27.03.2019).
14. 2019 Чжунго цзыю маои шианьцуй фачжань яньцзю баогао [Доклад об исследовании развития экспериментальных зон свободной торговли Китая — 2019]. — Шанхай, 2019.
15. Сычуань цымаоцуй таньсо чаихуа фачжань даолу (Сычуаньская ЗСТ ищет самобытный путь развития). http://wzs.mofcom.gov.cn/article/zt_zymysuq/column03/201805/20180502746020.shtml (дата обращения 11.05.2018).
16. Хубэй цымаоцуй паочу гайгэ цзясуду (ЗСТ Хубэй становится ускорителем реформы). <http://hb.people.com.cn/n2/2018/1119/c194063-32303129.html> (дата обращения 21.11.2018).
17. Шэньси маоцуй: цзыоань цзай гаосяо людун чжун цзуйци (Шэньсийская ЗСТ: ресурсы концентрируются в высокоэффективном обороте). <http://leaders.people.com.cn/n1/2018/1123/c58278-30417348.html> (дата обращения 24.11.2018).
18. Шаньбу цымао шианьцуй пяньюй цзиньчукоу пиньвэнь вайсян юши тусянь [Министерство торговли: импорт и экспорт экспериментальных зон свободной торговли и их участков стабильны, преимущества ориентации на внешний рынок очевидны]. [http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gn\[w/202003/100416/html](http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gn[w/202003/100416/html) (дата обращения 21.03.2020).
19. НОВАТЭК продает 20% в “Арктик СПГ-2” китайским CNPC и CNOOC. <https://easaily.com/ru/news/2019/06/07/novatek-produet-2-v-arctik-spg-2-kitayskim-cnpc-i-cnooc> (дата обращения — 10.07.2019).

Алиса уже почти догнала его, вслед за ним повернув за угол, но Кролика больше не было видно...

Л. Кэрролл, “Алиса в стране чудес”

СУЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ¹

© 2020 г. О. В. Буторина

Институт Европы РАН, Москва, Россия

E-mail: butorina@ieras.ru

Поступила в редакцию 16.06.2020 г.

После доработки 23.06.2020 г.

Принята к публикации 30.07.2020 г.

31 января 2020 г. из Евросоюза вышла Великобритания, страна с населением 67 млн человек и пятая экономика мира. Случай, когда государство перестало быть членом ЕС, — первый в истории европейской интеграции. Если не считать эпизода с Гренландией, покинувшей ЕЭС в 1985 г., до этого группировка неизменно расширялась. Существующий на сегодня обширный свод научной литературы о брекзите представлен преимущественно работами, объектом которых является Великобритания. Меньше работ посвящено Евросоюзу, в них в основном рассматриваются институциональные вопросы: соотношение наднациональных и межправительственных методов управления, плюсы и минусы дифференцированной интеграции. Данная статья ставит проблему шире. Её цель — прояснить, каким образом брекзит скажется на стратегическом потенциале интеграции, а не на её формах. Автор приходит к выводу, что, хотя Евросоюз несёт существенные экономические, политические и смысловые потери, выход Великобритании парадоксальным образом сообщает динамизм интеграционному процессу. Возникают предпосылки для формирования в Европе двух конкурирующих демократических режимов. Новая ситуация подводит черту под длившимся 30 лет (с падения Берлинской стены) периодом идейного и институционального доминирования ЕС как безальтернативной модели европейского развития. Соперничество с Великобританией может быть крайне полезно Евросоюзу для переосмысления своих установок, отказа от догм и выработки новой идеологии интеграции, которая отвечала бы не условиям биполярного противостояния, а вызовам зрелой глобализации.

Ключевые слова: Европейский союз, Великобритания, брекзит, региональная интеграция, дезинтеграция.

DOI: 10.31857/S0869587320110043

31 января 2020 г. Великобритания официально перестала быть членом Европейского союза. Эксперты называют это событие политическим зем-

летрясением, одним из худших кризисов в истории интеграции и свидетельством её тяжёлой болезни [1–3].

С лета 2016 г., когда проводившийся в Великобритании референдум о членстве в ЕС принёс негативный результат, на тему брекзита сформировался значительный массив литературы. Он даёт всестороннее представление о мотивах принятого британцами решения, проблемах его реализации и перспективах страны вне союза [4–12]. Меньше внимания уделялось тому, как это событие скажется на Евросоюзе, а главное — какими могут быть долгосрочные последствия для интеграционного процесса [13–19].

С уходом Великобритании Евросоюз лишился, по крайней мере, трёх символов, игравших важную роль в его самопрезентации.

Во-первых, он больше не может именовать себя “общим домом” для полумиллиарда человек

БУТОРИНА Ольга Витальевна — член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора Института Европы РАН.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Современная Европа” (2020. № 2. С. 20–32).

Таблица 1. Некоторые макроэкономические последствия брекзита

	Показатель	Единица измерения	ЕС-28	Велико-британия	ЕС-27	ЕС-27/ЕС-28
1	Население	Млн человек	513.5	66.6	446.8	0.87
2	ВВП	Млрд евро	15907	2423	13484	0.85
3	ВВП на душу населения в ценах 2010 г.	Евро	28630	32960	27980	0.98
4	Расходы на НИОКР	Млрд евро	336	41	295	0.88
5	Товарный экспорт	Млрд долл.	6468	487	5981	0.92
6	Доля в мировом товарном экспорте	%	33.2	2.5	30.7	—
7	Экспорт цифровых услуг*	Млрд долл.	1449	266	1183	0.82
8	Экспорт ИКТ услуг	Млрд долл.	307	23	284	0.93

Источники: пункты 1–4 — Евростат; остальные пункты — UNCTADStat.

Примечания. Данные по населению и душевому ВВП — 2019 г., остальные — 2018 г. Данные по товарному экспорту включают торговлю между странами ЕС.

* По методологии ЮНКТАД — digitally-deliverable services.

или рынком с 500 млн потребителей. Население группировки сократилось на 67 млн человек, что не оставляет шансов вернуться к прежней представительной отметке. Все шесть стран, ожидающих в настоящее время приёма в Евросоюз (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Черногория, Северная Македония и Сербия), невелики по размерам, а их совокупное население не превышает 18 млн человек.

Во-вторых, привычное для официального Брюсселя отождествление Европы с собой, а, по сути, присвоение себе права говорить от имени всех европейских народов, теперь теряет основания. За пределами Евросоюза остаются не только Россия, Украина, Белоруссия, Швейцария, Норвегия, Исландия и другие страны, без которых немыслима современная европейская культура. К когорте “аутсайдеров” подключается Великобритания, которая сыграла огромную роль в процессе формирования теории и практики представительной демократии. Вступив вслед за Нидерландами на путь индустриализации, Великобритания в последней трети XVIII в. стала ведущей промышленной державой мира. Её выдающийся вклад в мировую культуру не позволяет вывести страну за пределы ежедневной жизни и менталитета современных европейцев.

В-третьих, брекзит нанёс удар по авторитету Евросоюза. Идея органичного сочетания двух процессов — углубления и расширения интеграции больше не соответствует реальности. Лозунг о высокой привлекательности ЕС для соседних стран, который официальный Брюссель взял на вооружение после распада социалистической системы, утрачивает убедительность. Раз желанию отдельных стран вступить в ЕС нашёлся антипод,

он уже не годится для подтверждения исторической правоты Евросоюза и обоснованности его нынешнего курса.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БРЕКЗИТА

Вопреки распространённому мнению, самым крупным в истории европейской интеграции было западное пополнение 1973 г., когда к шести странам ЕЭС присоединились Великобритания, Ирландия и Дания, а вовсе не восточное расширение 2004–2007 гг., когда в Евросоюз вошли 10 государств Центральной и Восточной Европы, Кипр и Мальта. В первом случае население группировки увеличилось на 31%, а ВВП — на 27%. Во втором случае население увеличилось на 27%, а ВВП — только на 6%, поскольку бывшие социалистические страны имели сравнительно невысокий уровень жизни².

После выхода Великобритании население Евросоюза уменьшилось на 13%. Понесённый демографический урон равнозначен выбытию из объединения всех государств восточного расширения 2004–2013 гг., кроме Польши³. При этом совокупный ВВП Евросоюза сокращается на 2.5 трлн евро, или на 15%. Поскольку Великобритания относится к числу относительно богатых стран, после брекзита средний для Евросоюза ВВП на душу населения понизился на 650 евро (табл. 1).

² Расчёты сделаны по электронной базе данных UNCTADStat.

³ Всего 12 стран: Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония.

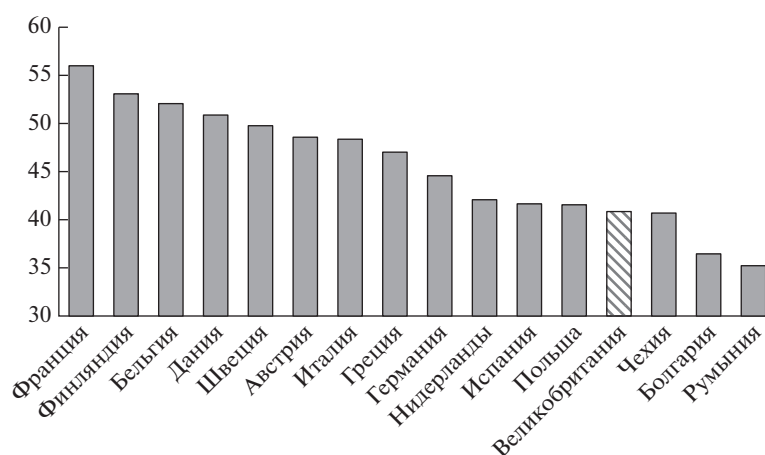

Рис. 1. Отношение общих расходов государства к ВВП в 2018 г., %

Великобритания знаменита своей либеральной экономической моделью. По доле ВВП, перераспределяемого через государственные бюджеты всех уровней, она находится на одном уровне с Польшей и Чехией, пропуская вперёд Францию и большинство западноевропейских стран (рис. 1). Следует ожидать, что её уход облегчит Евросоюзу прощание с рыночным фундаментализмом и поиск нового, соответствующего условиям глобальной цифровой экономики баланса между общественным благом и индивидуальной свободой. Усилению функций государства будут способствовать сразу несколько факторов: снижение эффективности денежно-кредитной политики, а также усиление роли фискальной, структурной и пруденциальной политики [20]. В марте 2020 г. в связи с пандемией коронавируса Европейская комиссия впервые за последние 30 лет расширила возможности государств-членов оказывать помощь предприятиям, в том числе путём частичной национализации. Одновременно было приостановлено действие Пакта стабильности и роста, с тем чтобы правительства могли влить дополнительные денежные средства в экономику [21].

Брекзит умеренно повлиял на позиции Евросоюза в мировой торговле. Доля объединения в мировом товарном экспорте снизилась на 2,5 процентных пункта. Примерно на 7% уменьшилась стоимость информационно-телекоммуникационных услуг, которые страны ЕС оказывают зарубежным партнёрам. Заметная убыль наблюдается в сфере международной торговли цифровыми услугами. Их общий рынок оценивался в 2018 г. в 2,9 трлн долл., из которых 1,4 трлн долл. давали страны ЕС-28. Наибольший вклад (266 млрд долл.) вносила именно Великобритания. За ней с заметным отрывом следовали Германия, Ирландия, Нидерланды и Франция с показателями 150–190 млрд долл. После брексита

доля ЕС на данном глобальном рынке сократилась с 49 до 40% (табл. 1).

Великобритания всегда играла важную роль на международных рынках капитала, будучи до 2008 г. крупным нетто-экспортёром прямых иностранных инвестиций (ПИИ). На конец 2018 г. на неё приходилось 5,9% мирового запаса входящих и 5,5% исходящих ПИИ. Те же показатели для ЕС-28 составляли 31,3% и 37,1% соответственно⁴. Иными словами, вследствие брексита Евросоюз лишается примерно пятой части своего прежнего сегмента на глобальном рынке прямых зарубежных капиталовложений. Совокупные активы британских банков оценивались на конец сентября 2019 г. в 7,4 трлн долл., что составляло почти 9% от соответствующей мировой величины — 86,5 трлн долл. Тогда же банковские активы Франции оценивались в 8,2 трлн долл., а Германии — 8,1 трлн долл.⁵. То есть показатель Великобритании был весьма внушительным, но не рекордным для Евросоюза. Зато Великобритания явно обгоняла партнёров в сфере производных финансовых инструментов. Так, в декабре 2019 г. в фунтах стерлингов было номинировано биржевых процентных фьючерсов и опционов на сумму свыше 9 трлн долл. — 9% от общемирового объёма. Доля евро на соответствующих рынках не превышала 15%, тогда как 70% подобных сделок заключалось в долларах США⁶.

Высокоразвитая банковская и финансовая инфраструктура делала Сити удобным хабом для операторов из стран ЕС и отчасти снижала их заинтересованность в создании таких сервисов на

⁴ Расчёты сделаны по электронной базе данных UNCTADStat.

⁵ Данные Банка международных расчётов в Базеле. Summary of consolidated statistics, by nationality of reporting bank. Stocks at end-September 2019.

⁶ Данные Банка международных расчётов в Базеле. Exchange-traded futures and options, by currency Notional principal.

собственной территории. Показательный пример: в декабре 2019 г. почти 90% внебиржевых расчётов по деривативам для клиентов из зоны евро совершались клиринговыми палатами Великобритании. В 2012–2018 гг. почти половина акций и долговых ценных бумаг нефинансовых учреждений стран еврозоны эмитировалась международными банками, базирующимися в Лондоне. Выход Великобритании из ЕС повышает, по мнению Европейского центрального банка, риск фрагментации финансового пространства еврозоны, а также создаёт почву для опасной “гонки до дна” в сфере регулирования банковской деятельности и рынков капитала [22].

В 2019 г. на фунт стерлингов приходилось 13% оборота мировых валютных рынков, тогда как доля евро составила 32%, а американского доллара — 88%⁷ (напомним, что общий итог по данному показателю всегда равен 200%, так как в каждой валютной сделке участвуют две денежные единицы). Поскольку Великобритания не входила в зону евро, данный факт едва ли следует расценивать как потерю от брекзита. Слабая надежда на её присоединение к единой валюте растаяла после мирового экономического кризиса, когда Евросоюз начал решительно дорабатывать здание экономического и валютного союза, никак не считаясь с интересами Сити [23].

Гораздо менее известен и потенциально опасен другой факт: Лондон традиционно служит главной мировой площадкой торговли валютами. А размер этого рынка поистине грандиозен. В апреле 2019 г. *дневной* оборот мировых валютных рынков достиг 8.3 трлн долл., что эквивалентно почти 10% годового ВВП всего мира. При этом в одной только Великобритании совершалось сделок на сумму 3.6 трлн долл., что составляло 43% (!) мирового оборота. Соответствующая доля Соединённых Штатов была почти вдвое меньше — 16%. Позиции ведущих государств ЕС-27 не шли ни в какое сравнение с ролью Сити. На Францию приходилось 2.0% оборота мировых валютных рынков, на Германию — 1.5%, на Нидерланды — 0.8%, на Испанию — 0.5%, а на Италию — 0.2%⁸. Таким образом, после брекзита государства ЕС, включая еврозону, попадают в зависимость от норм и практик регулирования валютных сделок в стране, на которую теперь не распространяется право Евросоюза.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СМЫСЛОВЫЕ ПОТЕРИ

Чтобы понять, чего Евросоюз лишается в плане возможностей и авторитета интеграции, полезно обратиться к документам той поры, когда

Великобритания пополняла ряды участников Сообщества. Уже на стадии переговоров было ясно, что её вступление не будет простым актом географического расширения. “Шестёрка” приобретала ценные политические активы, ощутило повышалась свой вес в международных делах. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы первой встречи глав государств и правительств ЕЭС, организованной по инициативе двух лидеров Франции и Германии — Жоржа Помпиду и Вилли Брандта. Поскольку в 1968 г. члены Сообщества выполнили план создания таможенного союза, настало время определить дальнейшие стратегические направления интеграции. На очереди стоял вопрос формирования собственных ресурсов сообществ и валютного союза.

Саммит открылся 1 декабря 1969 г. в Гааге. На второй день в залы заседаний пригласили представителей Комиссии ЕЭС. В итоговом коммюнике саммита сообщалось, что “Европейские сообщества остаются изначальным ядром, из которого возникло и развилось европейское единство”. Вступление новых стран, “безусловно, поможет сообществу вырасти до размеров, ещё более соответствующих современному уровню развития экономики и технологий” [24]. Комиссия называла предстоящее расширение “существенным фактором в создании Европы”, призывала к скорейшему началу переговоров со странами-кандидатами и подтверждала свою установку на параллельное укрепление и расширение Сообщества [25].

Первое расширение рассматривалось лидерами ЕЭС как шанс изменить расстановку сил в условиях биполярного противостояния, когда повестку дня определяли две сверхдержавы — США и Советский Союз. Теперь, по словам Ж. Помпиду, у Западной Европы появлялся шанс “вернуть средства влияния” и заявить о себе в полный голос “во всех сферах мировой политики” [26]. Предельно ясно высказался В. Брандт: “Сообщество должно выйти за пределы “Шестёрки”, если оно хочет экономически и технологически противостоять сверхдержавам и выполнять свои обязательства по всему миру”. И далее: “В любом случае... без Великобритании и других стран, которые подали заявки на членство, Европа не может стать тем, чем должна и может быть” [27].

Именно с гаагского саммита страны ЕЭС начали именовать себя Европой. До этого в официальных документах использовались названия “ЕЭС”, “Сообщества” и “Шестёрка”. Знак равенства между Европой (а под ней подразумевалась Западная, то есть “демократическая” Европа, в противовес “недемократической” Восточной Европе) и ЕЭС никогда не ставился. Смысловая экспансия стала возможной благода-

⁷ Данные Банка международных расчётов в Базеле <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.3>

⁸ Данные Банка международных расчётов в Базеле <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.2>

ря присоединению большой и высокоразвитой Великобритании, которая одновременно покидала созданную ею же конкурирующую группировку — Европейскую ассоциацию свободной торговли.

Членство Великобритании, традиционного и близкого партнёра США, придавало Сообществу дополнительный политический вес. Великобритания, Ирландия и Дания, напомним, вступили в ЕС 1 января 1973 г., а 24 апреля госсекретарь США Г. Киссинджер призвал партнёров заключить “новую Атлантическую хартию”. Соединённым Штатам предстояло выполнять функции политического лидера всего Запада, а Западной Европе — играть второстепенную, подчинённую роль. Официальный Брюссель встал на дыбы. Комиссия недвусмысленно осудила мессианские притязания Вашингтона. “Девятка” отстояла право на внешнеполитическую идентичность, что было бы крайне трудно или невозможно сделать без поддержки Лондона.

Согласно официальной позиции, после выхода из ЕС Великобритания намерена играть роль глобальной державы, хотя, по мнению экспертов, она останется в категории “средней державы” [9]. Как бы там ни было, Евросоюз более не сможет использовать британский ресурс в своей внешней политике. На Великобританию перестают распространяться принципы его общей внешней политики и политики безопасности. Очевидно Великобритания будет проводить собственную линию в отношении регионов, с которыми она связана историческими узами и стратегическими интересами, такими как Китай, Индия, Ближний Восток.

Вероятны подвижки в рамочном диалоге ЕС со странами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона. Некоторые из них прежде были зависимыми территориями Великобритании, в том числе Ботсвана, Гамбия, Гана, Гайана, Кения, Лесото, Малави, Нигерия и Судан с общим населением 350 млн человек. Все они подключились к системе преференциальных соглашений с ЕЭС после того, как Великобритания вошла в Сообщество. Срок ныне действующего между сторонами Договора Котону истекает в декабре 2020 г. Захотят ли страны ЕС-27 и дальше оказывать помощь “чужим” беднейшим государствам, где они будут сталкиваться с интересами Великобритании и её компаний, — большой вопрос.

Брекзит ещё больше затрудняет определение европейской идентичности и ментальных границ Европы. Для обычного человека очевиден исключительный вклад Великобритании в мировую культуру, и прежде всего в литературу. Многие образы от Джонатана Свифта до Бернарда Шоу, созданные Шекспиром и его соотечественника-

ми, прочно вошли не только в европейский менталитет, но и в ежедневный речевой обиход, стали неотъемлемой частью политического дискурса. Теперь же любые упоминания о Гамлете или Шерлоке, привычные аллюзии на “Робинзона Крузо”, “Гулливера”, “Алису в стране чудес” или “Пигмалиона” станут политически чувствительными. Перед спикерами ЕС возникнет неприятная альтернатива: либо аккуратно вырезать из своих выступлений всех Оливеров Твистов и Белых Кроликов (как некоторые разведённые супруги удаляют из семейного альбома фотографии своих “бывших”), либо делать вид, что ничего не случилось, что Скрудж и Маугли остаются старинными гражданами Евросоюза. Но и в том, и в другом случае любой образованный европеец будет ощущать разницу между сузившимся в январе 2020 г. культурным пространством Европы и претензией ЕС на то, чтобы быть распорядителем всей европейской мегакультуры.

Нетривиальная ситуация возникает вокруг английского языка. Как известно, первоначально официальные документы ЕЭС составлялись по-французски. Вступление в 1973 г. Великобритании и Ирландии мало повлияло на ситуацию. Английскому языку потребовалось не одно десятилетие, чтобы проникнуть в речевые практики европейских чиновников. Например, до конца 1987 г. протоколы заседаний Комитета управляющих центральными банками стран ЕЭС публиковались по-французски и по-немецки. На английский переводили только повестку дня заседаний. Английский сделался *lingua franca* европейской интеграции в 1990-е годы — под давлением глобализации и расширения ЕС.

После брексита в объединении остаются две страны, где английский язык является официальным, — Ирландия и Мальта с общим населением 5 млн человек. Среди взрослого населения Евросоюза английский — самый распространенный иностранный язык, на нём могут вести беседу 38% “взрослых”. Французским и немецким как иностранным владеют по 11–12% взрослых. При этом почти половина (46%) граждан Евросоюза не говорит ни на одном другом языке, кроме родного [28]. Органам Евросоюза придётся и дальше использовать английский в качестве языка международного общения, тогда как он не родной для 99% граждан. Лучшим выходом был бы перевод материалов на все 24 официальных языка, включая такие редкие, как эстонский или хорватский. Но это потребует колоссальных сил и средств, размеры которых выходят за пределы разумного. Другой вариант — использование французского и немецкого языков в качестве частичной замены английскому — привёл бы Евросоюз к ситуации Вавилонской башни.

Выход Великобритании пресекает однозначную до сей поры тенденцию географического расширения европейской интеграции. После эмоционально окрашенного восточного расширения Евросоюза современники наблюдают его западное сужение. Если негативный исход британского референдума дал повод говорить о крахе “идеологии постоянного и неуклонного развития интеграции” [1], то состоявшийся брекзит снял табу с рассмотрения европейской интеграции сквозь призму стандартных законов логики. Практическое подтверждение получил выдвинутый ранее тезис о циклическом, неравномерном ходе интеграционного процесса, когда “приливы” сменяются “отливами” [29]. Раньше подобный цикл виделся как смена периодов роста и застоя, теперь же под низшей точкой понимается не торможение, а регресс. Недаром специалисты заговорили о гипотетической деконструкции Евросоюза, а в политический лексикон вернулось слово “дезинтеграция”.

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ

Успешное становление экономического и валютного союза и распространение ЕС на большую часть Европы создало в середине 2000-х годов впечатление, что программа интеграции близка к выполнению. Согласно известной схеме Б. Балаши, после создания общего рынка и валютного союза объединению остаётся один шаг до политического союза. Мечта о Соединённых штатах Европы, построенных на принципах демократии и рыночной конкуренции, почти сбылась. Вопреки укоренившимся идеологическим установкам, валютный союз не стал “ракетой-носителем” политического союза [30]. В тот момент, когда Евросоюз, как казалось, добился всего и мог праздновать историческую победу над поверженной плановой экономикой, большая цель ускользнула из виду — почти как Белый Кролик, за которым гналась Алиса в известной истории Льюиса Кэрролла.

Случившийся в 2005 г. провал конституционного договора вызвал в ЕС глубокий политический и идейный кризис. Официальный Брюссель ещё много лет не мог признаться себе в утрате стратегической цели. В 2010 г. он попытался реанимировать неудавшуюся Лиссабонскую стратегию, выдвинув вместо неё стратегию “Европа 2020”. Под новым названием скрывалась всё та же бесплодная идея — соорудить из разрозненных интеграционных элементов привлекательный для общества конгломерат, не снабдив его идейным стержнем. Общественную мысль, как ни странно, не всколыхнул даже тяжелейший кризис зоны евро, поставивший её на грань распада. Складывалось впечатление, что дальнейшая судьба Евросоюза никого не интересует, а обще-

ство ждёт, когда решение придёт само откуда-то со стороны [31].

Подвижки наметились после майских выборов 2014 г. в Европейский парламент. Тогда председатель Европейского совета Херман Ван Ромпёй пригласил лидеров стран ЕС “обменяться мнениями о стратегической повестке дня Союза в эпоху перемен” [32]. Дискуссия ширилась по мере обострения миграционного кризиса и приближения британского референдума. 3 июня 2015 г. министры экономики Франции и Германии заявили о необходимости укрепления еврозоны путём проведения крупной реформы Евросоюза [33]. К глубокой реформе ЕС и упрощению его процедур публично призвали 14 декабря 2015 г. министры иностранных дел Великобритании и Италии.

Окончательное пробуждение наступило 24 июня 2016 г. в семь часов утра по лондонскому времени, когда стало ясно, что сторонники брекзита одержали победу. Уже через несколько дней главы государств и правительств, собравшиеся на неофициальную встречу 27–29 июня в Брюсселе, объявили о решении начать широкий обмен мнениями о путях интеграции. В январе 2017 г. председатель Европейского совета Дональд Туск разослал письмо лидерам государств-членов, где он назвал тогдашнее состояние умов одной из трёх главных угроз Европейского союза [34]. Вскоре в свет вышла Белая книга о будущем Евросоюза [35]. Новая Европейская комиссия под руководством Урсулы фон дер Ляйен представила публике обновлённый набор стратегических приоритетов ЕС, включая цифровизацию и “Зелёную сделку” [36].

Итак, первая заслуга брекзита — выведение европейских элит из состояния идейного конформизма и бездействия.

Есть и другие аспекты. Уход Великобритании снижает эффективность широко применяемого органами ЕС принципа обусловленности. Его взяли на вооружение в начале 1990-х годов, когда появились маастрихтские, а вскоре копенгагенские критерии (соответственно для стран, желавших вступить в валютный союз и ЕС). Политическая сделка базировалась на имплицитном представлении, что попасть в закрытый клуб — большая удача. А раз туда стремятся все, значит, “входной билет” надо заработать.

После того как из клуба добровольно удалась большая, довольно богатая страна, членство в нём перестаёт быть самоочевидной наградой. Прецедент переворачивает с ног на голову восприятие существующих внутри объединения взаимосвязей. Становится непонятно, кто кому больше нужен: Евросоюз той или иной стране или она ему. Как следствие, Евросоюз в лице руководящих органов теряет монополию на истину.

Его правила больше не могут считаться единственно верными, соответственно, сокращается возможность выступать в качестве нормативной силы.

Подобный урон произошёл бы в результате выхода любой страны. Но случай выхода Великобритании особенный. Теперь за пределами Евросоюза находится страна, которая в числе первых прокладывала дорогу к демократии и рыночным свободам. Англия XVIII столетия, как пишет Ларри Зидентоп, располагала намного большим опытом самоуправления, чем любое другое государство того времени. Её традиции парламентаризма и децентрализованного государства при чётко очерченных правах граждан и системе судебного контроля легли в основу политической культуры других народов [37].

У Германии, которая поневоле становится политическим и экономическим лидером Евросоюза, нет ни моральных, ни исторических оснований задавать стандарты “правильного поведения”. До вступления в ЕЭС Великобритании этой проблемы не существовало, так как деятельность Сообщества была сосредоточена вокруг экономических вопросов и не выходила за пределы таможенного союза. Когда же после крушения bipolarной системы Брюссель выдвинул концепцию европейских ценностей в собственной интерпретации, они воспринимались таковыми постольку, поскольку членами ЕС были все ведущие государства Старого Света.

Больше этого охвата не существует. Между взглядами ЕС и Великобритании на то, как, к примеру, должны работать независимые суды или защищаться права меньшинств, неминуемо возникнут зазоры. Представление о некоей общей норме Евросоюза будет расплываться. Под огонь критики вполне могут попасть нынешние прописные истины. Скажем, до сих пор не удалось эмпирически подтвердить, что соблюдение маастрихтских критериев содействует экономическому росту и обеспечивает долговременную ценовую стабильность.

Конечно, Брюссель так просто не откажется от использования регулятивной силы. В недавно опубликованной стратегии цифрового будущего Евросоюз ставит задачу закреплять свои правила в соглашениях с третьими странами и в практике международных организаций, активно влиять на разрабатываемые глобальные стандарты передовых технологий [38]. Теперь Евросоюзу будет труднее задавать свои правила игры, поскольку с ним на одной площадке выступает Великобритания. Она, как уже было показано, имеет очевидные интересы в мировой торговле цифровыми услугами. Брюсселю предстоит не просто постулировать свои ценности и нормы, а обосновать их.

Второе и самое важное следствие брекзита — размывание монополии на истину, которую Европейский союз присвоил себе после падения Берлинской стены.

* * *

Выход Великобритании из Евросоюза заметно уменьшает его экономический и политический потенциал. Брекзит делает ещё более трудным вопрос о ментальных границах Европы и об идентичности европейцев. По всем законам логики Евросоюз утрачивает право отождествлять себя с Европой и выступать от имени всего Старого Света, хотя он едва ли сам откажется от подобной практики.

ЕС несёт существенные репутационные потери и не только из-за того, что группировку покинула большая страна с высокоразвитой экономикой, прочными демократическими традициями, богатой историей и культурой. Нарушилось представление о европейской интеграции как о непрерывном поступательном процессе, в котором органично сочетаются углубление и территориальное расширение. Встал вопрос о выгодах интеграции для каждой отдельной страны, соотношении порождаемых ею благ и издержек.

Вместе с тем брекзит создаёт условия для того, чтобы руководящие органы Евросоюза и политические элиты государств-членов начали поиск новой повестки дня взамен той, которая была реализована и потому исчерпана после расширения ЕС на восток. Негативный исход британского референдума резко повысил актуальность и практическую значимость общественной дискуссии о будущем европейской интеграции.

С уходом Великобритании ЕС утрачивает монополию на истину. В Европе возникают два конкурирующих режима, ни один из которых нельзя более представить маргинальным или устаревшим на том основании, что он недостаточно демократичен или не отвечает принципам свободного рынка. Именно конкуренция, взаимные взгляды через Ла-Манш могут вернуть нынешнюю Европу в естественное для неё состояние соревнования политических систем, которого она лишилась после распада СССР. Эта конкуренция может стать богатым источником новых идей, смыслов и практик в наше непростое время, когда социально-экономическая структура ЕС, как и большинства стран мира, нуждается в коренной перестройке. Возникают условия для того, чтобы ЕС трансформировал свой нынешний ценностный подход в более прагматичный, ориентированный на решение конкретных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Brexit для развития Европейского союза // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6. С. 24–30.
2. Rodríguez Suárez P.M. El Brexit y el futuro de Europa // OASIS. 2020. № 31. P. 147–166.
3. Вершинин А.А. Французская общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 69–86.
4. Ананьева Е.В. Непредсказуемый брекзит // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 4. С. 99–105.
5. Бабынина Л.О. Брекзит: соглашение подписано, проблемы остаются // Европейский союз: факты и комментарии. 2019. № 94. С. 87–93.
6. Кавешников Н.Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 1. Европейский вопрос // Современная Европа. 2018. № 5. С. 5–16.
7. Кавешников Н.Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнёр // Современная Европа. 2018. № 6. С. 18–29.
8. Худолей К.К., Ерёмкина Н.В. Брекзит: новый “старый” выбор Великобритании // Современная Европа. 2017. № 3. С. 28–36.
9. Murray P., Brainson A. Rethinking Britain’s Role in a Differentiated Europe after Brexit: A Comparative Regionalism Perspective // Journal of Common Market Studies. 2019. V. 57. № 6. P. 1431–1442.
10. Bickerton C. Parliamentary, ‘popular’ and ‘pooled’: conflicts of sovereignty in the United Kingdom’s exit from the European Union // Journal of European Integration. 2019. V. 41. № 7. P. 887–902.
11. Felbermayr G. Brexit: A Hard-but-Smart Strategy and Its Consequences // Intereconomics. 2019. V. 54. № 3. P. 178–183.
12. Pelkmans J. Just a little Brexit? ‘Alternative (customs) arrangements’ and the Withdrawal Agreement // CEPS Policy Insights. № 2019-13. September 19, 2019.
13. Бабынина Л.О. Влияние брекзита на фракционную структуру Европейского парламента // Современная Европа. 2019. № 5. С. 68–77.
14. Бабынина Л.О. Евросоюз: вызов брекзита // Европа между трёх океанов / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: Нестор-История, 2019.
15. Байков А.А., Дымова Л.А. Выход Великобритании из ЕС и устойчивость европейской региональной структуры // Современная Европа. 2017. № 3. С. 37–46.
16. Громыко Ал.А. Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции) // Современная Европа. 2017. № 2. С. 6–17.
17. Юд А.П. После Брекзита: десять тезисов о настоящем и будущем Европы // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 155–165.
18. Leruth B., Gänzle S., Trondal J. Differentiated Integration and Disintegration in the EU after Brexit: Risks versus Opportunities // Journal of Common Market Studies. 2019. V. 57. № 6. P. 1383–1393.
19. Leruth B., Gänzle S., Trondal J. Exploring Differentiated Disintegration in a Post-Brexit European Union // Journal of Common Market Studies. 2019. V. 57. № 5. P. 1013–1030.
20. Хесин Е.С. Экономика Европейского союза: итоги посткризисного десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 73–81.
21. European Commission. Temporary Framework for State aid measures to support the economy in the current COVID-19 outbreak. Communication from the Commission. Brussels. 19.3.2020 C(2020) 1863 final.
22. de Guindos L. Europe’s role in the global financial system. Speech by Luis de Guindos, Vice-President of the ECB, at the SUERF/De Nederlandsche Bank Conference “Forging a new future between the UK and the EU”. Amsterdam, January 8, 2020.
23. Буторина О.В. Европейский союз после кризиса: упадок или возрождение? // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4(31). С. 71–81.
24. European Communities. The Summit Conference. Statements made by the Heads of State or Government on 2 December 1969. Meeting of the heads of state or government. The Hague, December 2, 1969. // Bulletin of the European Communities. 1970. № 2. http://aei.pitt.edu/1451/1/hague_1969.pdf
25. European Commission. Memorandum from the Commission to the Conference (November 19, 1969). Meeting of the heads of state or government. The Hague, December 2, 1969. http://aei.pitt.edu/1451/1/hague_1969.pdf
26. Pompidou G. Statement by M. Georges Pompidou, President of France. Meeting of the heads of state or government. The Hague, December 2, 1969. http://aei.pitt.edu/1451/1/hague_1969.pdf
27. Brandt W. Statement by M. Willy Brandt, Chancellor of the Federal Republic of Germany. Meeting of the heads of state or government. The Hague, December 2, 1969. http://aei.pitt.edu/1451/1/hague_1969.pdf
28. European Commission. Special Eurobarometer 386 Europeans and their Languages. Summary. June 2012. https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf
29. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012.
30. Буторина О.В. Экономическая история евро. М.: Весь Мир, 2020.
31. Буторина О.В. Европа без Евросоюза // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 179–193.
32. Van Rompuy. Invitation letter by President Herman Van Rompuy to the Special Meeting of the European Council. EUCO 148/14 PRESSE 403 PR PCE 132. Brussels, July 15, 2014.

33. *Андреева Т.Н.* Великобритания // Европейский союз на перепутье: нерешённые проблемы и новые вызовы (политические аспекты) / Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
34. *Tusk D.* United we stand, divided we fall. Letter by President Donald Tusk to the 27 EU heads of state or government on the future of the EU before the Malta summit. January 31, 2017. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/01/31/tusk-letter-future-europe/>
35. European Commission. White Paper on the Future of Europe. Reflections and scenarios for the EU27 by 2025. March 1, 2017. https://ec.europa.eu/commis-sion/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf
36. *Von der Leyen U.* A Union that strives for more. My agenda for Europe by candidate for President of the European Commission. Political guidelines for the next European Commission 2019–2024. https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/political-guidelines-next-commission_en.pdf
37. *Зидентон Л.* Демократия в Европе / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2001.
38. European Commission. Shaping Europe's Digital Future. 2020. https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ НА АФРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ¹

© 2020 г. И. О. Абрамова^{a,*}, Л. Л. Фитуни^{a,**}

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

*E-mail: irina.abramova@inafr.ru

**E-mail: africa.institute@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

После доработки 22.06.2020 г.

Принята к публикации 31.07.2020 г.

Статья посвящена анализу накопленного опыта советско-африканского сотрудничества и демонстрации имеющихся возможностей его использования для укрепления экономических и политических позиций России на Африканском континенте. По мнению авторов, это будет способствовать вхождению Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечению высоких темпов экономического роста, созданию в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортноориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Ключевые слова: Африка, СССР, российско-африканское сотрудничество, саммит Россия–Африка, несырьевой экспорт, инвестиции, научная дипломатия.

DOI: 10.31857/S086958732011002X

2019 год поистине стал годом Африки в Российской Федерации, где прошла целая серия мероприятий, посвящённых российско-африканским отношениям. Это и бизнес-форум “Россия–Африка”, организованный Минэкономразвития РФ; и конференция “Евразийский экономический

союз–Африка: экономическая интеграция как фактор развития двух регионов и диалога между ними”; и “африканская” секция на Петербургском экономическом форуме; и ежегодное собрание Афрэксимбанка, в рамках которого состоялась экономическая конференция “Россия–Африка”; и первая парламентская конференция “Россия–Африка”, организованная Государственной думой РФ; и заседания коллегий Министерства иностранных дел РФ, посвящённые африканской тематике; и ряд других менее масштабных событий.

В 2019 г. состоялись визиты в Россию президентов Зимбабве, Анголы, Республики Конго и Мозамбика, по итогам которых был подписан целый ряд соглашений о сотрудничестве в политической и экономической сферах. На полях форума G20 в Осаке В.В. Путин провёл переговоры с президентами ключевых африканских стран — С. Рамафозой (Южно-Африканская Республика) и А.-Ф. ас-Сиси (Арабская Республика Египет).

Однако главным “африканским событием” 2019 г., несомненно, стал первый в истории РФ полномасштабный политический саммит “Россия–Африка” с участием российского президента и большинства лидеров африканских государств, а также проводимый вместе с ним эконо-

¹ Статья перепечатывается из журнала “Мировая экономика и международные отношения” (2019. № 12. С. 90–100)

АБРАМОВА Ирина Олеговна — член-корреспондент РАН, директор Института Африки РАН. ФИТУНИ Леонид Леонидович — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Африки РАН.

мический форум. Мероприятия прошли 23–24 октября в г. Сочи. Представляется целесообразным проанализировать причины и возможные последствия поворота России на Юг — в сторону Африканского континента.

ИСТОКИ

Как известно, российско-африканские отношения имеют давнюю историю. До революции 1917 г., в эпоху правления Романовых, имперская Россия не принимала участия в колониальном разделе Африки, не занималась работорговлей и не имела никаких владений на континенте. Наоборот, Россия не раз демонстрировала симпатии к судьбам африканских народов и поддерживала независимость немногих тогда суверенных государств Африки. Так, в октябре 1864 г. МИД России заявил о готовности признать Республику Либерия. В 1898 г. были установлены дипломатические отношения с Эфиопией. Российский Военно-морской флот неоднократно принимал участие в морских конвоях по предотвращению транспортировки африканских рабов через Атлантику в Америку после принятия в июле 1890 г. Генерального Акта по борьбе с работорговлей.

Россия оказывала содействие императору Эфиопии Менелику Второму в его борьбе против итальянской агрессии в 1895–1896 гг. В англо-бурской войне (1899–1902 гг.) Россия в противовес Великобритании встала на сторону буров. В 1898 г. она установила дипломатические отношения с Бурской республикой Трансвааль. Более того, на стороне буров сражались российские добровольцы. В начале XX в. Российская империя выступила категорически против проекта предоставления кайзеровской Германии колониальной зоны в Марокко, что до сих пор служит важным фактором стабильно дружественных отношений между нашими государствами [1, с. 3–7].

После Октябрьской революции первое в мире социалистическое государство было заинтересовано в расширении своего политического, экономического и идеологического влияния в мире. Ему требовались как поддержка иностранных государств в международных организациях, так и новые ресурсы и рынки для успешного развития экономики. Советский Союз добивался скорейшего предоставления независимости всем угнетённым народам, включая африканские. Такая политика страны в тот период совпадала с объективным процессом углубления кризиса колониальной системы.

В 1957 г. Гана стала первым в Тропической Африке государством, сбросившим британское колониальное ярмо. Годом позже от французского ига освободилась Гвинея. В 1960 г., вошедшем в историю как “Год Африки”, независимость обре-

ли сразу 17 стран. Однако колониальные державы не спешили расставаться с ролью вершителей судеб африканских народов и всячески тормозили принятие обязывающих международных документов по предоставлению независимости угнетаемым ими странам.

Советский Союз добивался ускорения деколонизации. Несмотря на сопротивление ведущих демократий Запада в результате упорной борьбы по инициативе и настоянию СССР Генеральная Ассамблея ООН 14 декабря 1960 г. приняла “Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам” (Резолюция 1514 (XV)). Трудно переоценить значение этого документа. Его одобрение на уровне ООН создало международно-правовое основание помощи национально-освободительным движениям. Оно ускорило процесс обретения политической независимости африканскими государствами. Многие положения декларации нашли отражение в Хартии Организации африканского единства (ОАЕ), созданной в 1963 г. [2, с. 141–146].

1960–1970-е годы стали “звёздным периодом” для российско-африканского сотрудничества. СССР установил дипломатические отношения практически со всеми независимыми государствами Африки. Как правило, с ними подписывались соглашения о торговле, воздушном и морском сообщении, об открытии советских культурных центров. Всего было заключено около 200 таких соглашений только со странами к югу от Сахары, что свидетельствовало о многогранности этого сотрудничества.

В первую очередь активно развивалось экономическое взаимодействие. Будучи второй экономикой в мире, Советский Союз имел необходимые материальные и финансовые ресурсы для оказания реальной поддержки в становлении национальных африканских экономик. В 1960 г. СССР поддерживал торгово-экономические отношения с четырьмя африканскими странами, в 1970 г. уже с 20, а в начале 1980-х годов — с 37 государствами. Приоритетными отраслями сотрудничества стали промышленность и энергетика. Построенные в Африке при помощи СССР промышленные предприятия производили 4.6 млн кВт электроэнергии, 4.1 млн т чугуна, 4.5 млн т стали, 3 млн т нефтепродуктов, 3 млн т бокситов, 1620 ед. металлорежущих станков в год и т.д. Наиболее широкое и диверсифицированное содействие было оказано Алжиру и Египту, а в Субсахарской Африке — Анголе, Нигерии, Эфиопии, Республике Конго, Мали и Гвинее [3, с. 3–7].

В целях снижения издержек и повышения эффективности экономического сотрудничества с середины 1970-х годов стали внедряться схемы компенсационного сотрудничества, при котором до 50% продукции построенных предприятий пе-

редавались Советскому Союзу в счёт погашения кредитов. В числе промышленных объектов, построенных при помощи СССР, — Асуанская плотина, Хелуанский металлургический комбинат и алюминиевый завод в Наг-Хамади (АРЕ); ГЭС “Капанда” на реке Кванза (Ангола), по мощности входящая в тройку крупнейших в Африке; бокситодобывающий комплекс в Киндии (Гвинея), который до сих пор обеспечивает до одной трети российского спроса на бокситы; горно-обогаительный комбинат по производству свинцового концентрата в Мфуати (Республика Конго); цементный завод в Диаму (Мали) и ряд других [4, с. 208–213]. Всего по данным на середину 1980-х годов при советской помощи было построено около 300 промышленных предприятий, 155 объектов в сельскохозяйственной сфере, около 100 учебных заведений, в том числе 10 высших и 80 средних и профессионально-технических училищ. Профессиональную подготовку получили 480 тыс. африканцев, в том числе в учебных центрах, созданных в самих африканских странах, — 250 тыс. человек. Более 150 тыс. рабочих и специалистов были подготовлены в ходе строительства и эксплуатации объектов сотрудничества и свыше 80 тыс. африканцев получили дипломы советских высших учебных заведений [5, с. 11–13].

СССР наладил широкие внешнеторговые связи со странами Африки, основными торговыми партнёрами были Египет, Ливия, Ангола, Марокко, Эфиопия, Нигерия, Гвинея. Внешнеторговый оборот с африканскими государствами за 1960–1984 гг. увеличился в 13 раз. К середине 1980-х годов доля африканских стран в советском импорте составляла: по бокситам — около 60%, по марганцевой руде — около 56%, по кобальту — 100%, по какао-бобам — около 64%, по древесине ценных пород — около 58% [6, с. 42–49]. Помощь с советской стороны оказывалась, как правило, на специальных условиях: доля льготного или безвозмездного кредитования была не ниже 40%. Инвестиционные кредиты на срок от 10 до 15 лет предоставлялись из расчёта 2–3% с льготным периодом от одного года до трёх-четырёх лет [4, с. 185, 186].

Были установлены культурные и научные связи с 41 африканской страной. Осуществлялся обмен научными делегациями, учёными, специалистами, научно-технической документацией, предусматривались поездки учёных для чтения лекций и для работы в учебных и научных центрах, оказывалась помощь в подготовке национальных кадров, поощрялись контакты между научными библиотеками. Подписывались соглашения о признании равноценности дипломов, научных степеней, присваиваемых в каждой из стран, в учебные центры Африки направлялись учебники и другие пособия. Организовывались научные экспедиции в Африку, в том числе: ар-

хеологическая АН СССР (1961–1963 гг.) во главе с академиком Б.Б. Пиотровским, давшая ценный материал по нубийской культуре и памятникам римского и византийского периодов; лингвистическая в Мали (1963 г.) под руководством члена-корреспондента АН СССР Д.А. Ольдерогге; географическая экспедиция в Мали (1964–1965 гг.) по выявлению закономерностей образования полезных ископаемых; ботаническая экспедиция в Алжир (1967–1968 гг.), составившая геоботанические карты и карты пастбищ; геолого-геофизическая экспедиция в Республику Острова Зелёного Мыса (1967–1969 гг.); советско-сомалийская комплексная экспедиция (1971 г.), изучавшая историю национально-освободительного движения и социально-экономические проблемы сомалийского народа и др. [4, с. 330–335].

В 1961 г. в районе Каира был сдан в эксплуатацию первый на Африканском континенте атомный реактор, на базе которого при технической поддержке со стороны СССР был образован региональный радиоизотопный центр. При содействии советской стороны были созданы учебные и исследовательские институты и центры: нефти и газа в Алжире, политехнический, океанографии и гелиофизики в Гвинее, Национальная инженерная школа в Тунисе, сельскохозяйственная и лесотехническая школы в Камеруне. В декабре 1978 г. было подписано соглашение между АН СССР и Мозамбикским университетом им. Э. Мондлане о создании совместной научной станции наблюдения за искусственными спутниками Земли [7, с. 92–95]. В 1983 г. в Конакри (Гвинея) АН СССР был основан совместный научный Центр исследований в области океанографии, гелиофизики и испытаний конструкционных материалов в условиях тропического климата. Он успешно функционировал 10 лет под руководством члена-корреспондента РАН Н.П. Булгакова. Но содержание Центра обходилось в 400 тыс. руб. в год, и в 1993 г. он был передан в дар Гвинейской Республике [8, с. 186].

Африканские порты Кении, Сенегала, Конго, Того, Бенина, Кот-д’Ивуара, Либерии, Сьерра-Леоне, Маврикия и ряда других стран играли существенную роль в живучести и штатном функционировании судов флота Службы космических исследований Отдела морских экспедиционных работ АН СССР, — фактически действуя в интересах Главного управления космических средств Минобороны СССР. Флот сопровождал полёты космических аппаратов: поддерживал речевую и телевизионную связь аппаратов с ЦУПом, вёл телеметрические данные и траекторные измерения и ретранслировал их, обеспечивал бесперебойность управления космическим аппаратом, что сильно снижало риски неудач. В настоящее время из 11 судов флота сохранилось одно — музейное в Калининграде [9].

Политика Советского Союза оказала огромное влияние на социально-экономическое развитие молодых африканских государств. Во многих странах было положено начало созданию современной и национально-ориентированной экономики. Весомый производственный и научно-технический потенциал до сих пор оказывает существенное влияние на характер и структуру развития национальных экономик ряда африканских стран. Кроме того, сотрудничество с СССР нарушило экономическую монополию западных стран, что дало африканцам возможность для манёвра и достижения более выгодных условий при взаимодействии с традиционными западными партнёрами.

Благодаря сотрудничеству с СССР в африканских государствах сформировался весьма широкий слой экономической и политической элиты, технической, творческой и военной интеллигенции, говоривших на русском языке. Советские общественно-политические и научные издания, учебники на русском языке, а также их переводы регулярно закупались африканскими странами в значительных количествах, поскольку там на них существовал реальный спрос со стороны подготовленных в СССР научно-технических специалистов. Только в 1985 г. африканские страны закупили русскоязычной и переводной печатной продукции почти на 4 млн долл. (рассчитано по [10, с. 242–251]). Недорогие по сравнению с западными советские научные издания на русском, английском, французском, арабском и португальском языках способствовали распространению влияния и признания отечественной науки в мире, и в более широком смысле – распространению советской “мягкой силы” на континенте.

АФРИКА НАМ НЕ НУЖНА?

К сожалению, после распада СССР Россия потеряла огромный накопленный потенциал сотрудничества с африканскими странами. В 1990-е годы объём торговли с африканским континентом сократился в разы. В 1985 г. торговый оборот СССР с государствами Африки составлял 5.9 млрд долл. (рассчитано по [10, с. 242–251; 11]), а в 1995 г. он упал до 0.98 млрд долл. Ещё через пять лет, в 2000 г., он вырос всего до 1.6 млрд долл. [12, с. 101; 13]. Между тем в советский период Африка была важным рынком для вывоза нашей промышленной продукции. В структуре экспорта СССР в Африку на машины, оборудование и транспортные средства приходилось примерно 30%, на лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия – 16%, на готовые пищевкусовые товары – 5%, на другие промышленные товары – 18% [4, с. 265]. Но большинство торговых представительств России в Африке были закрыты, сегодня их осталось всего четыре – в АРЕ, Алжире, Ма-

рокко и ЮАР. В большинстве посольств РФ в африканских странах была ликвидирована должность экономического советника. Массово закрывались российские культурные центры, значительно сократилась материальная и кадровая поддержка кафедр русского языка в университетах. Были отменены прямые рейсы российских авиакомпаний в африканские государства. Тысячи специалистов из РФ покинули свои рабочие места. Резко сократилось число стипендий, предоставляемых российской стороной африканским студентам, практически прекратилось научное сотрудничество. С каждым годом по специальности “африканистика” готовилось всё меньше и меньше российских студентов, за небольшим исключением (суахили, африкаанс, хауса и амхарский) прекратилось преподавание африканских языков в российских вузах. Таким образом, делалось всё, чтобы не только свести практические до нуля экономические отношения России со странами Африканского континента, но и утратить её традиционное политическое и культурное влияние в этом стратегически важном регионе.

Естественно, всё это делалось под лозунгом “экономической выгоды” для России, которая много лет подряд якобы “из идеологических соображений кормила нищую Африку”, не получая никакой практической отдачи. Впрочем, команда младореформаторов в не меньшей степени руководствовалась именно идеологическими соображениями, когда в 1997 г. ради включения РФ в члены “привилегированного” Парижского клуба ведущих рыночных государств-кредиторов, в соответствии с установками этого объединения, пришлось списать должникам большой объём долгов за поставку оружия. Военные долги составляли около 80% от общего объёма российских активов. Некоторые африканские страны (Эфиопия, Мозамбик, Алжир) были в числе главных военных должников.

На момент вхождения в Клуб в 1997 г. Россия как правопреемница СССР имела на страны Азии, Африки и Латинской Америки (включая социалистические) долговые требования на сумму около 150 млрд долл. После мучительно трудного вступления в Парижский клуб и выполнения предъявленных условий оказалось, что РФ может претендовать на сумму менее 8 млрд долл. [14].

В июне 1999 г. Россия вслед за странами G7 и бывшими колониальными метрополиями присоединилась к Кёльнской долговой инициативе Б. Клинтона, во исполнение которой она в 2000–2003 гг. списала 60–90% долгов Танзании, Бенина, Мали, Гвинеи-Бисау, Мадагаскара, Гвинеи, Чада, Мозамбика, Буркина-Фасо и Сьерра-Леоне. На оставшиеся части долгов эти страны получили рассрочку до 30 лет. Непосредственно накануне

вступления в Клуб в 1996 г. РФ списала 3.5 из 5 млрд долл. долга Анголы. Остаток суммы должен был быть возвращён до 2016 г. в виде векселей. В 2001 г. был списан долг Эфиопии — 4.8 млрд долл. (из 6 млрд, по другим данным 3.8 млрд долл. из 4.8 млрд) [15]. К 2018 г. по различным оценкам Россия списала африканским государствам более 20 млрд долл. [16, 17].

Российский уход из Африки имел самые серьёзные геополитические и геоэкономические последствия. Не только ослабла реальная политическая поддержка более 50 стран в крупнейших международных организациях, в первую очередь в ООН. Были потеряны обширные потенциальные рынки для экспорта российских товаров с высокой добавленной стоимостью, а также важнейший источник стратегически значимых ресурсов для развития современных отраслей экономики, включая военную сферу.

АФРИКА В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В 2000-е годы российская политика на африканском направлении хотя и несколько активизировалась, но продолжала носить вялотекущий характер. В научной литературе этот период отражён достаточно полно, в том числе в многочисленных публикациях авторов данной статьи [18–21], поэтому, на наш взгляд, не стоит подробно на нём останавливаться. Однако мы неоднократно отмечали, что роль региона в мире неуклонно растёт, а представления минувших десятилетий о нём как о континенте бесперспективной отсталости и тотальной бедности более не соответствуют действительности. На наш взгляд, в нынешнем веке Африка будет развиваться очень динамично, и от неё во многом будет зависеть характер и темпы роста в развитых государствах, их обеспеченность сырьём, энергетическими ресурсами и человеческим капиталом [22].

Необходимость возрождения активного сотрудничества с Африканским континентом сегодня, пожалуй, осознали большинство российских политиков, бизнесменов и экспертов. Катализатором к пересмотру направлений приоритетов внешней политики России послужили экономические санкции США и стран ЕС, а также развёрнутая нашими западными «партнёрами» широкомасштабная кампания по дискредитации Российской Федерации. В условиях политической неопределённости и нестабильности вопросы сотрудничества с Африкой переходят с регионального на глобальный уровень. Африканский континент сегодня — это зона столкновения интересов всех игроков — как старых, так и новых. В геополитическом смысле это связано не только с его уникальными ресурсами, но и с противостоянием США и Китая, выдвинувшего концепцию

“нового шёлкового пути”, в котором Африке отводится роль важнейшего транспортного узла для перевозки китайских товаров, следующих в страны ЕС и другие государства. В военном смысле ставки также очень высоки, поскольку речь идёт о контроле в зонах Индийского и Атлантического океанов, что чрезвычайно важно, с одной стороны, для США и их партнёров по НАТО, с другой — для Китая, России и Индии. Неслучайно в ноябре 2018 г. Дж. Болтон презентовал новую стратегию США по Африке, где главными пунктами выступают не стремление Америки развивать экономическое сотрудничество с африканскими государствами, а противостояние здесь КНР и РФ. Отсюда вывод: от того, насколько Россия будет активна в Африке, во многом зависит её геополитическое влияние и взаимоотношения с другими государствами.

В хозяйственном плане расширение сотрудничества с африканскими странами может оказать существенное влияние на развитие экономики РФ. В 1990-е годы произошло превращение российской многоотраслевой экономики в сырьевую. Страна, производившая практически всю номенклатуру промышленных товаров, которые, вопреки внедрённому в годы перестройки заблуждению, в целом соответствовали технически и качественно мировому уровню, — от космических кораблей, самолётов, судов и станков с числовым программным управлением до пищевых продуктов, превратилась в территорию по снабжению развитых экономик мира практически не переработанным топливом и сырьём.

Так, если ещё в 1995 г. совокупный экспорт РФ составил 78.2 млрд долл., из которых, по разным оценкам, на сырьевые товары приходилось по объёму от 53 до 63%, то уже в 2000 г. при общем росте российского экспорта до 103.1 млрд долл. доля сырья увеличилась до 63–70% (рассчитано и составлено по [23, 24]).

В своём указе от 7 мая 2018 г. “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года” Президент России В.В. Путин поставил задачу “формирования в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг глобальных конкурентоспособных *несырьевых секторов* (выделено нами. — *И.А., Л.Ф.*), общая доля экспорта товаров (работ, услуг) которых составит не менее 20% валового внутреннего продукта страны; достижение объёма экспорта (в стоимостном выражении) *несырьевых неэнергетических товаров* в размере 250 млрд долл. США в год, в том числе продукции машиностроения — 50 млрд долл. США в год и продукции агропромышленного комплекса — 45 млрд долл. США в год, а также объёма экспорта оказываемых услуг в размере 100 млрд долл. США в год” [25].

Решить эту амбициозную задачу без африканского рынка практически невозможно. Промышленность страны только начала возрождаться, и российские готовые изделия могут пройти хорошую апробацию на менее развитых рынках африканских государств, где на них есть спрос. Именно этим путём шёл Китай в 1990-е годы, успешно заняв освобождённый для него Россией быстро растущий африканский потребительский рынок. О перспективности Африканского континента как импортера российских несырьевых и нетопливных товаров свидетельствуют такие факты, как расширение масштабов потребления на внутренних рынках африканских стран, диверсификация экономик ряда государств континента за счёт повышения доли услуг и промышленности и существенное улучшение делового климата в результате совершенствования инвестиционного законодательства и постепенной стабилизации внутривнутриполитической ситуации.

Начнём с последнего фактора. За семь лет (с 2011 по 2017 г.) страны Африки значительно повысили свой индекс конкурентоспособности. Например, в Руанде и Маврикии соответствующий индикатор достиг величины 4.49, а Ботсвана (4.29), Кения (3.9), Эфиопия (3.77), Сенегал (3.74), Кот-д'Ивуар (3.7) и Гана (3.69) превзошли по данному показателю успешно развивающиеся экономики Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Камбоджу и Мьянму, в которых он не превышает 3.6 [26].

Отметим, что по рейтингу *Doing Business* три африканские страны — Маврикий (25-е место), Руанда (41-е) и Марокко (69-е) — опережают такие страны, как Индонезия (72-е), Китай (78-е) и Индия (100-е место). В первую сотню входят также Кения (80-е место), Ботсвана (81-е), ЮАР (82-е), Замбия (85-е), Тунис (88-е) и Сейшельские Острова (95-е место) [27]. Иными словами, по инвестиционной привлекательности Африка ничуть не уступает азиатским лидерам развития, а по некоторым позициям и превосходит их.

Улучшение инвестиционного климата на континенте способствует увеличению объёма капиталовложений из-за рубежа. При этом большая часть зарубежного капитала сегодня направляется не в горнодобычу, а в такие отрасли, как производство потребительских товаров, инфраструктура, сфера услуг, включая финансы, а также в информационный и телекоммуникационный сектора [28]. Наиболее перспективной в ближайшие годы может стать реализация инфраструктурных проектов. Их объём — примерно 50 млрд долл. ежегодно. Инфраструктура в Африке, несмотря на значительный рост в последние годы, всё ещё развита недостаточно, особенно по сравнению с другими регионами мира. Более половины африканского населения (645 млн) имеют ограничен-

ный доступ к электричеству, лишь треть сельских жителей живут в радиусе 2 км от ближайшей дороги (в других развивающихся странах данный показатель превышает две трети). Ежегодный прирост только государственных инвестиций в инфраструктурный сектор составляет 3% и в ближайшие годы, по-видимому, ещё более ускорится [29]. Перечисленные сферы африканской экономики могут в обозримой перспективе стать весьма привлекательными и для российских компаний, накопивших в соответствующих отраслях достаточно высокие компетенции.

Увеличение государственного потребления, в том числе и через реализацию крупных инвестиционных проектов, выступает мощным драйвером экономического роста африканских государств. Однако основным триггером развития африканской экономики в XXI в. стало повышение частного потребления. По нашим подсчётам, его вклад в экономический рост в данный период составлял от 40 до 60%. В среднем частное потребление в Африке росло с 2010 по 2017 г. на 3.6–4% ежегодно (рассчитано по [30]). Такое расширение потребления в значительной степени обеспечивается быстрорастущим африканским населением, сокращением масштабов бедности (с 1990 по 2016 г. удельный вес африканцев, проживающих за чертой бедности, сократился с 54.3 до 36% [31]) и ускоренным формированием среднего класса, который уже сегодня превышает четверть населения Африки. По нашим подсчётам, объём внутреннего потребления континента, который в 2017 г. превысил 920 млрд долл. (в 2008 г. он составил 680 млрд), может вырасти к 2030 г. до 2.2 трлн долл. И произойдёт это в значительной степени за счёт увеличения покупательной способности среднего класса, численность которого существенно увеличится (рассчитано по [28–30]).

Российские компании уже сегодня могут выйти на африканские рынки со своей сельскохозяйственной продукцией, космической техникой, грузовыми автомобилями, самолётами и другими транспортными средствами, сельскохозяйственной техникой, удобрениями, химическими изделиями, электротехнической продукцией, лекарствами, ИТ и телекоммуникационными технологиями. Большой интерес африканцы проявляют к нашему вооружению, особенно после его успешной апробации в зонах региональных конфликтов. Таким образом, рынки Африки могут внести существенный вклад в увеличение несырьевой составляющей российского экспорта.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АФРИКУ

Следует отметить, что за последние пять лет произошла определённая активизация российско-африканских торговых отношений. Так, то-

Таблица 1. Российско-африканская торговля в 2018 г., млн долл.

Страна или регион	Экспорт из РФ	Несырьевой экспорт из РФ	Импорт в РФ	Общий товарооборот
Африка	17148	15637	3252	20400
Северная Африка	13684	12765	1322	15006
Африка южнее Сахары	3464	2872	1930	5394
Египет	7142.1	6600.1	526.7	7668.9
Алжир	4801.8	4669.1	10.5	4812.3
Марокко	929.1	359.2	547.9	1476.9
ЮАР	285.7	269.7	783.9	1069.6
Тунис	684.1	299.6	136.6	820.7
Нигерия	733.7	580.1	33.2	766.9
Судан	509.0	502.0	1.1	510.1

Рассчитано и составлено по [32].

варооборот между РФ и странами Африки увеличился за этот период в 2 раза и достиг в 2018 г. 20.4 млрд долл. [13].

Как видно из таблицы 1, экспорт РФ в страны Африки примерно в 5 раз превышает импорт из африканских государств. При этом доля российского несырьевого экспорта составляет 91% — идеал, к которому страна стремится в своей внешнеторговой политике. К сожалению, географическое распределение российско-африканской торговли весьма неравномерно — 74% внешнеторгового оборота России приходится на пять стран Северной Африки, а 84% — на семь государств: Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Тунис, Нигерию и Судан. При этом три страны Тропической Африки обеспечивают более 43% всей торговли России со странами Африки южнее Сахары. Торговый оборот РФ с другими крупными африканскими странами, такими как Эфиопия, ДРК и Ангола, колеблется в пределах от 30 до 100 млн долл. Очевидно, что потенциал российско-африканских торговых отношений далеко не исчерпан. Это касается как расширения и диверсификации экспорта в Африку, так и увеличения поставок африканских товаров в Россию. В первую очередь речь идёт о сельскохозяйственной продукции и об уникальных видах минеральных ресурсов, имеющих стратегическое значение.

В последние годы развитые страны (США, ЕС, Япония, Южная Корея, Великобритания и Австралия) провели специальные исследования для оценки минерально-сырьевого потенциала кри-

тических металлов и минералов. К критическим видам в мире в основном относят то минеральное сырьё, которое лежит в основе высоких технологий, имеет важнейшее значение для поступательного развития многих отраслей промышленности. В русскоязычной литературе в данном контексте используется термин “стратегический”.

В России к стратегическим видам минерального сырья относятся полезные ископаемые, которые составляют основу отраслей материального производства, обеспечивающих экономическую и оборонную безопасность страны на конкретном этапе её развития. Распоряжением Правительства РФ (№ 50-р от 16.01.1996 г.) к стратегическим видам минерального сырья относятся: нефть и природный газ; чёрные металлы (марганец, хром, титан); цветные металлы (медь, никель, кобальт, свинец, молибден, вольфрам); редкие и рассеянные металлы (цирконий, тантал, ниобий, бериллий, литий, кремний, рений); благородные металлы (золото, серебро и платиноиды); алмазы и чистое кварцевое сырьё. Важное значение имеют также уран и алюминий. По данным крупнейшего российского минералога академика Н.С. Бортникова, Россия испытывает острый дефицит в таких металлах, как уран, марганец, хром, титан, алюминий, цирконий, бериллий, литий, рений и в редкоземельных металлах иттриевой группы. Через 10–15 лет к ним добавятся свинец, сурьма, золото, серебро, алмазы и цинк [33].

После распада СССР многие из вышеперечисленных металлов оказались на территории вновь образовавшихся независимых государств, с которыми России достаточно сложно выстраивать отношения. Вместе с тем большинство из вышеперечисленных элементов присутствуют в Африке, где объёмы их запасов велики, себестоимость добычи крайне низкая, а полезное содержание руды весьма высокое. Африканцы готовы как продавать эти минералы РФ, так и совместно разрабатывать их месторождения, что в перспективе весьма выгодно обеим сторонам. Тем более что ещё во времена СССР была создана подробнейшая геологическая карта Африки и накоплен огромный опыт разработки месторождений с учётом местной специфики. Следует отметить, что ряд крупных российских компаний, несмотря на высокую конкуренцию со стороны китайских и западных корпораций, занимается разработкой африканских месторождений, и возможности расширения такой деятельности далеко не исчерпаны. В первую очередь речь идёт о таких компаниях, как “РУСАЛ”, “АЛРОСА”, “Ренова”, “Nordgold” (дочка Северстали) и ряд других.

Вместе с тем африканцы ждут от России не столько увеличения экспорта и разработки месторождений, сколько инвестиций в другие стратегические отрасли своей экономики. Прежде всего это касается энергетических проектов, в частности строительства электростанций, развития транспортной инфраструктуры (дороги, аэропорты, порты) и обрабатывающей промышленности, включая новейшие технологии. В промышленной сфере конкурентными преимуществами африканцев выступают дешёвая рабочая сила и близость к источникам сырья, поэтому многие иностранные корпорации, в том числе китайские, переносят своё производство в Африку.

Будучи безусловным лидером в энергетической сфере, Россия начала активно участвовать в развитии африканской энергетики. Крупнейший российский энергетический проект, который реализуется сегодня на континенте, — строительство первой в Египте атомной электростанции в составе четырёх энергоблоков мощностью 1,2 тыс. МВт каждый в городе Эд-Дабаа возле побережья Средиземного моря, недалеко от Александрии. Для сооружения станции Египет получил от России кредит на сумму в 25 млрд долл. АЭС в Эд-Дабаа будет сооружена по российским технологиям компанией Росатом и станет крупнейшим совместным проектом со времён создания Асуанской плотины. Первая атомная станция сделает Египет региональным технологическим лидером и единственным государством в регионе, обладающим АЭС поколения 3+ [34]. Этот проект для Росатома является знаковым. Корпорация рассчитывает тиражировать египетский опыт в других странах, испытывающих энергетический го-

лод. При этом наиболее перспективными для африканских государств компания считает станции мощностью 600–800 МВт.

Важным шагом в развитии российско-африканских отношений станет создание Российской промышленной зоны (РПЗ) в Египте. Площадка РПЗ размещена на территории Северного кластера Экономической зоны Суэцкого канала, в непосредственной близости от города Порт-Саид и северного входа в Суэцкий канал. Межправительственное соглашение закрепляет за РПЗ участок площадью 525 га на срок 50 лет. К услугам резидентов будет предоставлена вся современная инженерная и коммунальная инфраструктура, включая дороги, периметр безопасности, точки подключения водо- и электроснабжения. Для резидентов Российской промышленной зоны будут доступны ключевые преимущества, предоставляемые Экономической зоной Суэцкого канала, — близость к важнейшим логистическим коридорам, многочисленные торговые соглашения Египта, максимально упрощённые правила ведения бизнеса и “единое окно” для решения любых вопросов и задач. В перспективе РПЗ станет форпостом для продвижения российских товаров и услуг не только в субрегионе Северная Африка, но и в Африке южнее Сахары. Высокий по африканским меркам уровень экономического развития Египта, существенный и постоянно растущий товарооборот между нашими странами, большой внутренний рынок страны, особые отношения, которые сложились у России с АРЕ, важное географическое положение РПЗ, а также стремление руководства Египта позиционировать себя как “ворота для России в Африку” может способствовать продвижению российской продукции на рынки других африканских государств [35]. Подобную зону со временем планируется создать и в одной из стран Тропической Африки. В частности, во время своего визита в Москву в январе 2019 г. вновь избранный президент Республики Зимбабве Эммерсон Мнангава предложил территорию своей страны для реализации проекта Российской промышленной зоны.

К сожалению, осознание нашими элитами необходимости развития отношений с Африканским континентом наступило достаточно поздно. Рынок Африки практически поделён не только между традиционными для неё западными партнёрами, но и новыми игроками, такими как Китай, Индия, Бразилия, Турция, Саудовская Аравия и некоторыми другими. Россия, которая до сих пор ассоциируется у большинства африканских стран с СССР, не обладает ни его экономической мощью, ни его финансовыми возможностями. Но большой политический авторитет, который она накопила за последние годы в вопросах отстаивания национального суверенитета, весьма привлекателен для большинства аф-

риканских лидеров. Многие из них помнят о поддержке со стороны Советского Союза в борьбе за политическую и экономическую независимость и рассматривают РФ не только как альтернативу Западу, но и Китаю, влияние которого в Африке растёт с каждым годом.

России необходимо воспользоваться теми возможностями, которые открываются сегодня перед ней на Африканском континенте. Большие надежды возлагаются на крупный саммит и экономический форум Россия–Африка. Форум должен стать не разовым протокольным мероприятием, а толчком, новой точкой отсчёта для российско-африканских отношений. При этом российские интересы в Африке необходимо согласовать с чаяниями самих африканцев, которые чётко изложены в принятой Африканским союзом (АС) в 2013 г. Повестке 2063. Она включает семь основных положений, в том числе стремление к процветающей, устойчиво развивающейся и интегрированной Африке, где уважают права человека и делают всё для его развития, где строго соблюдаются законы, поддерживается мир и безопасность, сохраняется культурная самобытность африканских народов, поддерживаются женщины и дети, что позволяет превратиться Африке во влиятельного глобального игрока и надёжного партнёра. Наряду с устремлениями АС чётко определил цели и задачи развития континента и разработал конкретные рамочные программы для их реализации: Комплексную программу развития сельского хозяйства в Африке (CAADP); Программу развития инфраструктуры в Африке (PIDA); Подходы к развитию горнодобывающего сектора в Африке (AMV); Стратегию научно-технических инноваций для Африки (STISA); Программу “Поощрение взрывного роста межафриканской торговли” (BIAT); Программу “Ускоренное промышленное развитие для Африки” (AIDA) [36].

Устремления Повестки 2063 во многом совпадают с целями России, а рамочные программы АС открывают возможности для её активного участия в их реализации. Но для этого необходимо разработать чёткий механизм экономического сотрудничества, включая финансовые формы взаимодействия государственных и частных компаний России и Африки. Важно также оказать реальную поддержку среднему и малому российскому бизнесу, готовому работать в Африке, определить отраслевые и географические приоритеты, создать региональные центры поддержки российского бизнеса, активно использовать информационные ресурсы и, самое главное, бороться за умы африканцев. Часто такая борьба при сравнительно небольших затратах может оказаться куда эффективнее, чем многомиллиардные финансовые вливания. Необходимо увеличить число африканских студентов в России и число россиян, обучающихся по специальности “афри-

канистика”, с помощью заинтересованных российских компаний начать подготовку квалифицированных специалистов на местах, расширить возможности для изучения русского языка и проникновения российской литературы, видео- и аудиопродукции (в первую очередь в переводе) в африканские страны, активизировать научное сотрудничество.

Все эти задачи вполне реализуемы и могут создать ту основу для двусторонних отношений, которая так нужна и россиянам, и африканцам в условиях формирования новой политической и экономической реальности.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2019 г. № 22 “Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России”, Подпрограмма “Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давидсон А.Б. ...Иже именуется Африка. Вести из русской старины. М.: Принципиум, 2017.
2. СССР и страны Африки 1946–1962 гг.: Документы и материалы. В 2-х томах. Т. II: сентябрь 1960 г. – 1962 г. М.: Госполитиздат, 1963.
3. Советско-африканские экономические отношения: Итоги, тенденции и вероятные изменения условий для сотрудничества в период до 1990 г. М.: Институт Африки АН СССР, 1976.
4. СССР и страны Африки. Дружба, сотрудничество, поддержка антиимпериалистической борьбы / Отв. ред. Е.А. Тарабарин. М.: Мысль, 1977.
5. Кошелев П.Я. Советско-африканское сотрудничество: итоги и перспективы. Доклад на советско-африканской научно-политической конференции “За мир и социальный прогресс”. М.: Институт Африки АН СССР, 1981.
6. Дейч Т.Л., Кукушкин П.В. Советско-африканские отношения в свете нового политического мышления. М.: Институт Африки АН СССР, 1988.
7. Дмитриева И.В. Образование в Африке: достижения и проблемы. М.: Наука, 1991.
8. Калинина Л.П. Гвинея: Справочник. М.: Наука, 1994.
9. Научно-исследовательское судно “Космонавт Георгий Добровольский”. Сайт ветеранов флота космической службы. <http://niskgd.ru/pages/qa.htm> (дата обращения 05.03.2019).
10. Внешняя торговля СССР в 1986 г.: Стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1987.
11. Официальные курсы Госбанка СССР. Центральный банк Российской Федерации. https://www.cbr.ru/currency_base/GosBank-Curs/ (дата обращения 10.03.2018).
12. Российско-африканские отношения в условиях глобализации / Отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: Институт Африки РАН, 2009.

13. Итоги внешнеэкономической деятельности России в 2018 году. Департамент развития и регулирования внешнеэкономической деятельности. <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/d75b65eb-17e2-4771-bc0c-eda8df9a1ab3/Itogi-Torgov-li2018.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=d75b65eb-17e2-4771-bc0c-eda8df9a1ab3> (дата обращения 10.04.2019).
14. Сахаров Е.В. Внешний долг бывшего СССР // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2005. № 12. С. 287–289.
15. Кому Россия прощала долги // Коммерсант. 10.12.2013.
16. Лавров рассказал, сколько Россия списала долгов африканским странам // РИА Новости. 12.09.2018. <https://ria.ru/20180912/1528348821.html> (дата обращения 15.09.2018).
17. Лавров заявил о списании РФ более \$20 млрд долгов африканским странам за последние 15 лет // ТАСС. 12.09.2019. <https://tass.ru/vef-2018/articles/5553684> (дата обращения 13.09.2019).
18. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Адаптация “африканского вектора” внешнеэкономической политики РФ к меняющейся экономической конъюнктуре на континенте // Учёные записки Института Африки РАН. 2017. № 1(38). С. 24–36.
19. Fituni L., Abramova I. Patterns of Formation and Transition of Models of Global Economic Development // African Studies in Russia: Works of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2014. P. 5–24.
20. Fituni L.L. A New Era: Soviet Policy in Southern Africa // The Africa Report. 1989 № 34(4). P. 63–65.
21. Абрамова И.О. Африканское турне С.В. Лаврова: новые вызовы и перспективы российско-африканского сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2018. № 5(730). С. 2–10.
22. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Потенциал Африканского континента в современных стратегиях развития российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 9. С. 24–35.
23. Товарная структура экспорта Российской Федерации. ФТС России. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vnesh-t/ts-exp.xls (дата обращения 03.09.2019).
24. Комментарии о государстве и бизнесе. Институт “Центр развития” НИУ “Высшая школа экономики”. https://dcenter.hse.ru/data/2018/03/23/1164011793/pb_18-02.pdf (дата обращения 03.09.2019).
25. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения 31.05.2018).
26. Global Competitiveness Index. World Economic Forum. <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/competitiveness-rankings/> (дата обращения 04.07.2018).
27. Doing business 2018. World Bank Group. <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf> (дата обращения 13.07.2018).
28. Новикова З.С. Российские телекоммуникационные компании в Африке // Учёные записки Института Африки РАН. 2017. № 1(38). С. 56–63.
29. African Economic Outlook 2017. African Development Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, United Nations Development Programme. https://read.oecd-ilibrary.org/development/african-economicoutlook-2017_aeo-2017-en# (дата обращения 18.07.2018).
30. World Development Indicators 2018. The World Bank. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения 19.07.2018).
31. Fiscal Policy for Financing Sustainable Development in Africa: Economic Report on Africa 2019. United Nations Economic Commission for Africa. <https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/era-en-final-web.pdf> (дата обращения 19.07.2018).
32. Регионы и страны мира. Российский экспортный центр. https://www.exportcenter.ru/international_markets/world_map/ (дата обращения 26.08.2019).
33. Бортников Н.С., Волков А.В., Галямов А.Л. и др. Минеральные ресурсы высокотехнологичных металлов в России: состояние и перспективы развития // Геология рудных месторождений. 2016. № 2(58). С. 97–119.
34. Самый дорогой контракт в мировой атомной промышленности. Россия и Египет подписали контракты на строительство АЭС Эль-Дабаа // Neftegaz.Ru. 11.12.2017. <https://neftegaz.ru/news/nuclear/204793-samyu-dorogoy-kontrakt-v-mirovoy-atomnoy-industrii-rossiya-i-egipet-podpisali-kontraktyna-stroitelst/> (дата обращения 30.06.2018).
35. Состоялась презентация Российской промышленной зоны в Египте. Российский экспортный центр, 19.02.2019. https://www.exportcenter.ru/press_center/news/sostoyalas-prezentatsiya-rossiyskoj-promyshlennoy-zony-v-egipte/ (дата обращения 21.02.2019).
36. Our Aspirations for the Africa We Want. African Union. <https://au.int/en/agenda2063/aspirations> (дата обращения 03.09.2019).

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА НАШЕГО ВРЕМЕНИ: ЕЁ ИСТОКИ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ОРИЕНТИРЫ НА ПЕРСПЕКТИВУ¹

© 2020 г. В. М. Давыдов^{a,b,c}

^aИнститут Латинской Америки РАН, Москва, Россия

^bРоссийский университет дружбы народов, Москва, Россия

^cАссоциация исследователей иberoамериканского мира, Москва, Россия

E-mail: davydov@ilaran.ru

Поступила в редакцию 10.06.2020 г.

После доработки 17.06.2020 г.

Принята к публикации 03.09.2020 г.

Латиноамериканистика вступила в пору научной зрелости. Эта коннотация справедлива и для общемирового контекста, и для отечественной практики. Результаты очевидны: десятки тысяч книжных наименований в библиографии по латиноамериканской проблематике в общемировом зачёте, далеко за тысячу названий монографических изданий и тематических сборников, суммарно изданных в советский период и в наше время. Благодаря этому сегодня в многодисциплинарном “научном зеркале” регион предстаёт во всём многообразии и преимущественно в адекватном свете. Но вместе с тем необходимы и новые ориентиры для поиска ответов на множество сложных вопросов, которые ставит латиноамериканская практика в обстановке глобального перехода к иному режиму воспроизводства мировой экономики и международных отношений.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка, латиноамериканистика, ориентиры регионоведения.

DOI: 10.31857/S0869587320110055

Важным мотивом для серьёзного разговора о нынешнем состоянии нашей области знаний, о её истоках и традициях и, конечно же, о её основных результатах, а затем — по логической цепи — о тенденциях развития познания, которые превосходят интерпретацию того, что сулит будущее региона, является смена поколений в среде латиноамериканистов. Ведь научная молодёжь не может входить в профессию в роли иванов, не помня-

щих родства. Естественный долг старшего поколения — передать творческое наследие, сохранив историческую память. Именно это служит залогом преемственности научной школы. На то же основание в конечном счёте опирается научная культура в целом.

Коль скоро мы взялись за такую задачу, имеет смысл очертить основные особенности нашего объекта. Прежде всего обратимся к тому, каким образом можно оценить нынешнюю степень зрелости латиноамериканистики как регионоведческой ветви современного обществоведения. Думаю, есть основания констатировать, во-первых, её широкую *репрезентативность*, принимая во внимание наличие исследовательских центров нашего профиля в семи десятках стран за пределами латиноамериканского региона. Во-вторых, налицо богатый *научный задел*, выражающийся в библиографии, насчитывающей в общемировом зачёте уже десятки тысяч наименований в монографических изданиях и тематических сборниках. Отечественный книжный список уже превосходит тысячу наименований, не говоря о множестве статей в научной периодике.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Латинская Америка” (2019. № 7. С. 8–28).

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович — член-корреспондент РАН, научный руководитель ИЛА РАН, заведующий кафедрой экономического факультета РУДН, президент Ассоциации исследователей иberoамериканского мира.

Теперь о месте латиноамериканистики в системе общественных и гуманитарных наук. Речь, разумеется, идёт о принадлежности, которая очерчена кругом проблематики международного сообщества в целом. В последнее время в мировой научной и образовательной практике устоялось вполне логичное деление на три ветви: глобальная (общемировая) проблематика (*global studies, estudios globales*), региональная, изучающая отдельные макрорегионы современного мира (*area studies, estudios regionales*), и, наконец, страноведческая, относящаяся к национально-государственной конкретике и специфике (*country case studies, estudios por paises*). Таким образом, латиноамериканистика, с одной стороны, занимает некое *срединное положение*, будучи разновидностью регионоведения, а с другой стороны, опускаясь в конкретную национальную среду, питает соками первичного знания оба вышестоящих «этажа». Но, понятно, на практике нет и не может быть жёстких границ между ветвями изучения мирового древа. Регионоведческая и страноведческая проблематика адекватно воспринимается и адекватно познаётся лишь в соотношении с процессами общемирового порядка.

Далее, нужно напомнить о *многодисциплинарном* характере латиноамериканистики, как, впрочем, и любой другой области систематического изучения макрорегионов современного мира. Многодисциплинарна она по одной простой причине — постольку, поскольку наша исследовательская работа ведётся средствами различных инструментальных наук, в первую очередь, конечно, политологии, экономической науки, социологии, культурологии и истории. Но если имеется их сумма, то она превращается в механизм многостороннего познания существующих реалий, когда исследовательская работа переходит в фазу *междисциплинарности*, то есть синтеза дисциплин. В наше время именно такая метаморфоза обнаруживает наиболее плодотворную перспективу научного анализа. Как говорится, именно тогда рождается синергия. И на этом фоне совершенно абсурдными, контрпродуктивными выглядят многочисленные перегородки, которыми ВАК, увы, отделил смежные или родственные научные специальности друг от друга, фактически поставив под запрет действительно междисциплинарные исследования на диссертационной почве. Остаётся надеяться, что когда-нибудь бюрократия всё же образумится.

Поставив амбициозную задачу отразить современное состояние отечественной латиноамериканистики (с учётом предпосылок и оценкой перспектив) в общем контексте мировой латиноамериканистики, я отдаю себе отчёт в трудности её выполнения в формате одной журнальной статьи. Поэтому нужно предупредить читателя: речь пойдёт о наиболее видимых достижениях и ориенти-

рах, а также о пробелах или отклонениях от адекватной картины региональной действительности.

ИСТОКИ

Вспоминая об идейно-теоретических истоках отечественной латиноамериканистики, мы не можем ограничиваться ссылкой только на марксистское наследие, безусловно, мощное и до сих пор влиятельное. Наряду с признанием его доминирования (обязательного и обязывающего) в прошлом, несмотря на интенсивную его диффамацию сегодня, мы должны согласиться, что вольно или невольно, прямо либо косвенно мы усваивали и то, что шло от объекта исследования. Мы неизбежно попадали под воздействие мировосприятия, выраставшего из школы Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), мировосприятия, доминировавшего в обществоведческой практике региона с конца 40-х годов минувшего столетия. В 1960–1970-е годы на нашем восприятии латиноамериканской проблематики сказывались построения депендентизма, а затем и сторонников миросистемной теории. И, разумеется, мы (советские и российские латиноамериканисты) не были исключением на общем фоне. Аналогичное влияние, конечно же, не могло не сказываться на мышлении наших зарубежных коллег за пределами Латино-Карибской Америки (ЛКА).

Говоря о более отдалённых истоках, мы обязаны вспомнить ещё о ситуации 20-х и 30-х годов прошедшего века. И если речь идёт о нашей стране (хотя не только), то не обойтись без упоминания того следа, который оставил Коминтерн, его аналитические и образовательные структуры. Тем более что в нынешнем году отмечается столетие его основания, а среди латиноамериканистов современного поколения плодотворно работают авторитетные специалисты по тематике воздействия Коминтерна на политическую жизнь изучаемых нами стран [1, 2]. Среди них наши петербургские коллеги Л.С. Хейфец и В.Л. Хейфец.

Многие стереотипы восприятия региона довоенной поры перекочевали в послевоенную научную среду Москвы и Ленинграда, часто помогая выдавать желаемое за действительное. Однако формирование латиноамериканистики как определённой сферы систематической исследовательской работы, имеющей не только общий объект, но и некий общий идейный знаменатель, не было отгорожено железным занавесом. Вместе с тем в последнем случае бессмысленно говорить о некоем миксе. В советские времена общим знаменателем служил, конечно, официальный марксизм-ленинизм, приправленный откровениями отчётного доклада очередного партийного съезда. Таким образом в наших писаниях звучали и догматы, и ритуальные констатации. Однако проявля-

ли себя и заметные отклонения от стереотипов. Ведь тогда приходилось и широкой аудитории, и нашим верхам доступно объяснять противоречивую латиноамериканскую действительность, которая часто не укладывалась в трафареты. Как тут не вспомнить А.Ф. Шульговского или К.Л. Майданника! Анатолий Федорович — талантливый интерпретатор ключевых моментов латиноамериканской истории в русле традиционного творческого марксизма. Кива Львович — нонконформист в лоне советской политологии (де-факто), нарушитель академического спокойствия с апелляцией к воззрениям неортодоксального левого марксизма.

Впрочем, отечественной латиноамериканистике вообще повезло с яркими именами ведущих протагонистов. Среди них, несомненно, — М.С. Альперович, В.В. Вольский, А.Н. Глинкин, И.Р. Григулевич, В.Б. Земсков, Л.Л. Клочковский, Б.И. Коваль, Е.А. Косарев, В.А. Кузьмищев, Н.М. Лавров, Н.С. Леонов, Я.Г. Машбиц, С.И. Семёнов, А.И. Строганов, И.А. Тертерян, И.К. Шереметьев... Увы, по достоинству оценить творческий вклад всех и каждого в одной статье нереально. Но эта оценка все же звучала и, уверен, ещё неоднократно прозвучит в публикациях нового поколения латиноамериканистов.

Однако вопрос общего знаменателя может быть нами поставлен не только относительно отечественной, но и применительно к мировой латиноамериканистике. Разумеется, не в смысле построения некой “железобетонной” идейно-теоретической платформы, а с точки зрения неизбежного воздействия объекта исследований на субъекты исследовательской работы. А латиноамериканские реалии, атмосфера, преобладавшая в обществоведческой среде своего времени (от 1960-х до середины 1980-х годов), не давали плодородной почвы для гегемонии мейнстрима, варьируясь в обширном диапазоне.

В освоении широкой гаммы теоретических построений, которые заявили о себе в ЛКА с начала 1950-х до начала 1970-х годов на почве трактовки региональной специфики общественного развития, первенствовал А.В. Шестопап [3, 4]. Первенствовал, разумеется, в соответствии с законами жанра по стандартам своего времени — марксистской критики “буржуазной науки”. На первом этапе ему удалось охарактеризовать те воззрения, которые относятся в основном к широкому спектру национал-реформистских построений. На втором внимание акцентировалось на леворадикальных течениях обществоведения. В результате был проработан обширный пласт концептуального мышления наших визави в регионе. И это стало благодатным достоянием первых поколений советских латиноамериканистов. Очередная ступень — коллективная монография сотрудников ИЛА о вариациях националистических об-

ществоведческих концепций и через несколько лет книга, рассматривающая основные идеологические веяния в ЛКА (обе под редакцией А.Ф. Шульговского) [5, 6]. В дальнейшем — к концу 1980-х — началу 1990-х годов — научный интерес сместился к интерпретациям особенностей развития капитализма. В их осмыслении участвовал и автор этой статьи [7]. А затем в критико-аналитическом жанре прозвучала монография Л.С. Окуновой, посвящённая течениям политической мысли в Бразилии [8]. Казалось, цикл многолетнего обозрения ключевых концепций и взглядов (включая современные трактовки) на характер общественного развития в странах региона закрывается недавней статьей В.И. Добренкова и А.И. Кравченко [9]. Однако, увы, нельзя сказать, что авторам удался финальный аккорд в деле обобщения концептуальных откровений обществоведческой литературы в ЛКА. Интерес читателя, пробуждённый авансом, прозвучавшим в названии их статьи, остался неудовлетворённым.

Похоже, объяснение связано с тем, что в последние годы рассматриваемый жанр в латиноамериканистике, к сожалению, оскудел, рассыпавшись на теоретические (или претендующие на таковые) очерки в тех или иных диссертациях по диссертационным же сюжетам. Анализ теоретических концепций, изучение движения обществоведческой мысли во многом потеряли самостоятельное значение. Между тем очевидно, что потребность в них растёт с расчётом на выявление полезного для нас конструктива и плодотворный диалог, предотвращающий теоретический застой. Сегодня принципиально важно, что критика при всём прочем обязана сохраняться, однако критиканство должно уйти из нашего обихода.

Для латиноамериканистики (отечественной и мировой) 1970-е годы можно считать достаточно продуктивным десятилетием. К тому времени во многих европейских странах (на западе и востоке) и в США *латиноамериканистика в основном сложилась институционально*. Первые центры и/или институты, специализировавшиеся на латиноамериканской проблематике, возникли ещё в 1950-е годы (как, например, Институт высших исследований Латинской Америки при Сорбонне). Однако преимущественно их рождение относилось к 1960-м и, с запозданием, к 1970-м годам. С того же времени стартуют и международные форумы латиноамериканистов [10].

Основание ИЛА (первоначально на платформе АН СССР) состоялось в 1961 г., очевидным образом простимулированное революцией на Кубе и её геополитической переориентацией на соющество социалистических государств. Восемь лет спустя институт обрёл свой печатный орган — сначала двухмесячный, а затем ежемесячный журнал, который стал носителем и популяризатором

ром профессиональных знаний о нашем регионе, а кроме того, умелым объединителем сообщества латиноамериканистов. Возглавивший журнал С.А. Микоян превратил его в интеллектуальный клуб, инициировал и энергично продвигал новые темы, приветствовал нестандартную постановку теоретических вопросов. Считаю большой удачей для себя работу в редакции журнала под руководством Серго Анастасовича.

Начало деятельности Международной федерации исследований по Латинской Америке и Карибам (*Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe* — FIEALC) было положено симпозиумом 1978 г. Одновременно инициаторы озаботились формированием Латиноамериканского общества исследований Латинской Америки и Карибов (*Sociedad Latinoamericana de Estudios sobre América Latina y el Caribe* — SOLAR). Но официальное учреждение обоих произошло позднее, в 1982 г. Неоспоримым лидером FIEALC стал Леопольдо Сеа — всемирно известный мексиканский обществовед, ученик испанского философа Хосе Гаоса, который, в свою очередь, вышел из круга Х. Ортега-и-Гассета. SOLAR с момента его создания возглавил бразилец Дарси Рибейро — крупный социолог, внёсший большой вклад в разработку проблематики цивилизационной детерминации и цивилизационного своеобразия латиноамериканских обществ. Оба объединения дистанцировались от Ассоциации латиноамериканских исследований (*Latin American Studies Association* — LASA), представлявшей в основном североамериканские школы латиноамериканистики. Время от времени отчуждение преодолевалось на личном уровне, но дистанцирование, заданное Л. Сеа и его соратниками, долго сохранялось.

Маэстро Сеа или, как его предпочитали величать коллеги, Дон Леопольдо вынашивал и последовательно реализовывал поистине стратегический план масштабной диффузии латиноамериканистики. В Национальном автономном университете Мексики (*Universidad Nacional Autónoma de México* — UNAM) он создал, с одной стороны, центр латиноамериканистики с международной проекцией (*CICIDEL*), призванный осуществлять координационную деятельность в рамках FIEALC, а с другой — интернациональную школу, собрав аспирантов и стажёров из разных государств, которые впоследствии стали лидерами латиноамериканистики в своих странах и, можно сказать, в общемировом контексте. Среди них — Цви Медин (Израиль), Эуфемия Павлакис (Греция), Риккардо Кампа (Италия), Орасио Серрути (Аргентина), Адальберто Сантана (Мексика). Одно время к этому кругу примыкал и Анджей Дембич (Польша), позднее отдавший предпочтение самостоятельной роли в мировой латиноамериканистике на европейской платфор-

ме. Все они поочерёдно принимали эстафету организации конгрессов FIEALC.

Более ранним появлением отличается объединение европейских латиноамериканистов — Европейский совет обществоведческих исследований по Латинской Америке (*Consejo Europeo de Investigaciones Sociales de América Latina* — CEISAL). Временем его основания считается 1971 г. У колыбели CEISAL стояли Пьеранжело Каталано (Италия), Анри Фавр и Ромэн Геньяр (Франция), Гарри Блемор (Великобритания), Киис ден Боер (Нидерланды), Магнус Молнер (Швеция), Луш Мерси Вега (Швейцария) и Ганс Альберт Штегер (ФРГ). Их интеллектуальный и политический настрой сформировался под влиянием протестной волны 1968 г. Отсюда шло их стремление к преодолению разделительных линий в Европе. И эта принципиальная позиция обусловила в последующем подключение к CEISAL латиноамериканистов из ИЛА, которых представлял А.Д. Бекаревич — кубиновец, работавший в 1980-е годы заместителем директора ИЛА.

Весомый след и добрую память в истории латиноамериканистики оставил Институт евро-латиноамериканских отношений при Европарламенте (*Instituto de Relaciones Euro-Latinoamericanas* — IRELA), функционировавший в Мадриде. Его основателем и руководителем в 1990-е годы был авторитетный немецкий латиноамериканист Вольф Грабендорф, известный прежде всего своими трудами в области международной безопасности и в целом проблематики международных отношений применительно к латиноамериканскому региону. IRELA добился впечатляющих результатов, опубликовав серию фундаментальных изданий по актуальным проблемам развития ЛКА и вопросам сотрудничества стран региона с объединением европейских государств, реализовав ряд международных исследовательских проектов по той же тематике. Нападки брюссельской бюрократии на деятельность института, фактически политически мотивированные в связи с социал-демократической приверженностью В. Грабендорфа, привели, увы, к его смещению, а затем и к ликвидации IRELA. Сам же В. Грабендорф продолжал активную работу на ниве латиноамериканистики в качестве представителя Фонда Эберта в Чили и Колумбии, а в последнее время в роли приглашённого профессора Андского университета в Эквадоре.

Серьёзную роль в обществоведении стран ЛКА играют Латиноамериканский совет по общественным наукам (*Consejo Latinoamericano para las Ciencias Sociales* — CLACSO) и Латиноамериканский факультет по общественным наукам (*Facultad Latinoamericana para las Ciencias Sociales* — CLACSO). Первая организация возникла в 1967 г. и ныне включает 668 научных и университетских

центров из 51 страны, что означает выход на широкий международный простор далеко за пределами своего региона. CLACSO использует сеть членских организаций для налаживания исследовательской кооперации специалистов разных стран. Кроме того, она нацелена на сочленение общественной науки, её аналитических и концептуальных достижений с государственной практикой, реальной политикой. Имеет статус ассоциированной организации при ЮНЕСКО. FLACSO возник на десятилетие раньше — в 1957 г. Образован представительством 18 государств региона и осуществляет научную работу в 15 странах, сочетая исследовательскую практику с подготовкой кадров высшей квалификации в области общественных наук, занимается издательской деятельностью.

Подводя итог первому этапу становления нашего сектора науки, можно констатировать, что отечественная латиноамериканистика прошла немалый путь. 1950–1960-е годы отмечены уточнением диагноза того, что ассоциировалось с национально-освободительным и антиимпериалистическим движением. Так отдавалась дань идеологическим установкам сверху. Казалось бы, оставалось подверстать латиноамериканскую конкретику под начальственные схемы. Но такой механизм действовал не всегда, оставляя ниши для творческого подхода.

Выступая в самом первом номере журнала, член-корреспондент АН СССР В.В. Вольский, многолетний директор нашего института, с удовлетворением оценил сложившийся к тому времени задел: “Советская латиноамериканистика, — отмечал он, — одна из самых молодых отраслей общественных наук в нашей стране, достигла в последнее время значительного развития”. Причину В.В. Вольский связывал с созданием в системе Академии наук СССР Института Латинской Америки, что “позволило значительно расширить круг рассматриваемых тем, заложить основу для комплексного изучения Латинской Америки” [11, с. 106, 107]. Пользуясь случаем, хотелось бы отдать должное памяти этого маститого учёного. Ему принадлежала ключевая роль в становлении (научном и институциональном) отечественной латиноамериканистики, в формировании её международных связей. Своим нынешним потенциалом, уникальными библиотечными фондами, самой научной школой институт во многом обязан ему, его усилиям на протяжении четверти века — во время его директорства, начиная с 1964 г.

Сегодня мы не вправе обойти вниманием тот определяющий факт, что Кубинская революция стала мощным импульсом для научного осмысления латиноамериканской действительности. После неё в обществоведческую трактовку начали

вноситься коррективы, повышая оценки “революционной зрелости” стран региона. Вполне логично, что в этом контексте советские латиноамериканисты взялись за изучение степени и характера развития капитализма в странах региона. А это, в свою очередь, подтолкнуло к углублённому изучению социальной структуры латиноамериканских обществ, которое в ИЛА масштабно проводилось под руководством А.Ф. Шульговского. В то время доминировали взгляды, отдававшие приоритет категориям зависимости и отсталости. Отсюда выводилась концепция зависимого капитализма, которой придерживались В.В. Вольский, И.К. Шереметьев, Л.Л. Клочковский и их коллеги из числа экономистов ИЛА. В полемику с ними вступили её критики — те, кто считал, что Латинская Америка переросла качество “зависимого капитализма” и её теперь следует характеризовать с позиций “среднеразвитого капитализма”. На этом настаивали В.Л. Шейнис и его коллеги по ИМЭМО. Были и те (и среди них автор этой статьи), кто апеллировал к многовариантности развития стран региона, к тому, что на практике существенные различия в уровне экономического и социального развития отдельных государств региона могут означать преобладание признаков либо первой, либо второй ситуации [12].

Переход из советского в российское время болезненно проявил себя в отечественной науке, не исключая, разумеется, и латиноамериканистику. Как и следовало ожидать, в процессе пресловутой “деидеологизации” усилился крен в прагматику, эмпирический анализ. Правда, значительно расширился тематический диапазон исследований. Вместе с тем восторжествовала методологическая эклектика. В моду вошла компаративистика, которая реагировала на сближение проблематики развития в российской практике и латиноамериканских реалиях. В обстановке резкого сокращения финансирования науки, падения социального статуса учёных, воцарившейся неуверенности в завтрашнем дне происходило неизбежное ослабление публикационной активности. Адаптация к новым условиям достигалась медленно и трудно, фактически затянувшись на полтора десятилетия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Авансируя разговор о современном состоянии латиноамериканистики, мы констатируем её относительную зрелость (и на общемировом фоне, и применительно к отечественной школе). Это не значит, что мы, во-первых, недооцениваем относительность этой зрелости, а во-вторых, не видим ещё непреодоленных слабостей анализа и изъянов в нашем исследовании латиноамериканской действительности.

Принципиально важно то, что современная латиноамериканистика серьёзно продвинулась в освоении глобальной проблематики, имея в виду отражение общемировых процессов в тенденциях развития на региональном и национальном уровнях. В недрах современной латиноамериканистики прозвучали тезисы об асимметричности глобализации, о том, что у неё нет однозначного тренда лишь в сторону унификации экономического и социально-политического пространства. Латиноамериканистика признала возможность и объективность торможения глобализации, а на ряде направлений даже движения вспять. Об этом разработки боливийского учёного и известного политического деятеля Альваро Гарсиа Линеры. В Москве на это отреагировали с пониманием предложенных аргументов [13].

Отечественная латиноамериканистика временно обратилась к арсеналу *цивилизационного подхода* (цивилиографии), плодотворно применив его к особенностям эволюции социально-экономических и социокультурных структур в регионе. В 1990-е годы новаторски прозвучала концепция “пограничной цивилизации” [14, 15]. Затем было обосновано предложение трактовать многовариантность развития латиноамериканских стран с опорой на категорию цивилизационной матрицы [16].

На финале советского времени в ИЛА в работе над долгосрочными прогнозами социально-экономического развития обратились к достижениям длинноволновой теории, к тому, что в конечном счёте реализовалось в концепциях *макроциклической динамики*. Заслуживает особого внимания фундаментальный труд А.В. Бобровникова о цикличности в развитии латиноамериканских экономик [17]. Во-первых, на вековом статистическом материале им было показано и доказано проявление в экономиках ЛКА *длинноволновых перепадов* определённой регулярности. Во-вторых, оценены и охарактеризованы особенности их осуществления в регионе, включая фазовое запаздывание.

Российские латиноамериканисты были среди инициаторов изучения последствий неравномерности мирового развития, усилившейся на рубеже двух веков [18]. Была обоснована объективность появления клуба “восходящих гигантов”. Обращаясь к перспективам перехода к полицентричности, российские латиноамериканисты оценивали шансы вхождения ведущих государств региона в группу новых центров силы и влияния [19].

Рассматривая тему *полицентричности* применительно к сегодняшней конъюнктуре, следует, с одной стороны, признать недооценку нами потенциала противодействия восхождению альтернативных центров “коллективного Запада” и переоценку нашего собственного потенциала. С

другой стороны, мы слишком однозначно воспринимали содержание полицентричности и движение к ней. Речь ведь идёт не только о доминирующих центрах (старых и новых), но и о своего рода субцентрах, региональных державах. Иными словами, речь должна и может идти о своего рода *диверсификации* ведущих протагонистов мировой экономики и мировой политики. Возникновение иерархизированных (эшелонированных) противовесов расширяет диапазон манёвра для малых и средних государств. Правда, иногда этому может препятствовать блоковая структура. Кстати, нынешняя политика Вашингтона, персонифицированная Дональдом Трампом, направлена как раз на то, чтобы перекрыть возможности для реализации шансов маневрирования.

Вполне объяснимо переключение внимания российских латиноамериканистов на *опыт неоллиберальных реформ* в странах региона, раньше нас вступивших в этот трансформационный процесс. И 1990-е годы демонстрируют обильную библиографию по указанной проблематике. Впрочем, интерпретация экономических и социальных реформ 1980–1990-х годов — столь же обязательная тема наших зарубежных коллег на исходе века. Но, разумеется, в ином ракурсе по сравнению с установками российских исследователей. Работа наших зарубежных коллег была нацелена на оценку эффекта, определение издержек и адекватности преобразований национальным условиям конкретных стран. Из подобных разработок вытекали обобщающие трактовки — о *реформах двух поколений*. Первое поколение — преобразования, направленные прежде всего на первичную макроэкономическую стабилизацию, либерализацию (дерегулирование) и приватизацию, второе — на структурную перестройку экономик, адаптацию государства и бизнеса к новым “правилам игры”.

При этом и у нас, и за рубежом произошла своего рода *мистификация “вашингтонского консенсуса”*, который во многих случаях подавался почти что как демиург имперской глобализации. Настолько впечатлил этот образ, это расхожее клише, что все просто забыли о его действительном происхождении. А оно изначально было связано с работой периодического семинара, созывавшегося Джоном Вильямсоном, английским экономистом, осевшим в США, и Педро Пабло Кучинским — перуанским экономистом, впоследствии ставшим президентом Перу, претерпевшим импичмент, а ныне находящимся под арестом, хотя и по мотивам, не имеющим отношения к пресловутому “консенсусу”. На дебаты в рамках вашингтонского семинара слетались “яйцеголовые” из многих стран континента. Они задались целью по итогам дебатов и критического анализа практики “ajuste” (экспериментирова-

ния с различными вариантами выправления экономического механизма, предпринимавшимися в странах ЛКА на протяжении 1980-х годов) сформулировать некую рецептуру развития применительно к изменившимся условиям глобального и регионального порядка. И такой итоговый рецепт, состоявший из десятка рекомендаций, в основе которых оказались дерегулирование экономики и приватизация госактивов, был представлен на очередной встрече в Вашингтоне в 1989 г. [20].

Последнее десятилетие было, несомненно, плодотворным для экономистов ИЛА. Им удалось освоить причины и последствия в ЛКА глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., практику экономической модернизации последнего времени, продвижение по пути формирования в странах ЛКА современной кредитно-банковской сферы, начала перехода на инновационный путь развития, опыт участия латиноамериканских стран в системе ВТО [21–26].

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) назвала 1980-е годы “потерянным десятилетием”. И это соответствует действительности, принимая в расчёт исчерпанность модели импортзамещающей индустриализации, издержки затяжного кризиса внешних расчётов (долгового кризиса), общее расстройство системы экономического воспроизводства, неудачи политики “ajuste”, соответствующую практику проб и ошибок и т.д. Тем не менее указанная формула игнорировала креативный политический процесс того же времени, связанный с демонтажом авторитарных структур и диктаторских режимов, утверждением институтов электорального представительства в большинстве латиноамериканских и карибских государств. И этот процесс стал объектом пристального внимания для многих российских и зарубежных политологов. Осуществление *демократического транзита*, превратности соответствующей институциональной перестройки, освоение электоральных процедур – всё это получило широкое освещение в научной литературе и зарубежными, и российскими латиноамериканистами. Итогом разработки этой проблематики в ИЛА РАН стали монографические издания, выпущенные коллективом Центра политических исследований под руководством М.Л. Чумаковой и З.В. Ивановского [27–29].

В политологической фракции латиноамериканистов время “левого поворота” в регионе (или “левого дрейфа”) не могло не привести к соответствующему развороту в публикационной активности. С одной стороны, в большинстве случаев признано, что этот феномен во многом объясняется превышением порога терпимости низов, а также части средних слоёв относительно завы-

шенных социальных издержек в ходе неолиберальных экспериментов. С другой стороны, признана способность левой политической культуры к циклическому воспроизводству, что произошло удивительно синхронно и вполне объективно после глубокой фрустрации 1990-х годов в силу потери советского ориентира [30, 31]. Немало копий сломано в полемике по поводу реального смысла и реального значения концепции “социализма XXI века”. Её сторонники твёрдо держались в полемике с праволиберальными критиками, но их в конечном счёте подвела собственная практика нахождения у кормила власти.

Весомы результаты в изучении *проблематики безопасности*. Здесь есть все основания говорить о позитивной повестке в практике международной деятельности латиноамериканских и карибских государств. Публикации профессора Б.Ф. Мартынова и его коллег по политологическому цеху констатировали переговорную дееспособность и дипломатическую культуру государств региона в подходах к урегулированию межстрановых конфликтов, в поиске согласованных решений мировых проблем. Иными словами, было заявлено и доказано, что страны ЛКА обладают немалым креативным потенциалом позитивного воздействия и на общемировую, и на собственно внутрирегиональную повестку [32]. К вышеуказанной проблематике примыкает эволюция межамериканской системы. Внимание специалистов ИЛА РАН традиционно привлекалось к тому, каким образом изменение роли и веса США влияет на содержание их отношений с латиноамериканскими соседями. Похоже, время макропроектов, амбициозных доктрин в латиноамериканской политике Вашингтона прошло. Налицо её прагматическое “заземление”. Как подчёркивал профессор В.П. Сударев, попытка развернуться к региону и его ожиданиям на финале мандата Барака Обамы не могла перекрыть дефицит конструктивного сотрудничества на протяжении нескольких десятилетий [33, 34].

На этом фоне вполне объяснимо переключение внимания латиноамериканцев на позиционирование других ключевых протагонистов. Речь, разумеется, должна идти о роли Евросоюза [35], внушительно представляемого в регионе Испанией, о всё более весомом китайском факторе и восходящем тренде в присутствии России и Индии, а также – в последние годы – Турции и Ирана, наведение мостов в страны арабского мира и Юго-Восточной Азии. Короче говоря, практика всё больше указывала на *прогрессирующую диверсификацию* внерегиональных связей стран ЛКА.

Казалось бы, в этих условиях проблематика *внутрирегионального сотрудничества* стала терять позиции в рейтинге научного внимания как в зарубежной, так и в отечественной латиноамерика-

нистике. Возобновление интереса следует связывать со временем “левого поворота”, когда на латиноамериканской авансцене прозвучали инициативы по созданию структур, нацеленных на активизацию регионального и субрегионального взаимодействия, усиление коллективной переговорной мощи, в частности, в контексте стремления к утверждению принципов мультилатерализма, который в известной мере воспринимался в ЛКА как синоним многополярности. Кризис интеграционных образований первого поколения и новообразований, относящихся ко времени “левого поворота”, сопровождался появлением антитезы “открытого регионализма”, противопоставляемого “закрытому” регионализму, что, казалось, соответствовало фазе интенсивной глобализации на мировом уровне [36–39].

Участие исторической науки, особо тесно связанной с преподавательской деятельностью, традиционно было масштабным, охватывая соответствующую тематику ведущих стран региона. Менее значительным представляется внимание к малым странам ЛКА со стороны авторов из самих этих стран и внерегиональных зарубежных исследователей. В отечественной латиноамериканистике особое место заняло завершение издания мону-ментальной пятитомной истории стран региона и переход к углублённому рассмотрению тех государств, которые до сих пор оставались за бортом научного внимания [40–44].

Надо сказать, что *культурологическое поле* в зарубежной латиноамериканистике традиционно было много обширнее отечественного. Вместе с тем в нашем случае отразно отметить постоянно нарастающий арсенал профессиональных знаний в русле изучения основных творческих жанров, что в итоге создавало основу для крупных обобщений, ведущих к пониманию этапности, содержания культурогенеза, эффекта региональной общности и проявлений национальной специфики. Осью исследований культурологов ИЛА РАН, руководимых ныне Н.С. Константиновой, стала разработка темы креативного присутствия культуры в феномене национальной идентичности, её обусловленности всем контекстом развития национальной и в целом латиноамериканской культуры, её общерегиональным синтезом [45, 46].

Особо значимый компонент культурогенеза — литературный процесс, давший мощные всходы в странах ЛКА и оказавший за последний век заметное воздействие на мировую культуру. Именно он чаще всего попадает в фокус внимания исследователей-латиноамериканистов в самом широком географическом диапазоне — от Греции до Норвегии или даже Марокко. Наши литературоведы находятся в авангарде исследований своего профиля, издавая фундаментальные труды по истории латиноамериканских литератур и опираясь

при этом на методологию цивилизационного подхода, позволяющего увидеть и обрисовать поле духовной самобытности латиноамериканских литератур [47–49].

В практике построения исследовательских центров латиноамериканистики разного типа и разной ведомственной принадлежности встречаются два варианта географического расширения сферы действия. В одном случае латиноамериканистика сопрягается с американистикой. Так произошло с парижским институтом, который вошёл в состав объединённого Института Америк при сохранении оперативной самостоятельности. На этот путь его вывел прежний директор, а ныне министр образования в правительстве Макрона Жан-Мишель Бланке. В нашем случае мы пошли “*ибериоамериканским курсом*”, распространив профессиональные интересы на Испанию и Португалию. Логика очевидна: во-первых, ибериоамериканское сообщество с активным (и можно сказать инициативным) участием Испании и Португалии превратилось в значимый фактор современных международных отношений, во-вторых, оба иберийских государства служат своего рода соединительным мостом в отношениях Евросоюза и ЛКА, в-третьих, иберийский компонент — весомая (можно сказать системообразующая) часть цивилизационного облика латиноамериканских обществ. Наконец, сугубо конкретное обстоятельство — наличие в ИЛА кадров, профессионально подготовленных для аналитической работы по проблематике Испании и Португалии. Центр иберийских исследований, действующий под руководством П.П. Яковлева второе десятилетие, акцентировал внимание на опыте демократизации двух стран после десятилетий диктаторского правления, вхождения в интегрированную экономику Евросоюза, на особенностях устройства парламентарной монархии и “государства автономий” в Испании. Во многих публикациях сотрудников центра отдана дань компаративистике — сравнительному анализу проблематики развития иберийских стран и современной России. И делается это на двусторонней основе, имея в виду ежегодный российско-испанский симпозиум, который проводится попеременно в нашей стране и Испании.

Наконец, мы вправе констатировать постоянный мониторинг и систематичность проведения аналитической разработки разнообразной тематики *российско-латиноамериканских отношений*. Библиография по этой тематике традиционно обширна в периодической печати. Отдельными изданиями эта тематика представлена в страновой аналитической серии “Саммит”, выпускаемой нашим институтом последние полтора десятилетия.

НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Сегодня вполне очевидно, что проблематика наших исследований связана прежде всего со всеобщим процессом втягивания мирового сообщества в беспрецедентный (по глубине и охвату) переход, ведущий к смене самой парадигмы и даже кода развития, к иному режиму воспроизводства экономики, общества и международных отношений. Тематика и жанры наших исследований могут различаться, но учёт соответствующего глобального эффекта (в его региональном ракурсе) в любом случае обязателен и, пожалуй, неизбежен.

Усложнение общей картины мира и региона, конечно, потребует внимания к соответствующим глобализационным процессам, но не только к однонаправленным, но и к тем, которые способны вызвать торможение либо даже движение вспять, что уже сказалось на сегодняшней политике североамериканского гегемона, вызвав цепную реакцию протекционизма в других ипостасях и резко осложнив ситуацию на мировом рынке.

Исследования, начатые в ИЛА РАН при подготовке и издании коллективной монографии, посвящённой старту инновационной практики в странах ЛКА, должны приобрести больший масштаб и дополнительный импульс, ориентируясь на технологический императив глобального перехода. Специфика постановки вопросов по этой теме связана прежде всего с осмыслением в ЛКА содержания задач по реализации системного перехода. Ведь по существу речь в данном случае идёт о *переходе в переходе*, о необходимости преобразования укладов новой и прежней (доинформационной) эпохи параллельно и синхронно. И это заслуживает первостепенного внимания в нашей перспективной работе.

В быстроменяющемся геополитическом и политическом контексте региона стратегически (или просто жизненно) важно определить своего рода *общий знаменатель в приоритетах развития*, в ключевых ценностных ориентирах. И эта стержневая задача в условиях возросшего разброса политических предпочтений, спонтанной смены ориентиров массового сознания, наконец, в силу частых искажений в восприятии действительности в духе правоконсервативного популизма будет в ЛКА определять нынешнюю повестку и последующий ход исторического движения, а также возможность достижения сбалансированности действия основных факторов, с одной стороны, и основных общественно-политических сил — с другой.

В этом контексте всё большее признание получает *идея устойчивого развития* [50], но теперь уже не в традиционном понимании — в рамках отношения человека и природы, а в широкой трактовке, охватывающей сферу экономики, общества, культуры (также в широком смысле) и международного сотрудничества. И это именно то, что

может обеспечить прогрессирующее продвижение к поиску консенсуса с минимизацией деструктивных последствий конфронтации. А применительно к самой латиноамериканистике речь идёт о появлении новой концептуальной платформы углубления регионоведческих исследований. При этом опора на многодисциплинарность и междисциплинарность регионоведческого потенциала латиноамериканистики позволит выходить на комплексную разработку перспектив выхода стран региона на траекторию приоритетов устойчивого развития.

Как отмечалось выше, латиноамериканистика активно откликнулась на постановку вопроса о смене биполярного миропорядка ситуацией *полицентричности*. События последних лет убеждают в том, что при сохранении обозначившейся тенденции нет однолинейного движения. Существуют отклонения, вызывающие её торможение либо изменения в повестке взаимодействия новых центров влияния. Как заметил один из наших индийских коллег Самир Сарах, представляющий Observer Foundation (один из известных мозговых центров своей страны), многополярность уже проявила себя на практике, но пока она ещё дисфункциональна. Значит ключевой вопрос в том, чтобы обеспечить её функциональное приложение.

Уместно напомнить ремарку члена-корреспондента РАН О.Н. Быкова, корифея изучения системы международных отношений. Ещё на старте проявления и изучения рассматриваемого феномена он подчёркивал: «Аргументы “за” или “против” многополюсности беспредметны. Нельзя рассматривать международные отношения как податливый материал, которому можно придать ту или иную желаемую форму. Структурное переустройство объективно обусловлено и мало зависит от субъективных политических установок и специфических интересов государств. Нравится или не нравится кому-то многополюсность, на сегодня и на обозримое будущее ей нет альтернативы» [51, с. 538].

Латиноамериканистика, несомненно, будет участвовать в разработке обозначенной темы. Ей есть что сказать по данному поводу не только потому, что в её ареале содержится соответствующий эмпирический материал (по крайней мере, в отношении Бразилии). Сегодня мы более отчётливо понимаем: нельзя представлять феномен наступления полицентричности односложно — лишь как расширение круга доминирующих центров либо как замещение одних центров другими на олимпе глобального регулирования. Практика последних лет указывает на то, что перемещения на “верхних этажах” провоцируют цепные реакции по всей вертикали мировой иерархии, меняя ролевые функции и вовлекая в детерминацию мирового расклада те субъекты, которые не отно-

сятся к категории первой величины. Среди них весомо присутствуют региональные державы. Вместе с тем перестановка, перегруппировка порой существенно увеличивает диапазон манёвра на мировой арене даже для малых государств, выбирающих альтернативные варианты международного сотрудничества. Тем больше шансов у государств, которые попадают в магнитное поле ключевых глобальных процессов либо в осевую полосу противоборства и соперничества основных центров силы.

Политологам, работающим на ниве латиноамериканистики, предстоит сменить пластинку *право-левой дихотомии* и оперировать гораздо более тонким инструментом, улавливающим расклад политических сил и веяний по другим осям. По существу, требуется картина в формате 3D, то есть в трёх измерениях, а значит объёмная, а не плоская. По-видимому, в первом приближении дополнения могут откладываться по шкале авторитаризм — либерализм, а также национализм — интернационализм.

Отходя от интерпретации демократического транзита и прихода к осмыслению превратностей утверждения и вызревания демократической институциональности, мы не должны пренебрегать дефинициями, хорошо понимаемыми латиноамериканцами, но пока слабо воспринимаемыми русским ухом. Речь о различиях, вкладываемых в понятия “dictadura” и “dictablanda”. Наконец, технологии институционального действия в новых условиях, причём при возможности использовать мощные средства информационного влияния, ведут к тому феномену, который в странах ЛКА начали именовать “демокрадурой”, то есть системой власти, при которой под прикрытием демократических процедур (часто с опорой на конституционные нормы) осуществляются авторитарные либо волевые политически мотивированные решения, либо действия, направленные на политическое уничтожение оппонентов. Впрочем, такая метода сегодня широко опробована и в сфере бизнеса. Неслучайно юридические департаменты или подразделения крупных корпораций, отвечающие за лоббирование и, откровенно говоря, коммерческий шпионаж, сегодня часто превосходят другие, традиционно ключевые структуры и по бюджетам, и по используемым кадрам. Всё это невозможно игнорировать и при политологическом анализе, и при изучении экономической практики, имея в виду то, что субъекты этой практики в странах ЛКА становятся жертвами “новой методы”. Обозначенная реальность прямо относится к эффекту “подспудных” процессов, которые рассмотрены выше. Адекватный учёт этих обстоятельств позволяет обеспечить и комплексность, и достоверность нашей диагностики.

Следует признать, что до сих пор латиноамериканистика в большинстве случаев уходила от серьёзного рассмотрения *институциональных аспектов* развития. И дело не только в трактовке институтов как таковых (государства, армии, церкви и т.п.). Негоже вслед за другими повторять расхожие тезисы о слабости институтов в ЛКА и о том, что отсюда проистекает имманентная отсталость [52]. Речь теперь должна идти о другом — о переносе политического противоборства и соперничества в институциональную среду, об императивах её модернизации, адаптации крайне инертного (до сих пор) института государства к условиям грядущего этапа, прежде всего к обществу оцифрованной экономики.

Говорят, новое — хорошо забытое старое. Полагаю, это имеет отношение и к упомянутому сюжету. На предыдущем этапе в латиноамериканистике уделялось большое внимание таким традиционным институтам, как армия и церковь. Существенно изменившийся общественный контекст однозначно ставит вопрос о новом прочтении этой тематики. Немало симптомов того, что вооружённые силы вновь принимают (или вынуждены принимать) роль арбитра при возникновении патовых ситуаций в отношениях противоборствующих сторон. Другой случай — вовлечение высшего офицерства в выполнение управленческих функций в гражданском секторе. Религиозная жизнь в наше время характеризуется отступлением католичества и активизацией протестантских церквей, прежде всего евангелистов, которые, как показывает недавний пример Мексики, Бразилии и Коста-Рики, решительно вступают на тропу политики.

Очевидно, придётся вернуться к теме *социальной стратификации*, в полной мере осознавая существенные изменения в структуре латиноамериканских обществ. Иногда представляется, что, отказываясь от классовой теории, мы с грязной водой выплеснули и ребёнка. Без понимания последних сдвигов в составе социума тщетны усилия по диагностике экономической и политической ситуации, тщетны прогностические построения долгосрочного порядка. В современном контексте изменение механизмов формирования правящих элит, появление в них новых фракций, меняющих внутреннее соотношение сил, — ключевая тема предстоящих исследований, помогающих понять причинно-следственные связи поведения власти или восходящих субъектов внутренней и внешней политики стран региона.

В отечественной латиноамериканистике практически отсутствует *гендерная тематика* и тема защиты прав сексуальных меньшинств, которые охватывают всё больший сегмент публикационной активности за рубежом, в общественных науках вообще и в латиноамериканистике в частно-

сти, в дискуссиях на международных конгрессах и симпозиумах. Можно воздерживаться от этой тематики принципиально, лишая её научного признания, но в любом случае такая позиция (вернее, отсутствие позиции) будет восприниматься как попытка спрятать голову в песок. Думаю, пора вынимать её из песка и понимать, что на самом деле под прикрытием толерантности и политкорректности происходит намеренное отвлечение внимания от социальных противоречий и переключение их на противоречия гендерные, на “героическую” защиту прав ЛГТБ сообщества. И это, увы, всё более характерно для представителей левого лагеря. Похоже они совершили фаустовскую сделку ещё в 1970-е годы, стремясь продемонстрировать свою “прогрессивность”. А тем временем сегодняшние правые, точнее, правые популисты идут в противоположном направлении, берут на вооружение защиту традиционных консервативных ценностей. И в этом всё чаще обнаруживаются совпадения с нашим официальным дискурсом.

Реагируя на смену демографических трендов в их этнорасовом распределении и на рост прецедентов выхода на политическую арену автохтонных народов, российские латиноамериканисты предпринимали разрозненные попытки изучения “индейского вопроса”. Перспектива событий в регионе с неизбежностью будет связана с воспроизводством индейского ренессанса в расширенном масштабе. Отсюда однозначно следует вывод о необходимости подключения к этой теме дополнительных сил и средств. При этом пора, наконец, отказаться от стереотипа “индейцы” применительно к десяткам этносов со своими языками, традициями, верованиями, среди которых мощные многомиллионные народы — кечуа, майя, аймара, гуарани. И вместе с тем придётся выйти из антропологического или этнологического круга, чтобы адекватно представить их современное бытие, специфику включения в общий социум, национальную экономику и даже в международные отношения.

Наверное, в дальнейшем нам не уйти от погружения в изучение “подспудных” процессов. Специалисты ИЛА РАН уже имеют немалый задел. И выше упомянут выход в свет монографии, посвящённой экспансии и транснационализации оргпреступности на латиноамериканской почве [53]. Но спектр подспудных процессов и факторов шире. Понимая, что “подспудные” процессы обретают всё большую способность корректировать процессы “надспудные” (формализованные и видимые), придётся обратить на них систематическое внимание. Уж если мы хотим достоверности для нашего общего диагноза.

Как хорошо видно, в статье представлена картина развития латиноамериканистики в темати-

ческом ключе или же с позиции ориентации на ту или иную проблематику. В этом случае за рамками внимания остались страноведческие исследования, которые составляют весомую часть общего достояния современной латиноамериканистики. О её весе говорит библиография многих лет, по существу полувековая. Но эта область нашей работы, да простят меня коллеги, плодотворно занимавшиеся страновой проблематикой, требует отдельного описания. Уверен, что и она найдёт своих профессиональных комментаторов в обзорной перспективе.

Полагаю, что на пути тематического и концептуального обновления латиноамериканистика сможет существенно нарастить свой вклад в совокупную копилку общественных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка. М.: Наука, 2018.
2. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. М.: Политическая энциклопедия, 2019.
3. Шестопал А.В. Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М.: Мысль, 1974.
4. Шестопал А.В. Леворадикальная социология Латинской Америки. Критика основных концепций. М.: Мысль, 1981.
5. Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. М.: Наука; ИЛА АН СССР, 1976.
6. Современные идеологические течения в Латинской Америке / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. М.: Наука, 1983.
7. Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма: Очерки социально-экономического развития. М.: Наука, 1991.
8. Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии. Феномен поставторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России. В 2-х томах. М.: ИЛА РАН, 1994.
9. Добренков В.И., Кравченко А.И. Латинская Америка: метрополия и периферия мировой социологии // Латинская Америка. 2018. № 5. С. 39–52.
10. Foro Mundial “El aporte de Latinoamérica al universo del siglo XXI”. Guía general. FIEALC-ILA de ACR. Moscú, 2001.
11. Анкета ЛА-69 // Латинская Америка. 1969. № 1. С. 106–108.
12. Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке? // Латинская Америка. 1979. № 1–2. С. 53–101.
13. Гарсиа Линера А. Глобализация мертвца. Магистральная лекция А. Гарсиа Линеры на конгрессе FIEALC. Белград, 2017 // Латинская Америка. 2017. № 6. С. 28–32.

14. *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
15. *Шемякин Я.Г.* И вновь о Латинской Америке, одновременно единой и многообразной // Латинская Америка. 2017. № 3. С. 5–14.
16. *Давыдов В.М.* Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН, 2006.
17. *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М.: ИЛА РАН, 2004.
18. *Давыдов В.М., Бобровников А.В.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М.: ИЛА РАН, 2009.
19. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН; Весь Мир, 2011.
20. *Давыдов В.М.* Эффект адаптационного реформирования. От Латинской Америки к России. М.: ИЛА РАН, 2003.
21. Латинская Америка на пути экономической модернизации / Отв. ред. Л.Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2013.
22. Латино-Карибская Америка в контексте глобального кризиса / Отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, 2012.
23. Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 22. М.: ИЛА РАН, 2012.
24. *Холодков Н.Н.* Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы. М.: ИЛА РАН, 2009.
25. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна в ВТО / Отв. ред. Л.Л. Клочковский. М.: ИЛА РАН, 2008.
26. Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки / Отв. ред. Л.Н. Симонова. М.: ИЛА РАН, 2017.
27. Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама / Отв. ред. З.В. Ивановский. М.: ИЛА РАН, 2015.
28. *Ивановский З.В.* Латинская Америка: электоральное законодательство и властные структуры. Справочник. М.: ИЛА РАН, 2014.
29. Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х томах / Отв. ред. М.Л. Чумакова. М.: ИЛА РАН, 2009.
30. “Левый поворот” в Латинской Америке / Отв. ред. В.П. Сударев. М.: ИЛА РАН, 2007.
31. *Окунева Л.С.* “Левый поворот” и демократия в Латинской Америке // Международные процессы. 2009. № 1. С. 43–53.
32. Сила права или право силы / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН, 2004.
33. *Сударев В.П.* Латинская Америка в геополитическом треугольнике США – Китай – ЕС // Латинская Америка. 2015. № 4. С. 4–13.
34. *Сударев В.П.* Вашингтон в поисках новых подходов к Латинской Америке // Международная жизнь. 2016. № 3. С. 47–57.
35. *Тайар В.М.* Евросоюз – Латинская Америка: контуры межрегионального партнёрства в XXI веке // Современная Европа. 2015. № 2. С. 72–84.
36. *Лавут А.А.* Выход США из Транстихоокеанского партнёрства и перспективы латиноамериканской региональной интеграции // Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. М.: ИЛА РАН, 2017.
37. *Лавут А.А.* Региональное сотрудничество в области инновационного развития // Возможности и пределы инновационного развития. М.: ИЛА РАН, 2017.
38. *Разумовский Д.В.* Латиноамериканская интеграция выходит в мир. Перспективы для России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 82–91.
39. *Разумовский Д.В.* Торговое сотрудничество Латинской Америки с внерегиональными партнёрами // Латинская Америка. 2016. № 3. С. 5–21.
40. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX в. / Отв. ред. Н.М. Лавров. М.: Наука, 1991.
41. История Латинской Америки. 70-е годы XIX в. – 1918 год / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 1993.
42. История Латинской Америки. 1918–1945 / Отв. ред. Н.П. Калмыков. М.: Наука, 1999.
43. История Латинской Америки. Вторая половина XX века / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2004.
44. История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков / Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2010.
45. Ибероамериканская культура: инновационные процессы и государственная культурная политика / Отв. ред. Н.С. Константинова. М.: ИЛА РАН, 2014.
46. Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX – начале XXI веков / Отв. ред. Н.С. Константинова. М.: ИЛА РАН, 2011.
47. *Iberica Americans.* Механизмы культурообразования в Латинской Америке. Сборник статей / Отв. ред. В.Б. Земсков. М.: Наука, 1994.
48. *Гирин Ю.Н.* Поэтика сверхпредельности: к интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. СПб.: Алетейя, 2008.
49. *Кофман А.Ф.* Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997.
50. Horizons 2030. Equality at the Centure of Sustainable Development. Thirty-sixth session of ECLAC. Mexico City, May 23–27, 2016.
51. *Быков О.Н.* Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М.: Наука, ИМЭМО РАН, 2003.
52. *Fukuyama F.F.* Falling Behind: Explaining the Development Gap between Latin America and the United States. N.Y.: Oxford University Press, 2008.
53. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН; Весь Мир, 2017.

ИРАН НА МИРОВОМ РЫНКЕ НЕФТИ¹

© 2020 г. С. В. Жуков^{а,*}, О. Б. Резникова^{а,**}

^аИнститут мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, Москва, Россия

*E-mail: zhukov@imemo.ru

**E-mail: rezxana@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.06.2020 г.

После доработки 07.08.2020 г.

Принята к публикации 18.08.2020 г.

Иран является четвёртым крупнейшим держателем запасов нефти в мире, издержки добычи иранской нефти сравнительно невысоки. Динамика нефтедобычи имеет ярко выраженный циклический характер, и заданы эти циклы экзогенными для нефтяного сектора политическими факторами. Пик был достигнут в 1974 г., с тех пор доля Ирана в мировой нефтедобыче снижается. Авторы показывают, что в череде мощных экзогенных шоков сильное негативное влияние на динамику добычи иранской нефти оказывают односторонние и многосторонние санкции. Долгосрочные отрицательные эффекты санкций существенно превосходят краткосрочные. В решающей мере из-за санкций технологический уровень иранского нефтяного сектора остаётся крайне низким. Глобальные энергетические компании и банки отказываются от сотрудничества с иранскими контрагентами из-за того, что расширяющаяся практика экстерриториального применения санкций США превратила иранские углеводороды в “токсичный актив”. Продолжающие же импортировать иранскую нефть в условиях санкций страны АТР получили возможность устанавливать выгодные для них условия контрактов. Иранская нефть закупается с ценовым дисконтом, за ограниченно конвертируемые и/или неконвертируемые валюты, нередко в обмен на встречные бартерные поставки товаров. В условиях ускоряющейся гонки монетизации углеводородных запасов и приближения глобального пика спроса на нефть возрастает вероятность, что значительная часть коммерчески конкурентоспособной иранской нефти останется в недрах.

Ключевые слова: Иран, мировой рынок нефти, санкции, иностранные инвестиции, технологический уровень, контракты обратного выкупа, новый тип нефтяного контракта, США, Евросоюз, Китай.

DOI: 10.31857/S0869587320110110

ЖУКОВ Станислав Вячеславович — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. РЕЗНИКОВА Оксана Бениаминовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Иран — одна из самых старых нефтяных стран мира. Нефтяной сектор этой страны создан с нуля иностранным капиталом. Первая концессия на поиск нефти была заключена в 1872 г., а первая нефть обнаружена в 1908 г. Коммерческая добыча началась в 1913 г. С середины 1930-х годов доходы от экспорта нефти стали играть важную роль в формировании бюджета. В 1951 г. Иран вторым после Мексики национализировал нефтяную промышленность. Однако фактический контроль над разработкой и добычей нефти через национальную государственную компанию *National Iranian Oil Company (NIOC)* был установлен только в 1974 г. По доказанным запасам нефти в 2017 г.

¹ Статья перепечатывается из журнала “Мировая экономика и международные отношения” (2019. № 11. С. 26–37).

Рис. 1. Динамика нефтедобычи в Иране: объём (тыс. барр. в день) и доля в мировой добыче (%)
 Источники: составлено и рассчитано по [3–5].

Иран занимал четвёртое место в мире после Венесуэлы, Саудовской Аравии и Канады [1], а издержки её добычи, как и в Саудовской Аравии, самые низкие в мире [2]. Выгодное географическое положение в принципе позволяет поддерживать масштабный нефтяной экспорт на все основные мировые рынки. При этом динамика нефтедобычи имеет ярко выраженный циклический характер, что обусловлено экзогенными политическими факторами.

ЭКЗОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ И ЦИКЛЫ ДИНАМИКИ НЕФТЕДОБЫЧИ

Начиная с 1913 г. добыча нефти в Иране поступательно росла с перерывом на начальный период Второй мировой войны, спровоцировавшей дезорганизацию мировых нефтяных потоков. К 1950 г. добыча достигла почти 665 тыс. барр. в день, или 6.4% мировой нефтедобычи (рис. 1). Форсированная радикальная национализация нефтяного сектора, проведённая правительством Мосаддыка в 1950 г., была встречена западными компаниями в штыки, и в 1951–1953 гг. добыча нефти в Иране снизилась до нулевых отметок. Возобновление взаимодействия с международными компаниями произошло после свержения Мосаддыка. На уровень 1950 г. нефтедобыча вернулась в 1957 г.

С середины 1960-х годов в шахском Иране началась реализация политики ускоренной модернизации сверху, которая получила дополнительный импульс в 1974 г. Опираясь на умеренный национализм в рамках концепции “великой иранской цивилизации”, шах поставил стратегическую цель трансформировать Иран к концу XX в. в пятую ведущую промышленную державу мира [6]. Финансовую основу должны были составить доходы от экспорта нефти. Иран форсировал её

добычу, выступал ценовым ястребом в ОПЕК, стал одним из инициаторов шока 1973/1974 гг. Опора на западные технологии позволила ему по объёму нефтедобычи выйти на четвёртое место в мире после Советского Союза, США и Саудовской Аравии (в 1974 г. добывалось 6 млн барр. нефти в день, то есть 10.3% мировой добычи).

Как и в большом числе развивающихся стран, политика модернизации сверху, опиравшаяся на авторитарную власть, поддерживаемую ведущей партией, государственными компаниями и централизованным планированием в форме пятилеток, провалилась. Во-первых, невозможно быстро и органично трансформировать отсталое традиционное общество посредством запущенных и подстёгиваемых сверху процессов урбанизации и индустриализации. Во-вторых, форсированная импортозамещающая индустриализация вела к усилению зависимости национальной экономики от импорта и соответственно требовала вливания нефтедолларов в возрастающих масштабах.

В Иране провал модернизации принял радикальные формы. В 1978–1979 гг. там произошла исламская революция, была введена парламентская теократия. Всю полноту власти сосредоточил в своих руках “великий аятолла”. Заключённые ранее нефтяные договоры были аннулированы, а нефтяной сектор и запасы углеводородов национализированы.

Массовые социально-экономические и политические протесты, предшествовавшие Исламской революции, запустили новый цикл снижения нефтедобычи. Революционные эксцессы в нефтяном секторе — переход в новые руки контроля над управлением и финансовыми потоками, избавление от старых профессиональных кадров и т.п. — усилили производственный спад. Дополнительно его резко подтолкнула начавшаяся

ся в 1980 г. ирако-иранская война. В ходе боевых действий обе стороны начали танкерную войну в Персидском заливе, что поставило под угрозу уже мировую нефтедобычу и торговлю нефтью. Для предотвращения эскалации танкерной войны США, которые в том конфликте поддерживали Ирак, разрушили ряд иранских нефтяных экспортных терминалов [7]. Восстановление нефтедобычи началось только в 1989 г. В дальнейшем возрастающее влияние на её динамику стали оказывать санкции США и мирового сообщества.

ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОГО РЫНКА НЕФТИ

Политические, экономические и идеологические процессы, развернувшиеся в Иране в 1970-е годы, наряду с другими факторами, стали мощным катализатором тенденций, которые в достаточно короткие сроки привели к формированию современного мирового рынка нефти. Противостояние между ОПЕК, где Иран в тот период играл одну из центральных ролей, и западными нефтяными компаниями в вопросах контроля над запасами углеводородов, их добычи, цен и распределения доходов от их экспорта выдвинули на передний план проблему безопасности предложения нефти.

Перевоороты и революции, конфликты и войны на Ближнем Востоке, в том числе между странами-нефтеэкспортёрами, обнажили критическую зависимость мировой экономики от импорта нефти из ограниченного круга государств. Образование в Иране идеократического государства, противопоставившего себя на ценностном уровне как Западу, так и Востоку, дополнительно повысило значимость безопасности предложения нефти на глобальном уровне. Неслучайно обсуждение проблематики энергетической безопасности, наряду с проблемами инфляции и перестройки мировой финансовой системы, конституировало образование в 1975 г. такого политического формата, как G7 [8].

Установившиеся в результате ценовых шоков 1970-х годов высокие цены на нефть стимулировали развитие её добычи вне традиционных центров, в том числе в Северном море. Уход с мирового рынка значительных объёмов иранского сырья открыл рыночные ниши для конкурентов. Диверсификация мировой нефтедобычи за счёт новых стран и территорий, а также наращивание импорта нефтепродуктов и нефти из Советского Союза позволили повысить надёжность её предложения.

Столь же важное значение имело развитие спотового рынка нефти в зоне портов Роттердама, Антверпена и Амстердама, а также запуск фьючерсных контрактов на сырую нефть на бир-

жах Нью-Йорка и Лондона в 1983 г. и 1986 г. После короткой борьбы Саудовской Аравии, которая пыталась сохранить контроль над механизмом формирования цены нефти на основе нетбэка, механизм ценообразования на сырую нефть оказался в руках ведущих западных компаний, бирж и банков.

НЕФТЯНОЙ СЕКТОР В УСЛОВИЯХ ЛАТЕНТНОГО САНКЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ США: 1980–2004 гг.

Первые экономические санкции в отношении Ирана были введены США ещё в 1979 г. В ответ на захват американского посольства в Тегеране администрация Дж. Картера запретила импорт иранской нефти и заморозила иранские вклады в американских банках. Параллельно США последовательно развивали и ужесточали санкционный режим в отношении иранского нефтегазового сектора. Импорт иранских энергоносителей был окончательно запрещён в 1985 г. С середины 1990-х годов после принятия закона о санкциях в отношении Ирана и Ливии они приобрели систематический характер [9]. С 1995 г. американским компаниям запрещена торговля иранскими энергоносителями на рынках третьих стран, с 1999 г. запрещены своп-сделки с иранской нефтью, а инвестиции в нефтегазовый сектор ограничены 20 млн долл. С 1996 г. в отношении партнёров Ирана в нефтегазовом секторе США применяют экстерриториальные санкции [10, 11].

Если исключить потерю рынка Северной Америки, то вплоть до середины 1990-х годов санкции не оказывали сколько-нибудь ощутимого влияния на работавший по инерции нефтяной сектор Ирана. В середине 1990-х Иран столкнулся с необходимостью поддержать развитие и модернизацию нефтегазового сектора и смягчил курс на экономическую автаркию. В 1998 г. правительство подготовило программу привлечения иностранных инвестиций в несколько десятков нефтегазовых проектов [12].

Иностранным инвесторам был предложен контракт обратного выкупа. В отличие от стандартных соглашений о разделе продукции, заключаемых на 25–30 лет, по такому контракту сразу же после начала добычи иностранный инвестор передаёт проект под контроль национальной государственной нефтяной компании *National Iranian Oil Company (NIOC)*. Иностранная компания ежегодно получает оговорённые в контракте фиксированные платежи, зависящие от понесённых издержек, уровня добычи и согласованной нормы прибыли [13].

Во второй половине 1998 г. в Иран начали возвращаться западные нефтяные компании, но в очень ограниченных масштабах. Первый кон-

Рис. 2. Динамика цены Brent (долл./барр.) и доходов Ирана от экспорта нефти (млрд долл.)
Источники: [1, 3, 15].

тракт обратного выкупа заключила американская *ConocoPhillips*, однако санкционный режим запрещал инвестиции в иранский нефтегазовый сектор, поэтому контракт был аннулирован. Сменившая *ConocoPhillips* французская *Total* получила на это разрешение от США, что открыло иранский нефтегазовый сектор для европейских компаний, включая *Royal Dutch Shell*, *Elf* и *AGIP* [9, 13].

Практически весь прирост добывающих мощностей в 1 млн барр. в день в 1998–2005 гг. связан с контрактами обратного выкупа [13]. Даже скромный приток извне иностранных инвестиций и технологий способствовал росту добычи. Перераспределение доходов от экспорта нефти в пользу других секторов и отраслей экономики, а также социальной сферы позволило Ирану создать по региональным меркам сравнительно крупную, достаточно развитую и диверсифицированную экономику [14]. Ведущие позиции в экономической структуре заняли промышленность и социальные услуги, образование и здравоохранение. Правда, относительно современная обрабатывающая промышленность и сфера услуг функционируют в системе специфических абсолютных и относительных цен, которые оторваны от объективной рыночной основы.

Современную иранскую экономику можно отнести к семейству командно-административных систем, в которых многие отрасли промышленности, включая военно-промышленный комплекс, поддерживаются за счёт перераспределения доходов от экспорта нефти. Чем крупнее и более диверсифицированной становится такая хозяйственная система, тем больше требуется свободно конвертируемой валюты для её поддержания. Теократическому Ирану удалось реализовать программу, проваленную шахским режимом. При реализации промышленной политики используется, хотя и в иной идеологической оболочке, инструментарий, который был заложен в годы монархии: государственная монополия на добычу и экспорт углеводородов, централизован-

ное планирование, предполагающее концентрацию ресурсов от экспорта нефти в бюджете и институтах развития для финансирования масштабных инвестиционных программ.

ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВ ЗАПАДНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ: 2005–2012 гг.

Два фактора стимулировали развитие такой экономической системы в Иране с середины 2000-х годов. Во-первых, в 2003 г. начала быстро расти мировая цена нефти. Среднегодовая цена барреля Brent, которая в 2002 г. составляла около 25 долл., уже в 2005 г. превысила 50 долл., а в 2011 г. достигла 100 долл. На все страны-нефтеэкспортёры пролился “золотой дождь” нефтедолларов. В Иране доходы от экспорта нефти после длительного периода стагнации с 2003 г. впервые превзошли уровни второй половины 1970-х годов, несмотря на более низкие абсолютные показатели добычи (рис. 2). В 2003–2013 гг. Иран ежегодно получал от экспорта нефти 66.5 млрд долл.

Во-вторых, в середине 2000-х годов к власти в Иране пришли представители новых политических сил. Считается, что после завершения войны с Ираком и смерти аятоллы Хомейни в 1989 г. в Иране с переменным успехом идёт борьба двух основных направлений развития. Группировки, представляющие первое направление, относительно прагматичны, в большей мере руководствуются экономическим рационализмом, поддерживают развитие элементов политической демократии, нацелены на большую открытость страны и экономический диалог с Западом. Политические группировки второго направления исповедуют экономический иррационализм, они опираются на исламские и традиционные ценности, проводят агрессивную региональную политику и нацелены на усиление конфликтности в отношениях с США и Израилем [16].

Президентом Ирана в 2005 г. был избран выходец из Корпуса стражей исламской революции (КСИР) М. Ахмадинежад. За два срока его прав-

Таблица 1. Контракты и соглашения о намерениях на разработку новых крупнейших месторождений Ирана, подписанные в 2005–2013 гг.

Месторождение	Извлекаемые запасы, млрд барр.	Консорциумы и компании-разработчики
South Azadegan	6–7	2004: NIOC (25%), Inpex (Япония) (75%) — разорван
North Azadegan		2011: контракт NIOC с CNPC (Китай) — отозван, затем восстановлен
Yadavaran	3.2	2007: контракт с Sinorec (Китай)
Zagheh	3	2011: предварительное соглашение с “Татнефть” (Россия)
South Yaran	2	Petroleum Engineering and Development Company
North Yaran		Persian Energy
Azar	2.5	Иранские компании
South Pars (нефтяной слой)	1.3	Pedco
Bushgan, Kuh-e-Kaki, Kuh-e-Mond	1.1	В 2014 г. отменены декларации о намерениях с российскими и украинскими компаниями

Составлено авторами по данным мировой бизнес-периодики.

ления (2005–2013 гг.) представляемая им группа интересов отодвинула от властных рычагов более рациональную бюрократию. В частности, контроль над министерством нефти, *NIOC* и нефтяными добычными проектами в значительной мере перешёл к военно-хозяйственным структурам КСИР [17, 18]. Говоря словами Ахмадинежада, он отодвинул “нефтяную мафию” [19].

Уже к середине 2000-х годов возникла угроза снижения мощностей по добыче нефти до менее 3 млн барр. в день. Ирану остро требовались современные технологии и инвестиции, которые можно было получить только от европейских компаний. Однако политико-экономические факторы блокировали расширение сотрудничества с ними. Новая правящая и господствующая группировка выступила против расширения доступа западных компаний в нефтяной сектор [19]. Ставка была сделана на расширение сотрудничества с компаниями Китая (табл. 1). Взаимодействие с Китаем рассматривалось не только как экономическая, но и как геополитическая альтернатива сотрудничеству с Западом. В сектор нефтедобычи также устремились квазичастные национальные компании, зачастую тесно связанные с КСИР.

“Золотой дождь” нефтедолларов позволял какое-то время не обращать внимания на нарастающую неэффективность нефтяного сектора и экономики в целом. Значительные ресурсы были при этом направлены на ядерную и ракетную программы, что обострило отношения Ирана с международным сообществом. Возрастающий риск

появления у Ирана ядерного оружия и стал причиной введения в отношении этой страны скоординированных санкций США и Евросоюза.

ШОК САНКЦИЙ США И ЕВРОСОЮЗА: 2012–2015 гг.

С 2003 г. европейские страны предприняли усилия по вовлечению Ирана в диалог по ядерной и ракетной проблематике. Несмотря на ряд промежуточных успехов, эти попытки в конечном счёте не дали результата [20]. Ядерная программа Ирана стала предметом внимания ООН. Совет Безопасности ООН принял несколько резолюций по Ирану — № 1737 (2006 г.), № 1747 (2007 г.), № 1803 (2008 г.) и № 1929 (2010 г.) — с требованием остановить программу по обогащению урана и пойти на сотрудничество с МАГАТЭ, а также остановить работы по баллистическим ракетам [21]. Иран призывы Совета Безопасности проигнорировал.

С 1 июля 2012 г. США ввели санкции против всех организаций, сотрудничающих с центральным банком Ирана [22], а Евросоюз запретил импорт иранской нефти [23]. Санкции перешли в новую качественную фазу. Ранее санкционный режим максимально ограничивал приток в иранский нефтегазовый сектор иностранных инвестиций и технологий, а также закрывал для Ирана североамериканский рынок. С 2012 г. к этому добавились эмбарго на нефтяной экспорт в страны Евросоюза и попытки ограничить возможности для иранского нефтяного экспорта в глобальном

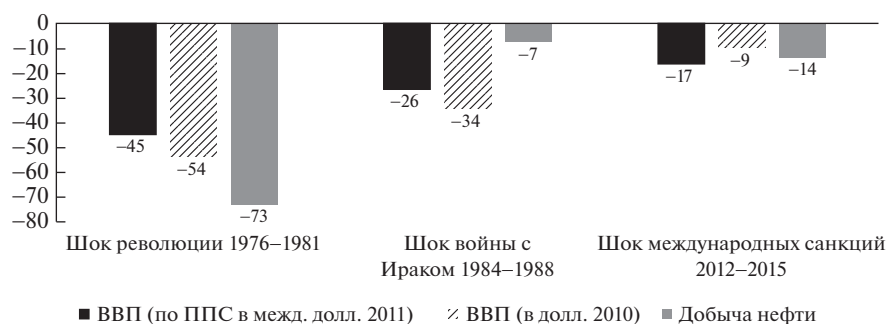

Рис. 3. Иран: снижение добычи нефти и среднедушевого ВВП в результате экзогенных шоков, %
 Источники: рассчитано по [15, 26–29].

масштабе. Прямой запрет на транспортировку, покупки и обеспечение платежей по операциям с нефтью с использованием доллара для компаний третьих стран существенно сузил экспортные возможности страны. К этому добавились санкции по линии Общества всемирных межбанковских каналов связи (SWIFT), которое отключило от системы обслуживания находящиеся под санкциями иранские банки [24]. В сентябре 2012 г. Министерство финансов США признало *NIOC* аффилированным лицом или агентом КСИР [25].

Скоординированные американские, европейские и международные санкции болезненно сказались на иранской экономике. Добыча нефти в Иране снизилась в 2012–2015 гг. на 14%, а среднедушевой ВВП в зависимости от системы измерений – на 9–17% (рис. 3). При этом шок от санкций оказался много мягче в сравнении с шоками Исламской революции и войны с Ираком. Во многом это объясняется быстрой реакцией иранского руководства на нарастание экономических проблем.

Столкнувшись с существенными экономическими трудностями, вызванными санкциями, Иран пошёл на переговоры с международным сообществом в лице пяти стран – членов Совета Безопасности ООН и Германии. После длительных переговоров 14 июля 2015 г. международная шестёрка достигла с Ираном соглашения по ядерной программе последнего. По Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД), вступившему в силу в октябре 2015 г., Иран взял на себя обязательства ограничить ядерную деятельность и поставить её под контроль МАГАТЭ.

Снятие с Ирана санкций проходило постепенно по мере прогресса переговоров, начиная с января 2014 г. Так, уже в ноябре 2014 г. были приостановлены санкции США в отношении компаний третьих стран, которые ограничивали закупки нефти и нефтепродуктов у Ирана. Тегеран подтвердил 16 января 2016 г. выполнение обязательств по СВПД о постановке своей ядерной деятельности под контроль МАГАТЭ. В тот же день были отменены вторичные санкции США,

касавшиеся иностранных фирм и зарубежных филиалов американских компаний. В октябре того же года были разрешены долларовые сделки между Ираном и офшорными банковскими учреждениями при условии, что они проводятся вне американской финансовой системы.

Вместе с тем все санкции, запрещающие или ограничивающие физическим и юридическим лицам США бизнес с нефтегазовым сектором Ирана, остались в силе. Для восстановления предшествовавшего санкциям уровня среднедушевого ВВП Ирану потребовалось 5–6 лет.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АВТАРКИИ

Нефтяной сектор Ирана развивается под санкционным давлением на протяжении почти четырёх десятилетий. Можно выделить три его главных негативных последствия: 1) нарастающая технологическая отсталость; 2) слабая географическая диверсифицированность экспорта нефти; 3) “токсичность” иранских нефтяных компаний и запасов углеводородов для зарубежных партнёров.

До второй половины 1970-х годов нефтегазовый сектор страны отличался достаточно высоким технологическим уровнем. Ведущие мировые нефтегазовые компании тестировали на местных месторождениях методы закачки ассоциированного газа в нефтяной пласт, компьютерное моделирование месторождений, сейсморазведку в формате 2D и другие передовые технологии. В настоящее время, по признанию иранских специалистов, нефтяной сектор Ирана по технологическому развитию находится на уровне конца 1970-х – начала 1980-х годов [30]. Средний возраст оборудования в секторе добычи превышает 40 лет, нефтепроводов – 35 лет [31]. Более 70–80% добычи обеспечивают старые отработанные месторождения, для поддержания их работы требуются значительные дополнительные инвестиции [32].

Устаревшие технологии не позволяют эффективно использовать даже методы закачки воды и газа в пласт, что в конечном счёте является причиной низкого извлечения нефти. По оценкам, коэффициент извлечения нефти в Иране на 10 процентных пунктов ниже усредненного мирового показателя и составляет около 25% [33].

В результате санкций Иран с 1980 г. лишился возможности экспортировать нефть в Северную Америку. Две трети его нефтяного экспорта приходится на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, причём в период действия европейских санкций в 2012–2015 гг. туда направлялось почти 90% поставок (табл. 2). Почти половина экспортной нефти поставляется всего в две страны — Китай и Индию.

Критическая зависимость от ограниченного числа потребителей снижает экономические выгоды при экспорте нефти. Нефтеимпортёры, руководствуясь своими интересами и пользуясь тяжёлым положением поставщика, получают возможность продавливать выгодные для себя условия контрактов [34–36]. Иранская нефть закупается за ограниченно конвертируемые и/или неконвертируемые валюты, нередко в обмен на встречные поставки товаров. Иран вынужден предоставлять ценовые скидки на свою нефть и соглашаться на отсрочку платежей. Так, в 2012–2015 гг. Китай и Индия импортировали иранскую нефть по бартерным сделкам за юани и рупии.

Наконец, санкции США превратили иранскую нефть и иранские нефтяные компании в “токсичные активы”. Несмотря на коммерческую привлекательность участия в иранских нефтегазовых проектах, западные компании, учитывая риски попадания под вторичные санкции США, предпочитают отказываться от участия в них.

Расчёт на то, что западные инвестиции и технологии будут компенсированы приходом китайских, российских и индийских компаний, не оправдался. К концу 2018 г. о сворачивании иранских проектов заявила *CNPC* [37]. “*Зарубежная нефть*” продала оператора проектов по добыче нефти в Иране предприятию, принадлежащему Министерству энергетики РФ [38]. Логика действий иностранных компаний понятна. Будучи глобальными игроками, активно использующими возможности основанной на американском долларе мировой финансовой системы, они взвешивают риски работы с иранскими активами в рамках своего глобального портфеля. В иранском истеблишменте есть понимание иллюзорности ставки на Китай в противостоянии с США и Западом. Китай, как и Индия, Турция и Россия, не намерен рисковать своими экономическими интересами и отношениями с другими странами [39].

Таблица 2. Иран: региональная структура экспорта нефти, %

	2011	2014–2015 (санкции)	2017
Северная Америка	0	0	0
Евросоюз	24	...	25
АТР	63	88	65
в том числе			
Япония	13	18	7
Южная Корея	9	12	14
Китай	22	39	25
Индия	13	18	19
Прочие страны АТР	6	1	...
Прочие	13	12	10
Турция	8	12	10
Южная Африка	3
Всего	100	100	100

Рассчитано по: [10].

ШОК САНКЦИЙ США: 2018–2019 гг.

С приходом в США к власти новой администрации в 2017 г. американская политика в отношении Ирана претерпела принципиальную трансформацию. Президент Д. Трамп считает, что СВПД не позволило остановить иранскую программу развития баллистических ракет, к тому же Иран использует экспортные доходы от нефти для финансирования военной экспансии в Сирии, Ираке, Ливане и Йемене. В мае 2018 г. США вышли из соглашения и с ноября восстановили режим санкций в отношении нефтегазового сектора и экономики Ирана в целом. Под нажимом США ввести санкции против иранских банков было вынуждено руководство SWIFT [40].

Санкции охватывают широкий спектр производственных отраслей и финансовый сектор Ирана. Их цель — свести к минимуму приток свободно конвертируемой валюты в экономику страны, без чего она не может нормально функционировать, а также блокировать иностранные инвестиции в нефтегазовые проекты. Для избежания резкого скачка цены нефти перед введением санкций 8 стран — Греция, Италия, Турция, Китай, Индия, Южная Корея, Япония и Тайвань — получили временные разрешения на импорт иранской нефти сроком на 180 дней [41].

Другие участники СВПД не поддержали политику США. Однако предложить Ирану действен-

ные экономические механизмы, позволяющие осуществлять импорт иранской нефти и инвестиции в иранский нефтегазовый сектор, они оказались не в состоянии. Особняком стоит Китай, который продолжает импортировать иранскую нефть. Китайские государственные нефтяные компании предложили иранской стороне новый формат инвестиционного взаимодействия в нефтегазовой сфере. Они, во-первых, заинтересованы в получении так называемой долевой нефти, под импорт которой рассчитывают получить разрешения США, что предполагает участие в акционерном капитале; во-вторых, настаивают на полной самостоятельности при закупках нефтегазового оборудования; в-третьих, полагают, что компенсация издержек по инвестициям должна осуществляться сразу же после монтажа оборудования.

В январе 2019 г. вторая крупнейшая государственная нефтяная компания Китая *Sinopet* заявила о готовности инвестировать на таких условиях 3 млрд долл. в освоение гигантского нефтяного месторождения *Yadavaran* [42]. Для Ирана, который не допускает иностранные компании к контролю над запасами углеводородов и контролирует операционную деятельность в нефтяных проектах, включая инвестиционную политику компаний, принятие таких условий сотрудничества означало бы радикальный отход от прежних позиций.

Евросоюз решил придерживаться положений СВПД до тех пор, пока достигнутые договорённости соблюдает Иран. Для защиты европейских компаний, ведущих бизнес с Ираном, было решено активировать так называемый блокирующий статут, который запрещает компаниям ЕС выполнять экстерриториальные санкции США, позволяет европейским компаниям получать компенсацию за ущерб, полученный в результате таких санкций, и аннулирует любые судебные решения по исполнению санкций США на территории Евросоюза.

Ведущие страны Евросоюза — Германия, Франция и Великобритания — объявили о создании Инструмента для поддержки торговых обменов, механизма специального назначения (*Instrument for Supporting Trade Exchanges, A Special Purpose Vehicle, INSTEX, SAS*) для обеспечения торговли между Евросоюзом и Ираном [43]. Через INSTEX планируется поддерживать торговлю лекарственными препаратами, медицинской техникой и продовольствием, то есть товарами, которые не попадают под действие американских санкций. Расчёты Ирана на то, что Евросоюз предложит механизм для поддержания импорта иранской нефти, не оправдались.

Но главное, что от бизнеса с Ираном в нефтегазовой сфере отказались европейские компании

и общеевропейские экономические институты. Нефтеперерабатывающие заводы в Италии и Греции отказались от закупок иранской нефти, хотя получили на это временные разрешения Министрства финансов США [44]. Французская *Total* не получила от США освобождения от санкций и отказалась от крупного инвестиционного проекта в Иране притом, что более чем 90% финансовых транзакций компании обслуживаются с участием американских банков, а американские инвесторы контролируют 30% её акционерного капитала [45]. Иное решение могло обернуться банкротством *Total*. Показательно и то, что Европейский инвестиционный банк заявил, что у него нет иного выбора, кроме как выполнять санкционный режим в отношении Ирана, поскольку он активно работает на рынке капитала в США, а потому не может подвергать риску свою деятельность и выполнять роль инструмента Евросоюза для работы с иранскими проектами [46].

Позиция США практически исключает возможность использования INSTEX для поддержания европейского сотрудничества с Ираном в нефтяной сфере. Госдепартамент США заявил, что компании, вовлечённые в запрещённое санкциями экономическое взаимодействие с Ираном через этот механизм, рискуют потерять доступ к американской финансовой системе и возможность вести бизнес с американскими компаниями [47]. В апреле 2019 г. США признали КСИР международной террористической организацией [48].

Шок американских санкций 2018–2019 гг. транслировался в иранскую экономику заметно быстрее, чем это наблюдалось в 2012–2015 гг. Уже через шесть месяцев с момента объявления санкций экспорт иранской нефти, при том что восемь стран — крупнейших импортеров нефти из Ирана получили временные разрешения на её закупки в определённых объёмах, сократился наполовину (рис. 4). В апреле 2019 г. США взяли курс на сведение иранского нефтяного экспорта к нулю. В мае импорт иранской нефти приостановили Индия и Турция. Иран, безусловно, найдёт возможности продолжать экспорт нефти, хотя и не в прежних объёмах, по непрямым и обходным каналам, но ему придётся предоставлять её импортёрам дополнительные ценовые скидки в качестве платы за риск работы с токсичным активом.

Риск снижения притока в экономику нефтедолларов обострил ситуацию на валютном рынке. Сразу же после объявления США о намерении выйти из договора СВПД началось быстрое обесценивание иранского риала (рис. 5). За май–сентябрь 2018 г. национальная валюта Ирана обесценилась относительно доллара в 2.3 раза, затем властям удалось на короткий срок вре-

Рис. 4. Глубина снижения экспорта иранской нефти в период двух санкционных шоков

Источники: рассчитано по [49] и данным отраслевой бизнес-периодики.

Рис. 5. Иран: ежемесячная динамика обменных курсов национальной валюты и цены нефти Brent, январь 2011 — апрель 2019 гг.

Источники: составлено и рассчитано по [15, 28, 50] и оценкам в мировой бизнес-периодике.

менно приостановить ползучую девальвацию. С января 2019 г. она возобновилась. Параллельно обесценению национальной валюты заметно выросла потребительская инфляция. По оценкам Международного валютного фонда, ВВП Ирана в 2018 г. снизился на 5,4%, 2019 г. — 7,6% и в 2020 г. сократится ещё на 6%. В 2021 г. спад может прекратиться, но экономика будет восстанавливаться вялыми темпами [51]. С 15 мая 2019 г. Иран приостановил выполнение обязательств по СВПД и заявил о готовности выйти из договора, если в течение двух месяцев не будут обеспечены меры, позволяющие ему экспортировать нефть [52].

Независимо от сценариев дальнейшего развития событий очевидно, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе иранский нефтяной сектор, как и экономика в целом, будут функционировать в чрезвычайном режиме выживания. Это означает, что доля Ирана в мировой нефтедобыче будет снижаться. Это пример богато наделённой углеводородами страны, в которой экзогенные для нефтяного сектора политические шоки препятствуют реализации её потенциала. Влияние Ирана на функционирование мирового рынка нефти последовательно ослабевает.

* * *

Новый раунд санкционного давления на Иран разворачивается на фоне структурного избытка предложения нефти на мировом рынке. Этот избыток формируется из-за продолжающегося роста добычи в США и нарастающего стремления стран — держателей крупных углеводородных запасов максимально монетизировать их в короткие сроки. Не без определённых трудностей и потерь уход с мирового рынка значительных объёмов иранской нефти может быть компенсирован увеличением нефтедобычи в США, Бразилии, Ираке и других странах.

При этом пик глобального спроса на нефть, согласно многим прогнозам, ожидается уже во второй половине 2030-х годов, что заставляет инвесторов всё более тщательно оценивать риски введения в оборот капиталоемких запасов углеводородов с длительными сроками окупаемости проектов. Если по технико-экономическим характеристикам запасы нефти в Иране сравнительно привлекательны, то в силу политико-экономических факторов значительная их часть может остаться в земле. Риск того, что значительная часть качественной и сравнительно дешевой по издержкам добычи иранской нефти будет не востребована мировым рынком, постоянно возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. BP Statistical Review of World Energy June 2018. <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 13.03.2019).
2. Rystad Energy UCube Barrel Breakdown. <http://graphics.wsj.com/oil-barrel-breakdown/> (дата обращения 13.05.2019).
3. OPEC Annual Statistical Bulletin 1999, 2018. https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm (дата обращения 13.05.2019).
4. *Gonzales P.R.* Running Out: How Global Shortages Change the Economic Paradigm. New York, Algora Publishing, 2006.
5. *Gonzales P.R.* Running Out. Global Strategies Change the Economic Paradigm. A Statistical Yearbook 2008. New York, Algora Publishing, 2008.
6. Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М.: Наука, 1989.
7. U.S. Navy Sinks or Cripples 6 Iranian Vessels in Major Persian Gulf Battle. <http://web.stanford.edu/group/tomzgroup/pmwiki/uploads/2752-1988-04-22-FoF-a-JZW.doc> (дата обращения 13.05.2019).
8. Declaration of Rambouillet. November 17, 1975. <http://www.g8.utoronto.ca/summit/1975rambouillet/communique.html> (дата обращения 13.05.2019).
9. *Katzman K.* The Iran Sanctions Act (ISA). CRS Report for Congress. Updated October 12, 2007. <https://fas.org/sgp/crs/row/RS20871.pdf> (дата обращения 13.05.2019).
10. Iran Sanctions. Congressional Research Service RS20871. Updated February 4, 2019. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS20871/285> (дата обращения 19.03.2019).
11. *Jalilvand D.R.* Back to Square One? Iranian Energy after the Re-Imposition of US Sanctions. The Oxford Institute for Energy Studies, March 2019. <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2019/03/Iranian-Energy-after-the-Re-Imposition-of-US-Sanctions.pdf> (дата обращения 20.03.2019).
12. *Fesharaki F., Varzi M.* Investment Opportunities Starting to Open up in Iran's Petroleum Sector // Oil & Gas Journal. 2000. Feb. 14. P. 44–52.
13. *Van Groenendaal W.J.H., Mazraati M.* A Critical Review of Iran's Buyback Contracts // Energy Policy. 2006. V. 34. P. 3709–3718.
14. *Esfahani H.S., Pesaran M. Hashem.* The Iranian Economy in the Twentieth Century: a Global Perspective // Iranian Studies. 2009. V. 42, iss. 2. P. 177–211.
15. Базы данных Energy Information Administration. <https://www.eia.gov/> (дата обращения 20.05.2019).
16. *Shahriari K., Selangor S.* Modernization Process in Iran: Historical Overview // Journal of Social Science Studies. 2017. V. 4, no. 1. <http://jsss.macrothink.org> (дата обращения 15.05.2019).
17. *Mahdavi P.* Oil, Monarchy, Revolution, and Theocracy: a Study on the National Iranian Oil Company (NIOC) / Viktor G., Hults D.R., Thurber M.C., eds. // Oil and Governance. State Owned Enterprises and the World Energy Supply. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. P. 234–279.
18. *Yong W.* NIOC and the State: Commercialization, Contestation and Consolidation in the Islamic Republic of Iran. The Oxford Institute for Energy Studies. MEP 5. May 2013. <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2013/05/MEP-5.pdf> (дата обращения 15.05.2019).
19. *Habibi N.* Can Rouhani Revitalize Iran's Oil and Gas Industry? // Brandeis University Crown Center for Middle East Studies. June 2014. no. 80. <https://www.brandeis.edu/crown/publications/meb/MEB80.pdf> (дата обращения 15.05.2019).
20. Europe's Iran Policy. https://europa.unc.edu/files/2016/11/Brief_Europe_Iran_Diplomacy_2008.pdf (дата обращения 15.05.2019).
21. Security Council Resolutions 1737 (2006), 1747 (2007), 1803 (2008), 1929 (2010). <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions-0> (дата обращения 15.05.2019).
22. Iran Sanctions. Congressional Research Service RS20871. Updated April 22, 2019. <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RS/RS20871/291> (дата обращения 20.05.2019).
23. Council Decision 2012/35/CFSP of 23 January 2012 Amending Decision 2010/413/CFSP Concerning Restrictive Measures against Iran. <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/9cae1390-1296-4e87-9d24-c4d776654b63/language-en> (дата обращения 15.05.2019).
24. SWIFT Instructed to Disconnect Sanctioned Iranian Banks Following EU Council Decision. <https://www.swift.com/insights/press-releases/swift-instructed-to-disconnect-sanctioned-iranian-banks-following-eu-council-decision> (дата обращения 15.03.2012).
25. Treasury Submits Report to Congress on NIOC and NITC (9/24/2012). <https://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/tg1718.aspx> (дата обращения 15.05.2019).
26. Maddison Project Database 2018. <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2018> (дата обращения 10.03.2019).
27. UN National Accounts Statistics. <https://unstats.un.org/unsd/snaama/Downloads> (дата обращения 10.03.2019).
28. Central Bank of the Islamic Republic of Iran. Economic Time Series Database. <https://tsd.cbi.ir/> (дата обращения 10.03.2019).
29. Базы данных International Energy Agency. <https://www.iea.org/> (дата обращения 20.05.2019).
30. Old Technology, Equipment, Holding Back Iran Oil Sector // Financial Tribune. 2017. July 11. <https://financialtribune.com/articles/energy/68140/old-technology-equipment-holding-back-iran-oil-sector> (дата обращения 20.05.2017).
31. *Dokhani V., Minagar Z.* Iran Seeks Field Revitalization, New Development // Oil & Gas Journal. 2016. September 5. <https://www.ogj.com/articles/print/volume-114/issue-9/exploration-and-development/iran-seeks-field-revitalization-new-development.html> (дата обращения 20.05.2017).

32. *Chow E.C., Ashayeri C., Stanley A.J.* The Future of Iran's Oil and Gas Industry. 2019. <https://ssrn.com/abstract=3269898> (дата обращения 19.01.2019).
33. National Iranian Oil Company Annual Report 2017. <http://en.nioc.ir/Portal/Home/> (дата обращения 10.03.2019).
34. *Catherine D.C., Cimono-Isaacs C.D., Katzman K.* Iran's Expanding Economic Relations with Asia // CRS Insight. 2017. November 29. <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IN10829.pdf> (дата обращения 20.03.2019).
35. CRS Report for Congress. Iran Sanctions. 2018. November 17. https://www.everycrsreport.com/files/20171121_RS20871_17a9984e6646e1eb3028c603adcfcff03a0c49f.pdf (дата обращения 19.03.2019).
36. *Borzorgmehr N.* China Ties Lose Lustre as Iran Refocuses on Trade with West // Financial Times. 2015. September 23. <https://www.ft.com/content/9d1564bc-603f-11e5-a28b-50226830d644> (дата обращения 19.03.2019).
37. Iran to Launch New Development Phases of South Pars Gas Field. <https://www.reuters.com/article/us-iran-oil-south-pars/iran-to-launch-new-development-phases-of-south-pars-gas-field-idUSKBN1QT0TS> (дата обращения 12.03.2019).
38. “Зарубежнефть” ушла из Ирана в преддверии санкций // Ведомости. 2019. 31 октября. <https://www.vedomosti.ru/business/news/2018/10/31/785262-iz-v> (дата обращения 25.03.2019).
39. Ex-diplomat: not Only China, but Russia, India, Turkey Will Leave Iran. <https://theiranproject.com/blog/2019/01/21/ex-diplomat-not-only-china-but-russia-india-turkey-will-leave-iran/> (дата обращения 21.01.2019).
40. SWIFT and Sanctions. <https://www.swift.com/about-us/legal/compliance/swift-and-sanctions> (дата обращения 16.04.2019).
41. *Tan F.* U.S. Says Iran has Lost \$10 Billion in Oil Revenue due to Sanctions. <https://www.reuters.com/article/us-cerawee-energy-iran/us-says-iran-has-lost-10-billion-in-oil-revenue-due-to-sanctions-idUSKBN1QU21X> (дата обращения 13.03.2019).
42. *Faucon B.* China Offers Iran \$3 Billion Oil Deal // The Wall Street Journal. 18.01.2019. P. A7.
43. Joint Statement on the Creation of INSTEX, the Special Purpose Vehicle Aimed at Facilitating Legitimate Trade with Iran in the Framework of the Efforts to Preserve the Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) (31 January 2019). <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/iran/events/article/joint-statement-on-the-creation-of-instex-the-special-purpose-vehicle-aimed-at> (дата обращения 19.03.2019).
44. Europe not Buying Iran Oil despite Waivers. <https://www.shana.ir/en/newsagency/287346/Europe-Not-Buying-Iran-Oil-Despite-Waivers> (дата обращения 05.02.2019).
45. US Withdrawal from the JCPOA: Total's Position Related to the South Pars 11 Project in Iran (16 May 2018). <https://www.total.com/en/media/news/press-releases/us-withdrawal-jcpoa-totals-position-related-south-pars-11-project-iran> (дата обращения 20.04.2019).
46. *Carbonnel A.* EU's Bank Says Cannot Ignore U.S. Sanctions on Iran. <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-eu/eib-says-cannot-ignore-u-s-sanctions-on-iran-idUSKCN1J21XR> (дата обращения 20.03.2019).
47. U.S. Does not Expect European SPV to Affect U.S. Pressure Campaign on Iran. <https://www.reuters.com/article/us-iran-usa-sanctions-comment/u-s-does-not-expect-european-spv-to-affect-u-s-pressure-campaign-on-iran-idUSKCN1PP20B> (дата обращения 31.01.2019).
48. A Notice by the State Department. In the Matter of the Designation of the Islamic Revolutionary Guard Corps (and Other Aliases) as a Foreign Terrorist Organization. <https://www.federalregister.gov/documents/2019/04/15/2019-07415/in-the-matter-of-the-designation-of-the-islamic-revolutionary-guard-corps-and-other-aliases-as-a> (дата обращения 15.05.2019).
49. Joint Oil Data Initiative. <https://www.jodidata.org/> (accessed 20.05.2019).
50. База данных по обменному курсу риал-доллар. <https://www.bonbast.com/historical> (дата обращения 20.05.2019).
51. IMF World Economic Outlook Update, June 2020.
52. Iran Urges P4+1 to Take Practical Measures. <http://www.irna.ir/en/News/83309525> (дата обращения 10.05.2019).

**ПОПРАВКА К СТАТЬЕ О.В. ДАВЫДОВА И М.Н. НОВИЧКОВОЙ
“МИРНЫЙ ПРОЦЕСС НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ”**

DOI: 10.31857/S0869587320350017

В журнале “Вестник Российской Академии наук” № 8/2020 в статье О.В. Давыдова и М.Н. Новичковой “Мирный процесс на Корейском полуострове: проблемы и пути развития” должна присутствовать сноска:

¹ Статья перепечатывается из журнала “Мировая экономика и международные отношения” (2020. Т. 64. № 1. С. 56–63).